

SLAVICA LIV

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS

Slavica

LIV

DEBRECENI EGYETEMI KIADÓ
DEBRECEN UNIVERSITY PRESS
2025

Editorial board

Klára Agyagási (Editor-in-chief, Professor, University of Debrecen)
Oleh Belej (Professor, University of Wrocław)
Natalia Ivanova (Professor, Lomonosov Moscow State University)
Zhivka Koleva-Zlateva (Professor, St. Cyril and St. Methodius University
of Veliko Tarnovo)
Mark Lipovetsky (Professor, Columbia University New York City, USA)
Angelika Molnár (Associate Professor of University of Debrecen)
Antonina Nikonova (Associate Professor, Saint Petersburg State University)
Lajos Pálfalvi (Associate Professor of University of Debrecen)
Ildikó Regéczi (Professor, University of Debrecen)
András Zoltán (Professor, ELTE University of Budapest)

О журнале

Журнал *Slavica* (*Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis*) был основан в 1961 году и издается ежегодно в августе в объеме одного тома Институтом славистики Дебреценского университета. В нем, соответственно традициям, публикуются оригинальные исследования по славянскому и сравнительному языкознанию, литературоведению и культурологии, а также сообщения, обзоры и рецензии в перечисленных областях.

Рукописи принимаются на русском, английском и немецком языках. Каждая статья подвергается рецензированию по peer-review системе.

About the journal

Slavica (*Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis*) was established in 1961 and is published annually in August by the Department of Slavonic Studies of the University of Debrecen. Traditionally it covers research in Slavonic and comparative linguistics, literature and civilization, as well as reviews in the above mentioned areas.

Contributions are accepted in Russian, English and German. Submitted manuscripts are subject to peer-review evaluation.

Online access: <https://ojs.lib.unideb.hu/slavica>

Postal address / Почтовый адрес: Szlavisztikai Intézet, Debreceni Egyetem,
H-4032 Debrecen, Egyetem tér 1.

E-mail / Электронная почта: slavica@arts.unideb.hu

ISSN 0583-5356 (print), ISSN 2732-0146 (online); DOI: 10.31034

Дебреценский университет

Издатель: Zoltán SZILVÁSSY, ректор университета

Оригинал-макет подготовлен Институтом славистики

Дебреценского университета

Отпечатано в отделе репрографии Дебреценского университета

Технический редактор: Ева Пентек

Русскоязычный редактор: Дмитрий Мазалевский

Содержание

ЯЗЫКОЗНАНИЕ / LINGUISTIC STUDIES / SPRACHWISSENSCHAFT	7
Нава Ванда ШАХВЕРДОВА: Ненормальная «новая нормальность». Концепт «новая нормальность» как фреймовая структура в дискурсе социальных медиа. Когнитивно-дискурсивный анализ	9
Кристина К. КОВАЧ: К изучению экологической терминологии: Термин природопользование в русскоязычных текстах разных стилей	33
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / LITERARY STUDIES / LITERATURWISSENSCHAFT	49
Andrea PISKÓTI-POSTA: Fragmentation in Byron's <i>The Giaour</i> as a Model for Lermontov's <i>A Hero of Our Time</i>	51
Франческо ВАРЛАРО – Алексей КОЗЛОВ: Лагерная проза: о семантической емкости и содержании понятия	64
Жужанна КАЛАФАТИЧ: Трансформация лагерной темы в романе Сергея Лебедева «Предел забвения»	78
Игорь СУХИХ: В поисках победителей: К 100-летию Юрия Трифонова	89
Ilaria REMONATO: From Literature to Ecocriticism: Siberian Dams and Their Impact on the Natural and Human Environment	97
НАУЧНАЯ КРИТИКА / SCIENTIFIC CRITICISM / WISSENSCHAFTSKRITIK	119
Каталин НЕМЕТ: Орнаментальность, ритмичность, повтор в прозе. Г.Г. Багаутдинова: <i>Поэтика нероманной прозы И.А. Гончарова</i>	121
Ференц ВАРАДИ: «... изучение травелогов часто становится путешествием...» А.Ю. Сорочан: <i>Литература путешествий как литература</i>	129
Марк МУРАНИ: От Григория Нисского до Бориса Акунина и Евгения Водолазкина – и дальше. <i>Сборник научных трудов в честь 80-летия Арпада Ковача</i>	136
Нарцис ГАЙДОШ: На пороге перемен. <i>Аннамария Ваши: Долой социализм – да здравствует постмодернизм!</i>	144
Андраш БОЗОРАДИ: С ними или без них? Б. Янгфельдт: <i>Мы и они. История «русской идеи»</i>	151
Klára AGYAGÁSI: Bücher haben ihre Schicksale... <i>Ferenc Gergor: Die ungarischen Elemente der slowakischen Sprache</i>	159
ФОРМАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ / FORMAL REQUIREMENTS	168

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTIC STUDIES

SPRACHWISSENSCHAFT

Нава Ванда ШАХВЕРДОВА

НЕНОРМАЛЬНАЯ «НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ»

**КОНЦЕПТ «НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» КАК ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА
В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ**

The Abnormal “New Normality”

**The Concept of “New Normality” as a Framing Structure in Social Media
Discourse – A Cognitive-Discursive Analysis**

Abstract

This study is devoted to the analysis of the concept of the “new normality” and the description of its frame structure in everyday usage within social media discourse. Based on a cognitive-discursive approach, the research examines the transformation of the meaning of the expression “new normality” from its original economic-political term into a polysemous linguistic tool for expressing evaluation, anxiety, and rejection.

Using comments from social media platforms (Facebook, Telegram, LiveJournal), the study identifies frames and thematic groups in which this concept is actualized: moral and value devaluation, cultural-civilizational crisis, ideological pressure, normalization of violence, mediatization of tragedies, and social adaptation to post-COVID realities.

The analysis shows that the “new normality” functions in media discourse as a marker of normative transformation and a cognitive representation of crisis phenomena. The concept serves as an ironic label, a means of stigmatization, emotional evaluation, and as a tool for expressing identity and describing the “other” amid global and local changes.

Keywords: *new normality, concept, cognitive-discursive analysis, social media, frame, media discourse, crisis*

0. Введение

В данном исследовании рассматривается концепт «новая нормальность», являющийся переводом английского экономического термина *New Normal*. Термин широко употребляется в разных сферах коммуникации, в экономической и политологической литературе. Наше внимание нацелено на описание аспектов концепта «новая нормальность» и его употребления в дискурсе комментариев социальных сетей – в процессе выражения мнения в связи с актуальной новостной повесткой, то есть рассматривается употребление и значение данного концепта в повседневной речи, даже если это комментарий профессионалов-политиков или телеведущих. Материал был собран методом сплошной выборки

с использованием поисковых систем Telegram и Facebook, поиск в Google не дал желаемых результатов, так как приводил в основном терминологические примеры в текстах экономической, реже политологической специальной литературы.

Выражение *новая нормальность* в современном обиходе распространилось после финансового кризиса 2008 года, преобразовавшего экономические процессы и повседневный уклад общества. Впервые термин начал использоваться в аналитических и медийных кругах для обозначения новых условий быта, характеризующихся изменениями в тенденциях экономического роста, уровнях потребления, занятости и социальной политики. Закрепление термина произошло в 2009 году в рамках саммита G20 в Питтсбурге, где он был официально зафиксирован в итоговом коммюнике мировых лидеров как способ указания на изменения в условиях посткризисного мира. Таким образом, «новая нормальность» изначально выступала как политико-экономический концепт, фиксирующий смену парадигмы глобального развития и норм поведения как на уровне институтов, так и на уровне массового сознания [СОГРИН 2022: 85, ЕРМАКОВ 2022: 78, Фонд 2021: 4, ФЕДЯЕВА–ДЕМЧЕНКОВ 2016: 369].

Схожее по смыслу выражение – *возвращение к нормальности* (*Return to Normalcy*) – стало центральным лозунгом предвыборной кампании Уоррена Г. Гардинга в 1920 году. Этот лозунг отражал стремление американского общества вернуться к привычному укладу после потрясений Первой мировой войны и пандемии «испанского гриппа». В одной из своих программных речей Гардинг подчеркивал необходимость «излечения» и «реставрации», а не революционных преобразований. Понятие нормальности в этом контексте выполняло идеологическую функцию восстановления порядка, спокойствия и социальной предсказуемости. Хотя термин *новая нормальность* в данном виде не использовался, сам механизм обращения к идее нормы как точки опоры в условиях посткризисного общества уже тогда начал оформляться в политическом дискурсе США [ЕРМАКОВ 2022: 78, Фонд 2021: 4].

В период пандемии COVID-19 термин *новая нормальность* обозначал не только санитарно-бытовые изменения, но и трансформацию отношения к гражданским правам и свободам. Под видом борьбы с пандемией вводились ограничительные меры, ранее допустимые лишь в условиях чрезвычайного положения: цифровой контроль, сегрегация по медицинским основаниям, ограничение свободы передвижения, собраний и частной жизни [КУЗНЕЦОВ–СОКОЛОВА 2021: 4–10, цит. по ПЛИЕВ 2021: 218]. Выражение постепенно теряет терминологический характер и получает новое значение в качестве маркера быстрых и радикальных, негативно затрагивающих индивида изменений, к которым необходимо адаптироваться. Это сопровождалось смещением акцента от правовой легитимации к логике экспертного регулирования – помимо передачи информации, нередко выражается неодобрение автора в связи с изменениями и ограничениями.

Упомянув вышеописанные значения термина, мы не желаем останавливаться на них подробно, а вместо этого обращаемся к использованию выражения *новая нормальность* в сетевых комментариях (Facebook, Telegram), рассматривая особенности его употребления и наполнения фреймов концепта потенциальными значениями. Использование данного выражения на упомянутых цифровых платформах характеризуется эмоциональной мотивированностью и интенцией осуждения – в противоположность предыдущим, вышеупомянутым, скорее терминологическим его употреблениям.

В рассмотренном нами языковом материале выражение *новая нормальность* служит средством противопоставления рациональности, нормам этики и морали, правилам, здравому смыслу, традиционному укладу жизни. Процесс экспликации «тела концепта» представляет читателю перечень явлений, действий и признаков, которые отторгаются говорящими, их перечисление нередко сопровождается резкой отрицательной оценкой. Представляя свое понимание «новой нормальности» коммуникант конструирует и маркирует цивилизационную и культурную сферу «чужого», одновременно стигматизируя и демонизируя ее. Особенно явно прослеживается это в дискурсе современной пророссийской пропаганды, которая использует рассуждения о «новой нормальности» как доводы своей правоты. Таким образом, концепт «новая нормальность» становится выражением эмоционального отношения, средством пропагандистской манипуляции, а также создания инклюзивности/эксклюзивности, солидарности, формирования ценностной базы идентичности.

1. О понятии «концепт»

В качестве методологической рамки исследования используется когнитивно-дискурсивный подход. Когнитивная лингвистика активно разрабатывает понятие концепта как базовой единицы ментального представления знания в языке. Концепты представляют собой многослойные когнитивные структуры, способные воплощаться и актуализироваться в различных формах: понятиях, образах, символах, фреймах, сценариях, эпизодах и т.д. [АЛЕФИРЕНКО–КОРИНА 2021]. Одним из концептов, активно функционирующих в медиадискурсе последнего десятилетия, стал концепт «новая нормальность», который анализируется через слотовое наполнение его возможных фреймов.

В более ранних работах нами уже рассматривались определения концепта, основанные на трудах Поповой и Стернина, а также Кубряковой, Никишиной и других [см. КУБРЯКОВА–ДЕМЬЯНКОВ и др. 1996, ПОПОВА–СТЕРНИН 2001: 9, НИКИШИНА 2002: 5, КУБРЯКОВА 2004, ШАХВЕРДОВА 2023]. Согласно одному из определений: «Концепт является ментальной репрезентацией опыта определенной языковой общности, фиксации этого опыта, концептуализацией этого опыта в определенной форме, его упорядочением и категоризацией. Человек систематизирует и структурирует свой мир, сохраняет результаты в виде различных знаний и представляет их с помощью языка в виде номинативных и предикативных единиц» [КОТЛЯРОВА 2013: 93, ШАХВЕРДОВА 2023:

101–102]. В процитированной статье также подчеркиваются трудности научного описания концепта, поскольку это ментальное образование включает в себя не только вербальные и невербальные знаки, но также образы, оценки и интуитивные ощущения.

Соавторы Алефиренко и Корина определяют концепт как квант структурированного знания, включающий образ, понятие и символ [АЛЕФИРЕНКО–КОРИНА 2021: 28]. Мы разделяем их мнение об изначально образной природе концепта, характеризующейся жесткой структурой и совокупностью концептуальных признаков. Авторы подчеркивают гетерогенность этой структуры: ядро концепта составляют устойчивые признаки и культурные ассоциации, тогда как периферия носит ассоциативный, индивидуально окрашенный характер и изменяется в зависимости от типа дискурса. Соглашаясь с этим подходом, **мы рассматриваем концепт как многомерную смысловую структуру, в основе которой лежит конкретный чувственный план – образ или понятие, выступающее как логико-категорийный компонент и символ, наделенный культурным значением. Концепт формируется в сознании индивида и актуализируется в речи, отражая как универсальные, так и индивидуальные элементы ментального опыта** [АЛЕФИРЕНКО–КОРИНА 2021: 28–29, 72–73, 87–91].

Целью настоящего исследования является рассмотрение фреймовой структуры концепта «новая нормальность» и его дискурсивной реализации, слотового наполнения на примере речевых практик социальных сетей (Facebook, Telegram, LiveJournal). Структура концепта носит бинарный характер: «новая нормальность» подразумевает изменение состояния мира, противопоставление некоей гипотетической «старой нормальности», от которой новая норма существенно отличается. Предполагается, что переход к «новой нормальности» обусловлен внешними событиями, вызвавшими сдвиг в восприятии и интерпретации реальности. Для того, чтобы рассмотреть элементы концепта новая нормальность, необходимо обратиться к семантике самого термина, производной формой которого является «нормальность», рассмотрев значения понятия «норма».

2. Осмысление концепта новая нормальность через понятие «норма»

Путь рассмотрения компонентов значения концепта «нормальность» ведет через описание их у концепта «норма», которое составляет его когнитивную основу. Слово *норма* происходит от латинского *norma* – 'мера', 'правило', 'образец'. Оно представляет собой универсальный феномен, присутствующий во всех культурах и охватывающий различные сферы человеческой жизни [КАДЕЕВА 2009, ДЗЮБА 2018: 16, КУШНЕРУК 2021: 45–49].

Исследователи [АРУТЮНОВА 1999: 69–70; АПРЕСЯН 1995, цит. по ДЗЮБА 2018: 16–17] рассматривают «норму» как семантический примитив – базовый элемент языка, с помощью которого описываются другие языковые единицы. Таким образом, выражение *норма* выступает в роли метаязыковой единицы,

способной характеризовать предметные, понятийные и ментальные феномены как в бинарных оппозициях – соответствие/несоответствие норме, – так и в шкальном измерении: ниже нормы, в пределах континуума, совпадающего с нормой, выше нормы, выдающееся [см. также КУШНЕРУК 2021: 46].

Значение понятия норма определяется терминами сущего и должного [ПОПОВА 2013: 109]. Сущее понимается как описание нормального состояния объектов или явлений, а отклонение от него трактуется как аномалия или патология. Такое толкование характерно для естественных наук, норма же как должное рассматривается как правило, которому необходимо следовать. В таком своем значении норма не описывает реальность, а предписывает ее, например, таковы правовые общеобязательные нормы, формально определенные принудительные правила поведения. При этом Дзюба подчеркивает относительность нормы и ее зависимость от контекста [ДЗЮБА 2018: 17]. Существенным различием между нормой как сущим и нормой как должным является тот факт, что пока в первом случае отклонение от нормы воспринимается как аномалия, во втором – как проступок, ошибка или даже преступление. Иными словами, норма не только отражает объективную реальность, но и формирует представление о том, какой она должна быть.

Концепт нормы выполняет в коммуникации ориентирующую функцию, норма не существует изолированно – определяется через сопоставление с чем-либо другим, может быть определена как усредненная точка отсчета, включающая в себя как социальные, так и личностные факторы. Представления о норме характеризуются социальной относительностью и опираются на совокупность постулатов, принятых в конкретном обществе в качестве ориентира для оценки событий и явлений. Кроме того, они включают в себя и субъективные взгляды индивида на то, что является точкой отсчета – мерой, с которой сравниваются различные ситуации – следовательно, значение нормы в дискурсе определяется как контекстом, так и восприятием/представлениями носителей языка. Исходя из этих двух значений концепта норма, Попова предлагает два подхода для определения нормы: статистически-адаптационный, при котором норма определяется через среднее, наиболее распространенное состояние, и культурно-цивилизационный подход, при котором норма рассматривается через призму культуры социальной группы, передаются стереотипы поведения как нормы, которые в разных культурах могут даже противоречить друг другу, ведь то, что нормально для одной культуры может считаться патологией для другой [ПОПОВА 2013: 109]. Подытоживая, можно определить, что авторами выделяются два основных значения концепта «норма» – как средней величины и свода социальных правил.

Монография «Нормы и мораль в социологической теории» сравнивает понятия нормы, конвенции и правила [ДЕВЯТКО И ДР. 2017: 16–26]. В раннее изложенных подходах эти понятия нередко сливались с понятием «норма» как формы социальной практики общества и индивида. Конвенции он определяет как устойчивые, но необязательные координационные решения, нарушение которых вызывает неодобрение, но не влечет формальных санкций:

люди могут следовать им, но они не обязаны этого делать. Правила же исследователь трактует как предписывающие стандарты, нарушение которых может вызвать санкции, так как это формализованные предписания, закрепленные в системе права, морали или игры, тогда как нормы – это социальные ожидания, существующие как устойчивые стандарты поведения. Автор приходит к выводу, что социальные нормы существуют не только как формальные предписания, но и как восприятие, признание и практика в обществе. Для того чтобы сделать выводы о нормах, исследователю необходимо анализировать нормативные суждения, так как поведение индивидов с такой точки зрения не всегда последовательно. Исследователь подчеркивает, что поведение не всегда следует норме, так как зависит от субъективных и контекстуальных факторов. Попова дополняет это тем, что норма выступает инструментом прогнозирования: она задает модель будущего действия и влияет на организацию социальной реальности [ПОПОВА 2013: 112]. Таким образом, норма выступает не только отражением, но и механизмом конструирования и изменения социальной реальности.

В проанализированной литературе авторы, как правило, указывают на обобщенную идеологическую систему этических, моральных и национально-культурных ценностей, подчеркивая различия таких систем в разных культурах, однако не распространяют анализ на сравнение конкретных национально-культурных ценностей, функционирующих в данном обществе как совокупность предписанных и непредписанных норм, критериев и установок. Именно с этой системой должен соотносить свою ценностную базу так называемый «нормальный» или среднестатистический представитель общества. Подобный свод ценностей представляет собой мощный ресурс для формирования индивидуальной и коллективной идентичности – как на уровне личности, так и на уровне социальной группы или общества в целом. *Анализируя явления, относящиеся к категории нормы или ее составляющие, мы получаем возможность вычленить единицы, выполняющие роль конституирующих оснований нормативной системы культурного кода национального сознания, и тем самым моделировать ценностные векторы, формирующие основу нормативного сознания в данном обществе.*

3. О понятии «фрейм»

В своем анализе языкового материала мы рассматриваем концепт «новая нормальность» через призму его фреймовой структуры и содержательного наполнения. В рамках данного подхода фрейм интерпретируется как когнитивная структура более низкого уровня абстракции по сравнению с концептом, поскольку он конкретизирует и структурирует отдельные элементы концептуального содержания. В научной литературе представлены различные интерпретации соотношения понятий «фрейм» и «концепт». Например, как двух разных типов ментальных образований соотносящихся,

связанных друг с другом: «Фреймы представляют собой разновидности концептов – более сложные по структуре и более насыщенные по содержанию <...> Они представляют собой схемы интерпретации реальности. <...> Фрейм включает в себя слоты, которые представляют собой типовые позиции в интерпретируемой ситуации. Слоты могут быть заполнены конкретной информацией и формировать тем самым специфический подфрейм или подслот» [КУБРЯКОВА 2004: 91–92]. Согласно Н.Д. Арутюновой, каждое высказывание активизирует определенный когнитивный фрейм – совокупность знаний, представлений и ожиданий, связанных с типичной ситуацией, в которую помещается описываемое событие: «Язык кодирует эти фреймы средствами грамматики, лексики, синтаксиса» [АРУТЮНОВА 1999: 105].

Таким образом, фрейм можно *определить как когнитивную структуру, организующую знание о типичной ситуации – возможную реализацию концепта, однако являющуюся все еще абстракцией, включающую схему совокупности знаний и ожиданий, активируемых/реализующихся в конкретном высказывании*. В нашем понимании фрейм может быть описан как ментальный сценарий, тесно связанный с потенциалом реализации концепта.

Составляющие фрейма, слоты, представляют собой типовые позиции его структуры: участники, объекты, инструменты и другие элементы. Эти слоты могут быть конкретизированы подслотами – валентными позициями предиката, наполняемыми определенным содержанием (тип, количество, качество и т.п.) [АРУТЮНОВА 1999: 122, КУБРЯКОВА 2004: 91–92].

Дополнительные элементы, оформляющие семантическую структуру фрейма и его слотов/подслотов, включают также и субъективное наполнение: интенцию, цель, модальность, модус действия (повторяемость, преднамеренность, фазу), а также эмоциональное и интеллектуальное сопровождение [ВАН ДЕЙК 1989: 8–11, АРУТЮНОВА 1999: 130].

С этой точки зрения концепт «новая нормальность», в силу своей комплексности, размытости и ситуативной вариативности, реализуется через множество тематически и контекстуально обусловленных фреймов.

Понятие «нормальность» в данном случае представляет собой систему ценностей и определенное видение мира, включающее базовые жизненные ориентиры человека. В зависимости от контекста активизируются те элементы концепта, которые в данный момент значимы для говорящего. Таким образом, концепт «нормальность» утверждается через индивидуальную картину мира, лежащую в основе личностной идентичности, и может быть описан в процессе наблюдения оценочных суждений о системе норм.

4. Фреймовая структура концепта «новая нормальность» в социальных сетях: анализ и обобщение

Как уже упоминалось выше, языковой материал был собран в социальных сетях – в основном в Facebook, Telegram, а также частично в LiveJournal, с использованием корпуса ГИКРЯ. Поиск в НКРЯ не дал результатов. В ходе первичного этапа сбора было отобрано 126 примеров, в которых встречалось выражение *новая нормальность*, но некоторые из них были исключены, поскольку отличались по своему значению, употребление сопровождалось дополнительными определениями, делающими выражение более специфичным, например, *новая геоэкономическая нормальность*. Оставшийся материал был проанализирован по своим слотам и подслотам, была составлена таблица, в которой фигурировал языковой пример, из которого извлекались слоты и подслоты, а также эксплицировалось и обобщалось его содержание. После анализа примеров были выделены тематические группы значений концепта «новая нормальность», к каждой из которых относилось несколько примеров. Следует отметить, что фрейм «новая нормальность» может быть охарактеризован как динамическая многоуровневая когнитивная структура, которая обладает гибкой слотовой организацией: ее наполнение может относиться к различным тематическим полям – от морали и медиа-практик до экономики и политики.

При рассмотрении тематических групп языковой материал сознательно не разделялся на высказывания с пророссийской и не пророссийской идеологией, хотя в них прослеживаются определенные различия, касающиеся тематики и функции высказывания, так как в дискурсе пропаганды преобладает аргументация, тогда как в остальных примерах употребление и экспликация значения выражения служит реакцией на происходящие события. Однако формальная структура фрейма остается идентичной независимо от тематического наполнения слотов.

В данном разделе статьи рассматривается тематическое оформление фреймов концепта «новая нормальность». Некоторые группы близки по тематике (например, первая и вторая в перечислении), и отдельные примеры могут быть отнесены к нескольким из них. На текущем этапе исследования по критерию тематической целостности были выделены следующие группы: «новая нормальность» – это морально-ценностная девальвация; культурно-цивилизационный кризис; идеологическое давление и пропаганда; нормализация насилия; превращение трагических и шокирующих событий в медиа-шоу, инфоповестку; геополитическая нестабильность; социальная адаптация в постковидных условиях.

Языковой материал представляет собой комментарии, реагирующие на различные события в медиапространстве, отличающиеся по тематике и идеологической подоплеке. Эмоциональную составляющую этих текстов характеризует ирония, сарказм, гнев, возмущение, шок. В рамках настоящего исследования не рассматривается вопрос достоверности информации,

представленной в приведенных нами примерах, мы не пытаемся проследить происхождение и развитие появляющихся в языковом материале нарративов, имеют ли они какое-либо фактическое основание или являются фикцией, фейками. Возникающие в медийном пространстве, доступные и влияющие на миллионы умов данные конструкты воспринимаются нами в своей ментальной реальности, которая очевидна и может послужить предметом научного внимания. Основное значение, которое вырисовывается при анализе примеров выражения *новая нормальность*, формируется через отрицание – как обозначение девиантной, неприемлемой, противоречащей базовым ценностям реальности – это «ненормальность», неприемлемость такой реальности. Таким образом выражение приобретает ярко выраженную ироническую коннотацию и выполняет функцию критической оценки.

5. Тематические группы концепта «новая нормальность»

5.1 Социальная адаптация в постковидных условиях. Данная тема, обладая идентичной с остальными случаями структурой фрейма, отличается от последующих тем своей универсальностью и отсутствием противопоставления «своего» и «чужого», скорее просто констатирует, зачастую неодобрительно, факт изменений. Возникает вопрос о целесообразности включения таких примеров в настоящее исследование. В интересах обоснования подобной презентации материала можно привести два аргумента. Во-первых, явно обозначается круг явлений, которые языковое сознание относит к концепту новой нормальности, и ковидная тематика упоминается среди них. Во-вторых, по своей структуре фрейм постковидной новой нормальности идентичен рассматриваемым фреймам концепта «новая нормальность». В этой группе примеров затрагивается тема принятия новых моделей поведения, социальных практик, гигиены, удаленной работы или гибридного офиса. Эти примеры отражают трансформацию формата труда после пандемии, регламентацию быта, введение ограничительных мер и адаптацию к постпандемийной реальности.

*Гибридный офис – новая нормальность*¹ Все мы помним весну 2020 года: разгар первой волны COVID-19. (TVRAIN.RU, Facebook);

Глава Роспотребнадзора Анна Попова рассказала, что **привычная жизнь россиян после окончания пандемии изменится**. Такое заявление она сделала в программе «Москва. Кремль. Путин» на телеканале «Россия-1». По ее словам, гражданам РФ надо готовиться к тому, что после пандемии наступит **«новая нормальность»**. Она добавила, что россиянам надо будет **«поменять свои привычки»**. (АиФ, Facebook);

В большинстве стран мира сейчас идет этап выхода из пандемии, ослабления антикоронавирусных мер, возвращения к **новой пост-covid нормальности**. При этом

¹ Выделено само выражение *новая нормальность* (в дальнейшем НН) и относящиеся к нему тематические элементы, слоты и подслоты фрейма. Элементы тематической группы собраны в таблицах после примеров. Сохраняется форма написания оригинала.

эпидемия не завершилась, население всего мира просто учится жить в новых условиях, пишет «Новая газета». (Хартия-97%, Telegram).

Таблица 1.

НН	<ul style="list-style-type: none"> • гибридный офис • изменение привычной жизни россиян после окончания пандемии • необходимое изменение привычек • эпидемия не завершилась – это новые условия, в которых надо жить
----	--

5.2. Морально-ценностная девальвация/моральный упадок. В ряде примеров выражение *новая нормальность* соотносится с моральной деградацией, утратой или подменой базовых нравственных ориентиров, при которых позитивные общечеловеческие ценности и зло меняются местами, а девиации представляются как общепринятая норма. Игнорируются фундаментальные принципы морали, жизни, безопасности; происходит извращение нормы, утрата гендерных ролей, отказ от гуманизма.

Нам вкладывали в головы, что наступила новая нормальность. Я об этом писал. Это когда девиации стали нормой. То есть знаете, у меня сосед был дурачок, который гадил соседям под двери и таскал мусор с помойки, так он считал, что он умный, а соседи все дураки. Вот так и тут... Нам пытались рассказать, что девианты это вообще-то нормально, в отличие от вас, простых таких и где-то даже сивопалых людей. (Кирилл Шулика, Facebook);

Но такая абстрактная штука, как Свобода, став высшей ценностью, ввела понятие «новой морали, этики и нравственности». Потому как мне объяснили «можно умереть за Свободу». При этом полмира требует «умереть за Свободу» простых украинских парней, но сами лежат на диванах и болеют за победу и свободу. <...> Новая нормальность, новая нравственность... (Rada Radabolskaja, Facebook), – примечание: новая нормальность – свобода ценится выше жизни, но приверженцы этой мысли требуют жертвы от других;

Сейчас, напротив, поощряется думскроллинг, по принципу: чем хуже ожидания, тем меньше разочарование? Или социальный газлайтинг: мол, все больны душевно – одни больше, другие меньше, но здоровых больше нет! Проповедуются «новая нормальность», то бишь психической нормой становится не-норма? То Трамп заявляет, что мир «немного сходит с ума». (Sandomirsky Mark, Facebook);

Долгие годы слова про Загнивающий Запад стали своего рода антимемом: так высмеивали любого человека, который смел усомниться, что в США и Европе круто, и оставался в «коррумпированной авторитарной России». Но как-то уже это не тянет даже на мем. Просто возникает желание взять и сжечь с напалмом всех этих методологов, потиттехнологов, медиатехнологов, продвигающих новую нормальность. Господи, какой же это п&здец. (Rybar, Telegram), – комментарий к статье об оргии подростков в Перми;

В «Российской газете» опубликовала колонку. Тема – эксперименты над детьми как «новая нормальность». Страшно. <...> Есть новости, вызывающие шок, оторопь, даже отчаяние. А есть те, которые вызывают отвращение на физиологическом уровне. Вот одна из них. По сообщениям газеты Daily Mail Australia, власти

австралийского штата Новый Южный Уэльс захотели **разрешить детям в возрасте от трех лет самостоятельно выбирать себе гендер**. (Мария Захарова, Telegram);

Пресса Бенилюкса уже неделю бурлит на тему вскрывшейся катастрофической ситуации в Великом герцогстве с условиями содержания под стражей несовершеннолетних правонарушителей. Поводом стал доклад Комитета Совета Европы по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания лиц, содержащихся под стражей в тюрьме. **«Новой нормальностью»** стали **интимные отношения между персоналом упомянутых учреждений и подростками**. (Мария Захарова, Telegram);

<...> У **этого ада** был свой первый круг, свое начало и свои демоны. Это к вопросу о том, что **либеральная диктатура** – это просто мода, тренд, которые пройдут. Не пройдут. Так как **проблема системная**. Мало кто помнит, как **нынешний ад** визуализировался в 20-м веке. Джон Уильям Мани был «психологом» из США, выступающим за **легализацию педофилии**. Тогда многие тоже полагали **его идеи** извращением и маргинальным чудачеством, которые не зацепят общество надолго. Ошибались. История **эксперимента над близнецами** Брюсом и Брайаном Реймерами, родившимися в канадском городе Виннипег, тогда считалась трагической случайностью, сегодня – **новой нормальностью**. (Мария Захарова, Telegram);

Раньше такие **пародии** показывали в цирке. Встречайте – **новая нормальность**: «Спорт обречен? **Шокирующие кадры** с Чемпионата Европы по фигурному катанию. Это **финский трансгендер Минна-Мария Антикайнен** (бывший Маркку-Пекка Антикайнен) и **ее/его показательное выступление** на церемонии открытия ЧЕ.» (Мария Захарова, Telegram), – примечание: комментарий к видео, на котором трансгендерный фигурист катается по льду и падает, ему не удается встать. Фигуристка с флагом Финляндии в руках помогает ей подняться и передает флаг.

Таблица 2.

НН	<ul style="list-style-type: none"> • девиации стали нормой / девианты это вообще-то нормально • «можно умереть за Свободу» / полмира требует «умереть за Свободу» простых украинских парней, но сами лежат на диванах и болеют за победу и свободу • думскроллинг / чем хуже ожидания, тем меньше разочарование / социальный газлайтинг / все больны душевно / здоровых больше нет / психической нормой становится не-норма / мир «немного сходит с ума» • какой же это п&здец • эксперименты над детьми • разрешить детям в возрасте от трех лет самостоятельно выбирать себе гендер • интимные отношения между персоналом упомянутых учреждений и подростками • этот ад / либеральная диктатура / системная проблема / нынешний ад / легализация педофилии / эксперимента над близнецами • пародия / шокирующие кадры / финский трансгендер Минна-Мария Антикайнен / ее/его показательное выступление
----	--

5.3. Геополитическая и экономическая нестабильность. Также тематизируется геополитическая и экономическая нестабильность, к данной тематической группе относятся различные сдвиги в сфере политических практик, международных отношениях, внутренней и внешней политике; возвращение «права сильного», авторитарных форм управления, двойных стандартов и санкционной политики, а также сама геополитическая нестабильность. Право подменяется законом силы и целесообразности, беспредел и война становятся частью повседневности, дипломатические стандарты отходят в прошлое.

Эти две тематические группы сложно разделить, так как тема потери геополитической стабильности связывается с темой ошибочной финансовой политики и кризиса. Демонстрируется институционализация кризиса в экономике и финансах, кризисы, которые характеризуются инфляцией, падением валюты, возникновением долговых пузырей, «вертолетными деньгами», «фантиками», реакцией на это появлением всяких альтернативных валют: биткоинов и так далее. «Новая нормальность» в этом контексте представляет собой дестабилизацию финансовых систем, которые при этом пребывают в иллюзии стабильности и стимуляции роста.

Международная финансовая система между небом и землей. К денежным фантикам все меньше доверия, в том числе к \$-доллару, предпринимаются попытки «убить» его центральность. Разные -coins существуют вопреки государственным фиатным платежным средствам, отражая спрос на финансовую глобальность. Финансовых инструментов расплодилось столько, что никто толком не знает, вокруг надутые пузыри или это такая новая нормальность. Искусственным интеллектом пытаются заменить здравый смысл и рациональность. Денежная, фондовая номинальность скрывает никому не известную маржинальность. (Ярослав Романчук, Facebook);

Контекст СВО и новая нормальность будут испытывать выборы Госдумы. (Ведомости);

У меня конкретное предложение для лидеров арабских стран. Им нужно принять решение о конфискации всех израильских активов, до которых они могут дотянуться. Если уже в Европе и США арестовывают российские активы под предлогом оказания помощи Украине, то почему бы арабам не сделать то же самое? Если так уже принято в новой нормальности. (Игорь Никулин, Telegram);

Привыкайте к соточке. Эксперт назвала «новый нормальный» курс доллара.

Курс в районе 98–100 рублей за единицу американской валюты – это «новая нормальность», корректировок ни в ту, ни в другую сторону в обозримом будущем не предвидится, сообщила АиФ аналитик УК «Альфа-Капитал» Анна Попцова. (АиФ, Facebook);

США достигли потолка госдолга. технический дефолт? Нет.

Казначейство знает, как эту неприятность обойти. Пока что... И это «пока что» стало «новой нормальностью» (Leonid Nevzlin, Telegram).

Таблица 3.

НН	<ul style="list-style-type: none"> • К денежным фантикам / к \$-доллару / все меньше доверия / Разные -coins / Финансовых инструментов расплодилось • Искусственным интеллектом пытаются заменить здравый смысл и рациональность. Денежная, фондовая номинальность скрывает никому не известную маржинальность • в Европе и США арестовывают российские активы под предлогом оказания помощи Украине • Курс в районе 98–100 рублей • обеспечение стабильного роста доходов граждан • потолок госдолга, технический дефолт / неприятность
----	--

5.4. Культурно-цивилизационный кризис. Сходная с этим тематическая группа – культурно-цивилизационный кризис: в рамках этой темы обозначается угроза культурной идентичности, традиционной цивилизации, в том числе манипуляции историей, фальсификация прошлого и «когнитивная перезагрузка».

Попытки лихорадочной «отмены» русской культуры, <...> продолжение на новом технологическом уровне и очередном историческом этапе социо-инженерного движения «окон Овертона». <...>

В чем вина классических литературных и музыкальных произведений, шедевров мирового искусства с русской пропиской? В том, что проблема в готовности отстаивать собственную идентичность и формировать альтернативу для мира? Да, альтернативу спроектированному глобальной финансовой «аристократией» образу будущего мироустройства и турбо-либеральной уравниловке.

*При этом требование бойкота русской культуры не только противоречит западным принципам культурного плюрализма и свободы выражения. Оно еще и деструктивно: великая русская культура – цементирующая часть всей мировой культуры, и ее расшатывание неминуемо приведет к обнищанию культуры Запада. Понятно, что там, где общество стремительно проходит **процедуру искусственной трансформации через ценностное препарирование**, к таким аргументам не могут быть восприимчивы носители «перепрошитой» **ментальности и измененных культурных кодов**, адаптировавшие в своем сознании **новую нормальность лживой и извращенной параллельной реальности**. (В эфире Соловьев LIVE, Telegram);*

*Как нормальный русский мужчина, как депутат, готов оказать правовую и информационную поддержку герою, которого мы видим на этих кадрах. Герой в данном случае не фигура речи. Это факт. Мужчина, встающий на защиту семьи, ребенка, женщины (то есть следующий традиционному кодексу поведения мужчины) это в наше время, когда всем нам пытаются навязать «**новую нормальность**», безусловный герой. (А. Медведев, Telegram), – примечание: мужчина защищает ребенка вечером в парке от нападения хулиганов.*

Таблица 4.

НН	<ul style="list-style-type: none"> • «отмена» русской культуры / продолжение / социоинженерного движения «окон Овертона» / образ будущего мироустройства / турбо-либеральная уравниловка • процедура искусственной трансформации через ценностное препарирование / «перепрошитая» ментальность и измененный культурных кодов • лживой и извращенной параллельной реальности
----	--

5.5. Идеологическое давление и пропаганда новой нормальности. Пока в предыдущей тематической группе подчеркивается сам факт культурно-цивилизационного кризиса, следующая тематическая группа может быть охарактеризована как идеологическое давление и пропаганда: в рамках этой темы «новая нормальность» характеризуется насаждением неолиберальной идеологии. При этом подчеркивается, что подобная идеологическая рамка преподносится как универсальная и прогрессивная, но воспринимается как угроза культурной идентичности, навязываемая с помощью массмедиа, цифровых технологий и глобального маркетинга.

Тема (примечание авт.: левый поворот) **успешно выстрелила в нулевые. Выстрелила толерастией, ново, мать ее, нормальностью, инклюзивностью, квотами на фриков (в 90%) везде и всюду, ордами беШенцев и прочим дерьмом.** (Dmitry, Telegram);

«СМИ и цифровые технологии перед вызовом информационного и исторического фальсификата». Цель фальсификатора – это глобальное переформатирование, создание некой новой нормальности. Это не фигура речи, это постулируемое ими понятие, новая нормальность, насаждение неолиберальной парадигмы. Причем, опять же, нужно понимать, что это экстремистская идеология, потому что это ультралиберализм, который основан на антиценностях. Они считают, что для сохранения собственной гегемонии все средства хороши, вплоть до само-разрушения. (Захарова, Telegram);

Кочетков подчеркивает, что в случае принятия инициативы любая деятельность ЛГБТ-организаций на территории России будет объявлена вне закона. Придется уходить в подполье, работать из-за рубежа... ну, собственно, как это и сделал сам отец-основатель «ЛГБТ-Сети», сваливший из России полтора года назад.

А еще Кочетков признаёт, что нынешнее законодательство никоим образом не нарушает прав гомосексуалистов, и к их частной жизни отношения не имеет. Вот так новость! А как же тоталитарный режим, криминализирующий все и вся? <...>

Но вариант «Да мы не против, делайте вы что хотите в стенах своей спальни, только не выставляйте это напоказ» его, естественно, не устраивал. Потому что шагающий по миру радужный активизм давно уже не про аполитичную борьбу за права человека, а про продвижение идеологии новой нормальности. (Постпредство РФ при ООН, Telegram);

То есть IPO в США дело важное, но рынок в России все же пока больше. Поэтому решили отказаться от продвижения ЛГБТ.

И сейчас всех собак повесят на исполнителей, менеджеров. Но кто же поверит, что это все публиковали без разрешения сверху?

Более того, вспоминая как отчаянно и жестко смм менеджеры Вкусвилла в соцсетях доказывали, что это правильная позиция, удаляли все жесткие и возмущенные комментарии, как они объясняли всем тупым и непрогрессивным русским людям, что ЛГБТ это новая нормальность и так оно впредь и будет, рискну предположить, что стратегию продвижения ролика, конечно же, обсуждали с кем-то из топов компании. (Rybar, Telegram);

Давайте начистоту. Человека заставляют делать противоестественный выбор, выдавая его за человеческое естество. Подросткам не просто рекламируют, а упорно навязывают извращенное понимание пола и гендера. Активно используются при этом современные медийные средства – продукция массовой культуры. С 2015 года на американском телеканале TLC в формате «реалити-шоу» транслируется сериал «Джаз – это я» о трансгендере-подростке и детской гормональной терапии, предшествующей хирургической коррекции пола. В многосерийном фильме настойчиво и прицельно демонстрируется, как это «нормально» и даже «круто» быть подростком-трансгендером. Этот образ вбивается в головы зрителей с каждой новой серией. Я выдержала пять. Сломалась на походе мальчика/девочки Джаз к врачу для выбора по каталогу своих вторично-первичных половых признаков. Да, 13-летнему ребенку взрослые дяди и тети показывали картинки, рассказывая о вариациях их функционирования в случае выбора того или иного способа хирургической операции. Знаете, это не для слабонервных сериал. Потому что он не художественный. Это прямая трансляция жизни – ее «новых нормальностей». (Захарова, Telegram);

А, ведь, старого мира, этой «нормальности» поздней глобализации, об исчезновении которой так много разговоров, а кое-кто уныло ждет ее возвращения, никогда не существовало.

Это была фикция, которая использовалась исключительно в маркетинговых целях. Правда, созданная на базе новейших технологий социальной виртуализации.

Поэтому и имитация всего и вся, до которой у нас многие были охочи, прокатывала. Да еще и с большим «свистом». Но как практической универсальной и глобальной реальности «старой нормальности» никогда не существовало.

Вопрос, коллеги, в другом. А не является ли «новая нормальность» ровно такой же маркетинговой фикцией? Вот, к примеру, «дефолт России». Его как бы нет, но он есть в головах тех, кто его объявил нам.

Разница в том – и это хорошо – что мы, Россия, вне этой фиктивной реальности.

Возможно, именно поэтому так любимая многими у нас имитация прокатывать перестала?

Я как идею. (Соловьев, Telegram).

Таблица 5.

НН	<ul style="list-style-type: none"> • Тема выстрелила в нулевые • Цель фальсификатора – это глобальное переформатирование • насаждение неолиберальной парадигмы / это экстремистская идеология / это ультралиберализм / основан на антиценностях • шагающий по миру радужный активизм про продвижение идеологии • отказаться от продвижения ЛГБТ • доказывали, что это правильная позиция / удаляли все жесткие и возмущенные комментарии • ЛГБТ стратегия продвижения ролика • Подросткам не просто рекламируют, а упорно навязывают извращенное понимание пола и гендера. • Активно используются при этом современные медийные средства – продукция массовой культуры. • транслируется сериал / настойчиво и прицельно демонстрируется / Этот образ вбивается / Это прямая трансляция жизни • является маркетинговой фикцией / Россия, вне этой фиктивной реальности / имитация
----	---

5.6. Нормализация насилия. Следующей тематической группе может быть дан заголовок: *нормализация насилия*. Как со стороны пророссийской пропаганды, так и со стороны европейской общественности происходит осмысление процессов, при которых война, насилие и жестокость становятся частью жизни, надолго оставаясь с людьми, необратимо изменяя их жизнь, и подаются в инфопространстве как повседневная реальность. Новую реальность характеризует состояние постоянной неопределенности, ощущение дикости, отсутствия свободы, изоляции (железный занавес).

Война против Украины – новая российская «нормальность» Россия уже не вернется к довоенному положению и россиянам не удастся отсидеться. (DW, Facebook);

Современные условия заставляют всех адаптироваться к жизни в *состоянии постоянной неопределенности*. Некоторые эксперты называют это «*диким путинизмом*», где даже высокие должности и звания *не гарантируют безопасности*, а *завтрашний день становится полной загадкой*.

Как вы считаете, возможно ли стабилизировать ситуацию в таких условиях, или *это новая нормальность?* (Журнал «Exclusive», Facebook)

Война Израиля и ХАМАС: Путин нормализовал насилие? Кому выгодна дестабилизация Ближнего Востока? Станет ли война новой нормальностью? И почему Путину на руку этот конфликт? (Михаил Ходорковский, Telegram)

Полгода назад многие украинцы, покинувшие свои дома, не думали, что смогут вновь вернуться в места, которые им служили/служат домом, и обнять своих близких. <...>

«Зло витает в воздухе, – делятся они своими впечатлениями, – оно коснулось каждого из нас в разной степени». Одних встряхнуло, других крепко и по сей день держит в объятиях, остальных забрало навсегда. Города, расположенные подальше от фронта, на вид живут обычной жизнью. Детский смех звучит на игровых площадках, люди выгуливают собак, пьют кофе и общаются с друзьями. **Новая нормальность военной жизни проходит под вой сирен и периодические обстрелы.** Лица украинских городов вновь обрели новые черты. Как в 2014. Ивано-Франковск, Львов, Киев, Днепр приняли к себе Харьков, Николаев, Запорожье, Мариуполь... <...>

В России тоже кончается лето. И мои немногие оставшиеся там друзья говорят, что и там тоже идет своя нормальная жизнь. Работают кафе и слышен детский смех. Родители тоже готовятся к 1 сентября. Кто-то, возможно, в последний раз смог насладиться европейскими курортами и отдохнуть от войны, которой так и не смог сказать «нет». Но болото этой «нормальности» постепенно **затянет на дно истории** всех россиян. **Скрежет железного занавеса** все громче, а **остатки света и воздуха вот-вот исчезнут** за горизонтом... (Leonid Nevzlin, Telegram).

Таблица 6.

НН	<ul style="list-style-type: none"> • Война против Украины • состояние постоянной неопределенности • «дикий путинизм» • Война Израиля и ХАМАС / Путин нормализовал насилие • дестабилизация Ближнего Востока / война • военная жизнь проходит под вой сирен и периодические обстрелы • болото затянет на дно истории всех россиян / а остатки света и воздуха вот-вот исчезнут / железный занавес
----	---

5.7. Пропаганда насилия в медиапространстве как шоу. Ранее была представлена тематическая группа «пропаганда, продвижение новой нормальности, трансформация сознания», с которой, а также с предыдущей группой, тесно связана следующая – это пропаганда насилия и представление его в медиапространстве как своеобразного шоу. Считаем возможным выделить это явление в самостоятельную группу, условно обозначив ее как превращение трагических в общечеловеческом восприятии событий в медиа-шоу, инфоповестку. В рамках данной группы фиксируется подача насилия в качестве зрелищного медиаконтента: сцены мобилизации представлены как спектакль, казни, расстрелы человека, отрубание голов или сжигание людей становятся медиаконтентом. Эпизоды, вызывающие шок, ужас и отвращение, в данном представлении становятся контентом, который вызывает у широкой общественности интерес и даже воодушевление, вместо отвращения и ужаса.

К этой группе были отнесены несколько примеров, в которых выражается шок комментатора и его возмущение в связи с тем, что военные действия на территории Российской Федерации преподносятся российскими СМИ как обыденное, повседневное. Сюда же можно отнести несколько примеров насилия как части медиареальности или превращения каких-то варварских,

насильственных действий в медиасобытие – например, показ казней в ТикТоке, заявления российской пропаганды о насильственной мобилизации в Украине.

Казнь в прямом эфире ТИК-ТОК – новая нормальность Швеции. Организатор акций с сожжением Корана застрелен. Из-за него Швеция чуть не лишилась членства в НАТО и повышала уровень террористической угрозы. Но кто стоит за этими акциями и убийством провокатора? (Maria Petrashko, Facebook);

Превращение репрессий в шоу... новая нормальность. (Rybar, Telegram);

О том, что киевский режим с особой жестокостью применяет американское оружие против мирных граждан, за океаном не то, что не замечают, а считают это нормальным. Раньше говорили о том, что они, видимо, этого не замечают. Нет. Они считают это абсолютной нормой. Это «новая нормальность».

Как и тот факт, что накачка украинских неонацистов вооружениями способствует дальнейшей эскалации боевых действий и растущей вовлеченности США в конфликт вокруг Украины. (Постпредство РФ при ООН, Telegram);

Для сглаживания общественных противоречий используются разные инструменты информационной борьбы, в том числе – гротескный юмор или доведения ситуации до абсурда. Такими нехитрыми способами можно выставлять нормой даже репрессии, постепенно превратив ее в что-то обычное в сознании людей.

Примером первого является театральная постановка в Киеве, где кривляющиеся актеры весело изображают сценку похищения человека работниками ТЦК. Хотя ненависть к ним на т.н. Украине уже дошла до массовых нападений на сотрудников военкоматов, зал дружно смеется и хлопает в ладоши – ведь это новая нормальность.

Пример второго – пропаганда «Исламского государства» в 2014–2015 годах, превратившая жестокие казни в представления со спецэффектами и профессиональной работой оператора. У последователей кадры отрубания голов и сжигания людей не вызвали отвращения, а лишь подогревали интерес, способствуя притоку живой силы в ИГ.

Здесь используются ровно те же методы. Пафосная музыка, модно одетые оперативники, съемка от первого лица по замыслу должны вызвать у украинских зрителей нужные ассоциации и создать ощущение, что задерживают не бедняг, пытающихся сбежать из полутоталитарного квазиобразования, а настоящих террористов и врагов, которых не жалко.

И это не только отражает суть киевского режима, но и показывает опасность бесконтрольного раскручивания маховика пропаганды. (Rybar, Telegram);

Театральная сцена похищения – новая нормальность. (Rybar, Telegram);

Новая нормальность. Британской ракетой разрушен штаб Черноморского флота, а главное в повестке дня – вводить или не вводить масочный режим. К чему еще привыкать будем? (Два майора, Telegram);

Огромное количество каких-то фейковых вбросов, которыми стараются притянуть наше внимание.

Первым таким «спектаклем» был ковид и изоляция. Из всех утюгов по всему миру неслось – сидите дома! Прививайтесь! Не приближайтесь друг к другу! Транслировались страхи прямо волнами. По всем СМИ шли трансляции страшных

картинок с гробами, везде ставились в спешном порядке госпитали, в том числе палаточные, и т.д.

А потом ковид «внезапно» исчез, как не было. Куда делся? А никто не знает. Исчез, и все. Как корова языком слизнула.

Потом пошла «зеленая» повестка, ЛГБТ, начали втюхивать какое-то половое разнообразие, детям в школах начали рассказывать, что они сами себе могут пол выбирать. Ну не маразм? «Новая нормальность» шагала по планете.

Сейчас раз! И исчезла. Как не было. Прямо словно дурной сон. (Anna Fomicheva, Facebook).

Таблица 7.

НН	<ul style="list-style-type: none"> • Казнь в прямом эфире ТИК-ТОК / застрелен • репрессии • жестокое применение американского оружия против мирных граждан • накачка украинских неонацистов вооружениями • театральная постановка в Киеве, где кривляющиеся актеры весело изображают сценку похищения человека работниками ТЦК / зал дружно смеется и хлопает в ладоши • пропаганда «Исламского государства» / жестокие казни в представления со спецэффектами / с профессиональной работой оператора / кадры отрубания голов / сжигания людей не вызывает отвращения / подогревали интерес / способствует притоку живой силы в ИГ • бесконтрольное раскручивания маховика пропаганды • Британской ракетой разрушен штаб Черноморского флота, а главное в повестке дня – вводить или не вводить масочный режим • какие-то фейковые вбросы / стараются притянуть наше внимание / «спектакль» ковид и изоляция / Транслировались страхи прямо волнами • По всем СМИ шли трансляции страшных картинок с гробами / пошла «зеленая» повестка, ЛГБТ, начали втюхивать какое-то половое разнообразие
----	---

В собранных примерах были также рассмотрены наиболее частотные ключевые слова, встречающиеся в наполнении слотов фрейма. Это социальные явления негативного толка: война, эпидемия, казнь, страх, насилие; политические действия: донос, запреты, санкции, фальсификации; экономические явления: обесценивание, инфляция, высокий курс доллара, финансовый пузырь; поведенческие модели: привыкание, адаптация, подчинение, молчание; моральное и ментальное состояние: инверсия морали как нормы, сумасшествие, безумие; гендер: ЛГБТ, смена пола, гендерное воспитание детей; эмоциональное состояние: тревога, стресс, фрустрация, страх; медийный контент: шок-контент, спектакль; использование технологий как средства воздействия на сознание: алгоритмы, соцсети, пропаганда, виртуальность.

6. Итоги

Таким образом, проведенный анализ позволяет охарактеризовать концепт «новая нормальность» как сложную, многоуровневую и динамически развивающуюся когнитивную структуру, функционирующую в современном медиадискурсе. Была рассмотрена также фреймовая организация концепта, которая отражает процессы трансформации общественного сознания в условиях системных кризисов, политических и культурных изменений, а также социальной дестабилизации.

На основе рассмотренного материала можно сделать вывод, что концепт «новая нормальность» характеризуется крайне разветвленной тематикой: его реализация охватывает широкий спектр явлений – от морально-ценностной девальвации, культурно-цивилизационного кризиса и продвижения идеологии средствами пропаганды до нормализации насилия, медийного использования трагических событий в пропагандистских целях и привыкания социума к постковидным условиям. Несмотря на разнородность тематического наполнения, единым остается структурно-семантическое ядро: «новая нормальность» маркирует явления, ранее воспринимавшиеся как отклонения от общепринятых норм, но в текущем дискурсивном контексте представляющиеся допустимыми, привычными, а подчас и неизбежными.

Фреймовая структура рассмотренного концепта включает следующие элементы: инициатор трансформации (государственные и глобальные институты, медиа, кризисные события), объект воздействия (девиантные или ранее неприемлемые явления: насилие, ложь, эпидемии, девиации), а также механизмы нормализации (технологии, пропаганда, медиа-практики, институционализация, идеологизация). Результатом этой трансформации становится восприятие аномального как нормального – процесс, в значительной степени реализующийся через негативно окрашенные метаязыковые оценки, выражающие иронию, возмущение или отторжение.

Таким образом, концепт «*новая нормальность*» выполняет в медиадискурсе функции маркера ценностно-экзистенциального кризиса и инструмента когнитивной репрезентации изменений, воспринимаемых обществом как кризисные и травматичные. Анализ данного концепта позволяет выявить доминирующие стратегии концептуализации повседневной реальности в условиях кризисного периода и проанализировать механизмы языкового оформления процессов нормативной трансформации.

Концепт «новая нормальность» является метафорой культурно-цивилизационной деградации и упадка, может быть оценен как иронический ярлык, маркирующий отклонение от общечеловеческих норм этики, морали, ценностей и даже здравого смысла. Он становится инструментом критики политической, медийной и пропагандистской повестки либо способом вербализации тревожности, возмущения, неприятия, шока. Первоначально употреблявшийся как экономический термин, концепт прошел переосмысление и приобрел универсальность – широко используется в медиадискурсе.

Литература

- АЛЕФИРЕНКО, Н.Ф. – КОРИНА, Н.Б. [ALEFIRENKO, N.F. – KORINA, N.B.] 2021: Проблемы когнитивной лингвистики. Москва: Флинта [Problems of cognitive linguistics. Moscow: Flinta].
- АПРЕСЯН, Ю.Д. [APRESÂN, Ū.D.] 1995: Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Языки русской культуры [Selected works. In 2 vols. Vol. 1. Lexical semantics. 2nd ed., corr. and suppl. Moscow: Âzyki russkoj kul'tury].
- АРУТЮНОВА, Н.Д. [ARUTÛNOVA, N.D.] 1999: Язык и мир человека. Изд. 2-е, испр. Москва: Языки русской культуры [Language and human world. 2nd ed. Moscow: Âzyki russkoj kul'tury].
- БОЛДЫРЕВ, Н.Н. [BOLDYREV, N.N.] 1999: Концепт и значение: когнитивный взгляд. Тамбов: Тамбовский государственный университет [Concept and meaning: a cognitive view. Tambov: Tambov State University].
- ВАН ДЕЙК, Т.А. [VAN DEJK, T.A.] 1989: Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс [Language. Cognition. Communication. Moscow: Progress].
- ДЕВЯТКО, И.Ф. [DEVÂTKO, I.F.] и др. 2017: Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям (ред. Девятко, И.Ф.; Абрамов, Р.Н.; Катерный, И.В.). Москва: Весь Мир [Norms and morality in sociological theory: from classical concepts to new ideas (ed. by Devâtko, I.F.; Abramov, R.N.; Katernyj, I.V.). Moscow: Ves' Mir]. <https://www.isras.ru/publ.html?id=5424>. (Дата обращения: 05.02.2025).
- ДЕМЕНТЬЕВА, Н.В. [DEMENT'EVA, N.V.] 2020: Оценка в политическом дискурсе. Москва: ЛКИ [Evaluation in political discourse. Moscow: LKI].
- ДЗЮБА, А.Б. [DZÛBA, A.B.] 2018: Относительный характер концепта нормы (на материале русского и английского языков) // Социальная компетентность [Relative nature of the concept of norm (based on Russian and English) // Social competence] 2018/3(1): 16–21.
- ЕРМАКОВ, В.С. [ERMAKOV, V.S.] 2022: Концепт «новая нормальность» в медиадискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература [Concept of “new normal” in media discourse // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and literature] 19/4: 77–85.
- КАДЕЕВА, М.И. [KADEEVA, M.I.] 2009: Семантическое поле концепта «норма» // Материалы Международной научной конференции. № 23. Секция «Филология» [The Semantic Field of the Concept “Norm” // Materials of the International Scientific Conference. № 23. Section “Philology”]. https://www.rusnauka.com/23_WP_2009/Philologia/51015.doc.htm (Дата обращения: 12.01.2025).
- КОТЛЯРОВА, И.В. [KOTLÂROVA, I.V.] 2013: Когнитивно-дискурсивное направление как магистральный путь развития современной лингвистики // Вестник КазНУ. Серия филологическая [The cognitive-discursive approach as the main path of development of modern linguistics // Bulletin KazNU. Filology series] 3(143): 88–95.
- КУБРЯКОВА, Е.С. – ДЕМЬЯНКОВ, В.З. – ПАНКРАЦ, Ю.Г. – ЛУЗИНА Л.Г. [KUBRÂKOVA, E.S. – DEM'ÂNKOV, V.Z. – PANKRAS, Ū.G. – LUZINA, L.G.] 1996: Краткий словарь когнитивных терминов. Москва: Филологический факультет МГУ [Concise dictionary of cognitive terms. Moscow: Faculty of Philosophy of MSU].
- КУБРЯКОВА, Е.С. [KUBRÂKOVA, E.S.] 2004: Язык и знание. Москва: Языки славянской культуры. [Language and knowledge. Moscow: Âzyki slavânskoj kul'tury].

- КУЗНЕЦОВ, Г.С. – СОКОЛОВА, Е.Н. [KUZNECOV, G.S. – SOKOLOVA, E.N.] 2021: Новая нормальность. Как Европа отказывается от гражданских прав и политической традиции. Москва: Экспертный институт социальных исследований [New normality: How Europe abandons civil rights and political tradition. Moscow: Social Research Expert Institute]. <https://eissr.ru/upload/iblock/bb7/bb7ac17c973c5c1cf9c743b774f06f20.pdf> (Дата обращения: 5.08.2021).
- КУШНЕРУК, Е.А. [KUŠNERUK, E.A.] 2021: Универсальный характер понятия «норма» // Филологические науки. Вопросы теории и практики [The Universal Nature of the Concept “Norm” // Philology. Theory & Practice] 5(119)/2: 77–80. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2021.5.2.17> (Дата обращения: 18.12.2024).
- НИКИШИНА, И.Ю. [NIKIŠINA, I.Ū.] 2002: Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике // Красных, В.В., Изотов, А.И. (ред.), Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей. Вып. 21. Москва: МАКС Пресс [The concept of “concept” in cognitive linguistics. // Krasnykh, V.V., Izotov, A.I. (eds.), Language, consciousness, communication. Collection of articles. Issue 21. Moscow: MAKSPress].
- ПЛИЕВ, С.М. [PLIEV, S.M.] 2021: «Новая нормальность» в современном мире: исторические аспекты и актуальные политические практики // Новое прошлое [“New Normality” in the Modern World: Historical aspects and current political practices // The New Past] 3: 214–220.
- ПОПОВА, Е.В. [POPOVA, E.V.] 2013: Содержание понятия «норма»: основные смыслы // Вестник Челябинского государственного университета [The content of the concept “norm”: Main meanings // Bulletin of Chelyabinsk State University] 2013/38(329): 108–112.
- ПОПОВА, З.Д. – СТЕРНИН, И.А. [POPOVA, Z.D. – STERNIN, I.A.] 2001: Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: ВГУ [Essays in cognitive linguistics. Voronezh: VSU].
- СОГРИН, В.В. [SOGGIN, V.V.] 2022: Американская двухпартийность. От Джорджа Вашингтона до Джо Байдена. Москва: Издательство «Весь Мир» [American Bipartisanship. From George Washington to Joe Biden. Moscow: Ves’ Mir].
- ФЕДЯЕВА, Н.Д. – ДЕМЧЕНКОВ С.А. [FEDÂEVA, N.D. – DEMČENKOV, S.A.] 2016: Неологизм «новая нормальность» в контексте свойств нормы // Мир науки, культуры, образования [The neologism “new normal” in the context of norm properties // The world of science, culture and education] 2016/5(60): 368–370.
- ФОНД «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ» (ФОМ) и ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НАФИ [PUBLIC OPINION FOUNDATION (FOM) AND NAFI RESEARCH CENTER] 2021: Проект «New Normal»: как меняется поведение и ценности россиян. Аналитический доклад. Москва: NAFI. [Project “New Normal”: How the behavior and values of Russians are changing. Analytical report. Moscow: NAFI]. <https://nafi.ru> (Дата обращения: 12.03.2025).
- ШАХВЕРДОВА, Н.В. [ŠAHVERDOVA, N.V.] 2023: Концепт «чужое» в переводе романов Б. Акунина на венгерский язык // Лаппо, М.А. Мароши, В.В. (ред.), Через «чужое» к «своему»: диалог русской и венгерской культур: монография. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет. [The concept of “the other” in the translation of B. Akunin’s novels into Hungarian // Lappo, M.A.,

Marósi, V.V.(eds.), Through “the other” to “our own”: Dialogue of Russian and Hungarian cultures: Monograph. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University].

Шахвердова Нава Ванда
Институт славистики
Дебреценский университет
Дебрецен, Венгрия
sahverdova.vanda@arts.unideb.hu
<https://orcid.org/0009-0007-5237-6236>

Кристина К. КОВАЧ

**К ИЗУЧЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ:
ТЕРМИН «ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ» В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ
РАЗНЫХ СТИЛЕЙ**

**Ecological Terminology:
The Term “Use of Natural Resources” in Russian Texts of Various Registers**

Abstract

The relevance of this paper stems from the rapid development of ecological knowledge, accompanied by the active formation and integration of new specialized terminology. Due to a growing interest in issues of applied ecology, sustainable development, and rational use of natural resources, ecological vocabulary is steadily expanding and becoming established in texts of various genres and functional styles. This dynamism necessitates a linguistic analysis of word formation of new terminology and the use of specialized vocabulary in the context of the environment. The paper examines the specifics of how the term *prirodopol'zovanie* “use of natural resources” functions in Russian-language texts representing different functional styles such as scientific, official-administrative, and journalistic texts.

Keywords: *ecology, applied ecology, ecological terminology, sustainable development, use of natural resources*

Введение

На фоне обострения экологических проблем в мировом информационном пространстве активно распространяются тексты, затрагивающие вопросы защиты окружающей среды и взаимоотношений человека и природы. В связи с этим лингвистический анализ подобных материалов становится предметом особого внимания как для зарубежных, так и для российских исследователей.

В настоящей работе мы сосредоточиваем внимание на обзоре русскоязычной литературы об экологической терминологии, а также на изучении экологического термина *природопользование*. Целью работы является выявление семантической вариативности термина и определение степени допустимости этой вариативности в зависимости от контекста. В качестве материала анализа используются тексты, представляющие три разные сферы: научное исследование, официальный документ и журналистский очерк. Анализ проводится на основе лингвистических критериев: подхода к природопользованию, контекста, функции, вариативности термина, стилистических, синтаксических и семантических особенностей и функций термина. Делается вывод о том, что в разных дискурсах

термин *природопользование* выполняет различные коммуникативные задачи и демонстрирует разную степень терминологической стабильности.

Экологическая терминология

А.И. Аграновская провела анализ степени изученности экологической терминологии на основе русскоязычных диссертаций по экологической тематике в период с 1980 по 2015 г. [АГРАНОВСКАЯ 2016]. Относительно важности исследований в этой области автор отмечает, что «с каждым годом все больше филологов обращаются к вопросу изучения лингвистических особенностей экологической терминологической лексики, приходят к выводу о необходимости выявления, анализа и систематизации экотерминов как в экологии в целом, так и в ее отдельных отраслях» [АГРАНОВСКАЯ 2016: 184–193]. Например, терминология экологии в целом рассматривается И.В. Верегитиной (деривационно-семантический аспект терминологии научного экологического знания) и М.М. Захаровой (оценочные значения в экологической терминологии). О терминологии отдельных отраслей экологии пишут Т.А. Алесенко (сопоставительный анализ терминологии экологии воды в английском и русском языках), Л.К. Богдановская (термины промышленной экологии во французском и русском языках), Е.М. Горохова (терминосистема экологии почвы в английском и русском языках); экология в лингво-когнитивном аспекте появляется в работах И.Г. Гусевой (когнитивно-дискурсивный анализ английской терминологии рыбного промысла), З.И. Ломининой (когнитивно-прагматические характеристики текстов по загрязнению среды), О.А. Фоминой (лингвистическая экология) [АГРАНОВСКАЯ 2016: 185].

В работах русских лингвистов рассматриваются также различные аспекты исследования и сравнения экологических терминов: А.В. Зайцева, Е.В. Иванова, А.А. Лагутина проводят когнитивно-дискурсивный анализ, Е.М. Горохова, И.Г. Гусева, Е.А. Латышевская, А.М. Раисова изучают языковые и экстралингвистические факторы, влияющие на становление экотерминосистемы, Е.А. Латышевская, Д.О. Попов выделяют лексико-семантические группы, Т.А. Алесенко, Л.К. Богдановская, М.М. Захарова, Н.Г. Кантышева, М.А. Ковязина, Н.Н. Крючкова, Д.О. Попов, С.Н. Семенова, Е.Г. Хитарова, А.Ю. Шевцова сравнивают специальную лексику различных языков [АГРАНОВСКАЯ 2016: 185]. Кроме перечисленных, Ш.Б. Каримов использует сопоставительную типологию при структурном анализе полилексемных терминов экологии почвы и воды таджикского и английского языков [КАРИМОВ 2021]. А.А. Черепановой и Е.Ю. Филатовой рассмотрены основные проблемы перевода английской экологической терминологии на русский язык и определены критерии адекватности перевода [ЧЕРЕПАНОВА–ФИЛАТОВА 2019: 57–59]. Х.Д. Палуанова посвящает статью рассмотрению экологической терминологии и истории ее развития в лингвистическом аспекте, включая ключевые моменты, а также делает вывод, что «терминосистема экологии,

сформировавшейся как за рубежом, так и в России, носит комплексный междисциплинарный и междисциплинарный характер» [ПАЛУАНОВА 2014: 58].

В соответствии с изложенным изучение формирования и функционирования экологической терминологии требует комплексного подхода. Для каждого направления экологической науки характерно наличие своего особого терминологического аппарата. Ю.С. Чуйков в своей классификации современной экологии выделяет следующие направления: «1) классическая экология (биоэкология); 2) глобальная экология (географическая экология); 3) региональная экология (она также может рассматриваться как особенная часть глобальной экологии); 4) прикладная экология; 5) экология человека; 6) социальная экология» [ЧУЙКОВ 2017]. Предметом нашего исследования будет являться прикладная экология и в частности терминология прикладной экологии. (Примером перед нами может стоять исследование С.В. Лебедевой и Т.В. Терюховой, которыми предпринималась попытка представить классификацию экологической терминологии, и в частности – терминологии социальной экологии [ЛЕБЕДЕВА–ТЕРЮХОВА 2024: 138–147].)

Прикладная экология – это раздел экологии, который занимается изучением и решением практических экологических проблем, возникающих в результате антропогенного воздействия на окружающую среду, а также разработкой методов и технологий для рационального природопользования и охраны природы. Она является мостом между фундаментальной экологией (изучающей общие закономерности функционирования экосистем) и практической деятельностью человека. «В самом широком смысле в качестве объекта прикладной экологии выступает совокупность всех частных объектов экологических изысканий, взаимосвязанных в рамках геоэкологического пространства – места обитания и жизнедеятельности человека на Земле, которое он эксплуатирует, преобразует и намерен использовать в будущем» [ЕВДОКИМОВ 2014: 4].

Природопользование

Объектом настоящего исследования является термин *природопользование*, играющий ключевую роль в современном дискурсе устойчивого развития и охраны окружающей среды. Современное общество вступило в этап, когда все более ясно осознаются ограниченность и исчерпаемость природных ресурсов, и с этим усиливается внимание к качеству окружающей среды. В этих условиях возрастает значимость природопользования, которое обеспечивает всесторонние сведения об отраслях на различных уровнях, от глобального до локального. Термин стал ключевым в научных дискуссиях, стратегических документах, а также в законодательной практике. Усиление научно-практической активности привело к формированию нового междисциплинарного научного направления – *природопользования* [ЭЛИПХАНОВ И ДР. 2020: 5].

Терминология прикладной экологии охватывает множество понятий, связанных с практическим применением экологических знаний для решения реальных задач: охраны окружающей среды, устойчивого природопользования, оценки воздействия на окружающую среду и др. Таким образом термин *природопользование* является одним из фундаментальных и ключевых примеров терминологии, относящейся к прикладной экологии.

Термин *природопользование* появился в научном обороте в 1958 году. Его впервые предложили Ю.Н. Куражковский, А.Н. Формозов и Г.Е. Бурдин на объединенном заседании Московского филиала Географического общества СССР, Московского общества испытателей природы и Всероссийского общества охраны природы [КОМОВ 2007: 270]. Однако научное признание термин получил лишь после публикации книги Ю.Н. Куражковского «Очерки природопользования» в 1969 году [КУРАЖКОВСКИЙ 1969].

В рамках экологической науки природопользование исследовалось такими экологами, как В.Е. Лотош [ЛОТОШ 2007], Б.В. Буркинский, В.Н. Степанов, С.К. Харичков [БУРКИНСКИЙ и ДР. 1999] и т.д. Они исследовали процесс на глобальном уровне и значительно расширили представление о степени влияния природы на общество. Российский эколог В.А. Вронский характеризовал природопользование как теорию и практику рационального использования человеком природных ресурсов [ВРОНСКИЙ 1996]. В статье «Теоретические подходы к определению и сущности понятий „природопользование“ и „рациональное природопользование“» приводятся дальнейшие сведения об исторической последовательности формирования природопользования как самостоятельной науки [БЕРЕЖНАЯ–СТАЦЕНКО 2007: 111–116].

Термин *природопользование* широко представлен в различных отраслях научного знания – от экологии и экономики до права и лингвистики. Его употребление и трактовка зависят от дисциплинарного контекста, что позволяет рассматривать *природопользование* как многоплановый термин, обладающий высоким уровнем семантической и функциональной вариативности. Например, в контексте экологии *природопользование* часто сосредоточивается на взаимодействии человека с природными экосистемами, на воздействии человеческой деятельности на окружающую среду. Акцент может делаться на рациональном использовании ресурсов с целью сохранения биоразнообразия и устойчивости экосистем. Однако в контексте экономики *природопользование* рассматривается прежде всего как использование природных ресурсов в хозяйственной деятельности для производства товаров и услуг. Акцент смещается на экономическую ценность природных ресурсов, на эффективность их эксплуатации и на извлечение прибыли. А в контексте права определяется как деятельность юридических лиц по эксплуатации природных ресурсов в соответствии с законодательством. Основной акцент делается на правовых нормах и регулировании, на правах и обязанностях природопользователей, на ответственности за нарушение природоохранного законодательства. Природопользование, следовательно, может быть рациональным –

с учетом воспроизводства ресурсов и минимального вреда природе, и нерациональным, когда ведет к загрязнению, истощению ресурсов, экологическим кризисам.

В общем, термин *природопользование* занимает центральное место в экологической, экономической и социальной повестке, однако его функционирование и семантические оттенки значительно меняются в зависимости от контекста и выбранного функционального стиля русского языка. Эти различия обусловлены целевой установкой каждого стиля, его характерными лексическими и синтаксическими особенностями. Это дает возможность рассмотреть, как этот термин проявляет себя в научном, официально-деловом и публицистическом стилях.

До проведения сравнительного терминологического анализа в рамках различных функциональных стилей необходимо коротко определить исходные характеристики самого термина *природопользование*, включая его семантику, происхождение и сферы употребления. Термин *природопользование* является сложным словом, образованным путем сложения основ *природа* и *пользование* с интерфиксом «о». *Природа* указывает на естественную среду, на окружающий мир, а *пользование* значит извлечение выгоды. В лексико-семантическом плане термин охватывает как процесс, так и систему практик, связанных с использованием, охраной и восстановлением природных ресурсов.

В «Глоссарии терминов и понятий „зеленой“ экономики» «природопользование» – в широком смысле – удовлетворение различных потребностей общества путем использования различных видов природных ресурсов. Природопользование – в узком смысле – хозяйственно-экономическая деятельность общества, направленная на использование природных ресурсов с целью извлечения из них материальных благ» [ГТПЗЭ 2006–2025]. Само наличие разных дефиниций является указанием на многогранность и широкий охват понятия. Термин *природопользование* выступает как «зонт», под которым собираются различные дисциплины, виды деятельности, подходы.

Термин *природопользование* может рассматриваться как зонтичный термин¹, поскольку охватывает множество различных направлений, включая рациональное, устойчивое, традиционное, научное, промышленное, культурное и духовное природопользование. Подобно термину «экология», *природопользование* демонстрирует зонтиковый характер, позволяющий ему адаптироваться к различным научным и практическим контекстам: от экономики и географии до экологии и социологии.

Когда термин *природопользование* переходит из одной дисциплинарной области в другую, его успешное функционирование также обусловлено его зонтиковостью. Он способен изменять свою смысловую структуру, включая в себя новые значения – например, в контексте устойчивого развития он приобретает социально-экологическую окраску, а в юридической сфере

¹ Об основе компонентов вариативной применимости, «зонтиковости» подробнее см. в [ПЕЛЕВИНА 2022а: 128–142 и 2022б: 51–60], а также в [ВОРКАЧЕВ 2003: 5–12].

акцент смещается на регулирование и управление ресурсами. При этом *природопользование* сохраняет связь с исходным значением – деятельностью человека, направленной на использование природных ресурсов с целью удовлетворения его потребностей. Таким образом, зонтичный характер термина *природопользование* позволяет не только расширять его применение в различных сферах, активируя «спящие» смыслы (скрытые значения), но и накладывает определенные ограничения: в конкретных дисциплинах термин требует уточнения, иногда – нормативного закрепления. Это делает его одновременно гибким и устойчивым элементом научного и практического дискурса.

Данный термин носит междисциплинарный характер, это подтверждается и устойчивыми словосочетаниями и терминосочетаниями, распространенными в разных дисциплинах. Термин активно функционирует в экологии (*экологически устойчивое природопользование, экологические аспекты природопользования*), географии (*территориальная организация природопользования, региональные модели природопользования*), экономике (*эффективность природопользования, инвестиции в сферу природопользования*), праве (*правовое регулирование природопользования, нормативно-правовая база природопользования*) и социологии (*социальные последствия природопользования, общественное восприятие природопользования*), а также употребляется в публичной и журналистской речи (*стратегии устойчивого природопользования, проблемы рационального природопользования в России, роль государства в регулировании природопользования*). Такая широта применения обуславливает его семантическую вариативность, которая становится предметом дальнейшего анализа.

Сравнительный терминологический анализ термина *природопользование* в русскоязычных текстах разных стилей

Материалом для нашего сравнительного анализа и выявления семантической вариативности и ее допустимости в разных сферах послужили тексты научного, официально-делового и публицистического дискурса на русском языке. Таким образом, ниже представлен сравнительный анализ трех русскоязычных работ разного стиля, отражающих различные подходы к пониманию и использованию термина *природопользование*. Выбор этих трех текстов является **репрезентативной выборкой** материалов из **разных дискурсивных сфер**, где термин *природопользование* функционирует по-разному – с разной семантикой, прагматикой и допустимой степенью вариативности.

Первая таблица представляет собой сравнительный анализ текстов разных стилей по ряду лингвистических и функциональных критериев, с особым акцентом на то, как в них используется терминология в общем.

Таблица №1

Жанр	Научная статья	Законодательный текст	Публицистическая статья
Стиль	Научный	Официально-деловой	Публицистический
Цель	Анализ и классификация процессов, теоретическое обоснование подходов к термину	Регламентация и распределение ответственности	Общественное информирование и мобилизация, привлечение внимания к проблеме
Функция термина	Теоретико-аналитическая	Нормативно-правовая	Социально-оценочная, критическая
Языковые черты	Терминологичность, абстрактность	Формализованность, стандартные конструкции	Образность, эмоциональность
Стилистика	Официально-научная	Канцелярская	Образная, эмоциональная

Поскольку термин «природопользование» функционирует в различных типах дискурса, он демонстрирует свойства зонтичного концепта: объединяя множество подзначений (юридическое, экологическое, экономическое, этическое), он приспосабливается к коммуникативной цели текста, при этом не теряя своей центральной денотации – ‘использование природных ресурсов’. Это делает его подходящим объектом для анализа семантической вариативности в следующих текстах.

а) Власова, Е.Я., Яндыганов, Я.Я.: «Природопользование как потребность: пространственный и социально-эколого-экономический аспекты» [ВЛАСОВА–ЯНДЫГАНОВ 2005: 139–148]. В этой научной работе термин *природопользование* рассматривается как объект системного и междисциплинарного анализа. Авторы обращают внимание на социально-эколого-экономические аспекты, демонстрируя научную попытку осмыслить природопользование не просто как эксплуатацию природных ресурсов, а как необходимость, обусловленную человеческими потребностями. Термин используется в академическом, аналитическом контексте, с опорой на терминологический аппарат науки. Выбор этой работы позволяет проследить, как термин получает **научную систематизацию**, используется в составе сложных понятийных конструкций (*экстенсивное природопользование, потребности в природопользовании, рациональное природопользование*) и дополняется специфическими характеристиками (география, социология, экономика и экология).

Анализ потенциала нашей страны обнаруживает явные несоответствия возможностей существующего положения, а также диспропорции между двумя этими подразделениями (группами). Государство, обладающее огромными ресурсами, не удовлетворяет основные потребности в ущерб развитию

*и благосостоянию населения. Обладая значительными ресурсами (лес, минеральное сырье, нефть, газ, пресные воды, пространственные и земельные ресурсы), страна пытается удовлетворить потребности за счет реализации переработанного сырья на международном рынке и **экстенсивного природопользования**.* [ВЛАСОВА–ЯНДЫГАНОВ 2005: 142]

*Весьма распространено и явление (тоже ничем не оправданное с точки зрения **рационального природопользования** и оптимального удовлетворения потребностей) навязывания одними государствами другим «грязных» технологий, первичной добычи и обработки сырья, что позволяет им впоследствии диктовать цены, т.е. за счет «ножниц цен» улучшать свои экологические условия, поддерживать их за счет ухудшения этого процесса в других странах, локальных природных регионов.* [ВЛАСОВА–ЯНДЫГАНОВ 2005: 148]

На основе первого фрагмента в данном контексте термин *природопользование* используется с определением «экстенсивное», что указывает на отрицательную оценку способа освоения природных ресурсов, без переработки, в ущерб социально-экономическому развитию. Семантически термин здесь несет оттенок неэффективного и нерационального использования ресурсов, противопоставленного возможному эффективному или рациональному подходу. Во втором фрагменте авторы подчеркивают, что навязывание «грязных» технологий противоречит рациональности, иными словами, обоснованному подходу к использованию природы. Природопользование представляется как политико-экономический инструмент, связанный с вопросами глобального неравенства и рационального использования ресурсов.

Стилистически текст относится к официально-научному с элементами аналитической критики, направленной на социально-экономическую проблематику. Коммуникативная функция термина – оценочная и аналитическая: он используется для указания на структурную проблему в стратегии ресурсопользования страны. В отличие от нейтрального, технического использования в правовых документах, здесь *природопользование* приобретает контекстуальный оттенок, близкий к 'экологически вредному', 'неэффективному'. Степень вариативности средняя, и она напрямую зависит от жанра и коммуникативной цели текста. Употребление термина в данном фрагменте показывает его семантическую и прагматическую вариативность: при сохранении общего значения ('использование природных ресурсов') он приобретает в этом научном контексте негативный оттенок.

б) *Статья 75.1. Использование средств от административных штрафов за административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования, Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025).* [ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ОБ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ: <https://u.to/fghTlg>]. Текст отражает официально-деловой дискурс, где термин *природопользование* функционирует как часть нормативной лексики. Его использование строго установлено, отличается стабильностью и семантической однознач-

ностью. Включение правового текста позволяет выявить пределы допустимости семантической вариативности в условиях правовой точности.

Суммы штрафов, установленных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях за административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования, а также суммы административных штрафов, установленных законами субъектов Российской Федерации за административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования, зачисленные в бюджеты субъектов Российской Федерации и местные бюджеты, направляются на выявление объектов накопленного вреда окружающей среде и (или) организацию ликвидации накопленного вреда окружающей среде в случае наличия на территории субъекта Российской Федерации (муниципального образования) объектов накопленного вреда окружающей среде, а в случае их отсутствия – на иные мероприятия по предотвращению и (или) снижению негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранению и восстановлению природной среды, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности.

В данном фрагменте термин *природопользование* используется в устойчивом юридическом словосочетании: «в области охраны окружающей среды и природопользования». Это выражение характерно для нормативно-правовых текстов и несет формализованное значение – обозначает сферу правового регулирования, охватывающую использование природных ресурсов. Семантически термин здесь отвлеченный, лишен оценочности и употребляется в строго функциональном значении. Текст относится к официально-деловому стилю: он отличается высокой степенью стандартизации, сложными синтаксическими конструкциями и точностью формулировок. Коммуникативная функция термина регламентирующая: он используется для указания сферы действия закона и правовых последствий. В отличие от научного или публицистического контекста, термин здесь служит индикатором нормативной категории. В официально-деловом дискурсе термин *природопользование* представляет низкую степень вариативности. Он употребляется в строго определенном виде, как часть устойчивого юридического словосочетания, не допускающего синонимии. Это отличает его от употребления в научных или публицистических текстах, где возможны варианты значения. В официальных документах термин устойчив, строго определен, что подтверждает его высокую степень терминологической закреплённости.

в) Глазырина, Ирина – Забелина, Ирина: «Экологическая цена развития». Статья представляет аналитико-публицистический дискурс, написан в публицистическом стиле и сочетает экспертные оценки с социальной критикой [ГЛАЗЫРИНА–ЗАБЕЛИНА 2016]. В публицистике термин *природопользование* чаще носит оценочно-социальную окраску, в соответствии с этим в статье *природопользование* употребляется в экспертно-критическом контексте как часть государственной экологической и инвестиционной политики. Он обозначает

сферу, где особенно остро проявляется противоречие между интересами развития и необходимостью сохранения природы. В статье подчеркивается конфликт между экономическим развитием и экологическими рисками, присутствует тревожный, предостерегающий тон.

В секторах, связанных с природопользованием, мы довольно часто наблюдаем проявления экологически неравноценного обмена, когда выгоды достаются одним субъектам природопользования, а последствия негативного воздействия на природные системы – другим. Диспаритет выступает в различных формах: между компаниями и местным населением, между различными территориями (например, в случаях загрязнения водных объектов), между субъектами РФ (пополнение бюджетов от использования природных ресурсов нередко происходит не там, где добывают, а там, где зарегистрирована компания), между странами (в случае сырьевой ориентации экспорта) и др.

Что касается семантических особенностей, в данном фрагменте термин *природопользование* означает управление природными ресурсами в условиях масштабных промышленных проектов, также область, где должна действовать государственная стратегическая экополитика, но ее нет, и точка конфликта проявляется между инвесторами и природоохранным сообществом. Таким образом, термин приобретает оттенок проблемы. Терминологическая вариативность здесь высокая: значение термина стабильно, но его окружение допускает расширение семантики за счет стилистических приемов.

Обобщая вышесказанное, во второй таблице представляем сравнительный анализ употребления термина *природопользование* в данных текстах. Параметры: автор/источник, подход к природопользованию, контекст, функция, вариативность термина, стилистические, синтаксические и семантические особенности, а также целевая аудитория.

Таблица №2

Жанр	Научная статья	Законодательный текст	Публицистическая статья
Автор/ источник	Власова, Е. Я., Яндыганов, Я. Я./ Вестник УГТУ–УПИ	Федеральный закон «Об охране окружающей среды», статья 75.1. <i>Использование средств от адми- нистративных штрафов за адми- нистративные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользо- вания.</i>	Глазырина, И.П., Забелина, И.А. 2016/СМИ Публицистическая статья в аналитическом медиа (EastRussia)

Подход к природопользованию	Потребность и фактор устойчивого развития. <i>Природопользование</i> рассматривается не просто как технический процесс извлечения ресурсов, а как фундаментальная потребность человеческого общества («удовлетворение потребностей в природопользовании»)	Объект правового регулирования («в области охраны окружающей среды и <i>природопользования</i> »)	Критический, аналитический, ориентирован на последствия
Контекст термина	Междисциплинарный (соц-экол.-экон.), <i>природопользование</i> используется в широком теоретико-аналитическом контексте	Нормативно-правовой, юридический документ (закон)	Социальная сфера, журналистский очерк, <i>природопользование</i> – объект общественной критики. Цель – формировать общественное мнение, воздействовать на эмоции читателя
Функция термина	Категория научного анализа и описание научного понятия	Объект правового регулирования	Термин выполняет оценочную и персуазивную функции, используется для привлечения внимания к проблемам
Вариативность	Средняя, дисциплинарно обусловленная (<i>устойчивое, рациональное природопользование</i>)	Минимальная, термин жестко закреплён	Высокая, допустимы оценочные употребления

Стилистические особенности	Научная терминология, сложные именные конструкции	Формализованный язык, стандартные юридические формулы	Публицистический стиль: эмоциональность и оценочность, аналитичность
Семантика термина	Многоаспектная, включает <i>устойчивость, рациональность, пространственность</i>	Юридически четкая, минимально вариативная	Расширенное, с коннотациями, включает в себя оценочные оттенки
Синтаксис	Сложноподчиненные предложения, термин включен в дефиниции и объяснения	Стандартизированные обороты: <i>в области природопользования</i>	Входит в состав разговорных и оценочных конструкций
Целевая аудитория	Ученые, исследователи	Юристы, госслужащие	Общество, журналисты, экологи, региональные активисты, инвесторы

Таким образом, термин *природопользование* интерпретируется по-разному в зависимости от стиля и функции. В научной статье он рассматривается как многогранная потребность, требующая комплексного подхода. В официально-деловой статье акцент делается на правовом регулировании и обеспечении устойчивого взаимодействия между человеком и природой. В публицистической статье природопользование воспринимается как часть культурной идентичности, требующая бережного отношения. В массмедиа и научно-популярных изданиях (например, в региональных газетах или интернет-порталах, посвященных экологии) встречаются материалы, где *природопользование* представляется в эмоционально окрашенной форме – как вопрос баланса между экономической деятельностью и сохранением природы. Тем не менее такие публикации обычно не углубляются в методологические аспекты термина, а больше направлены на привлечение внимания общественности к проблеме устойчивости и охраны окружающей среды.

Кроме этого, термин *природопользование* может быть обоснованно отнесен к категории зонтичных терминов, ведь обладает многозначностью, объединяя в себе широкий спектр видов деятельности – от добычи природных ресурсов до их охраны и восстановления. Как было показано, термин *природопользование* носит интердисциплинарный характер: он является объектом изучения в ряде других наук. Вместе с тем данный термин описывает сложное и многоплановое взаимодействие общества с природной средой, включая социальные, правовые, экономические и культурные аспекты. Все это позволяет рассматривать *природопользование* как зонтичный термин (*umbrella term*),

структурирующий множество смежных, но не тождественных понятий и подходов. Это разнообразие подходов подчеркивает многозначность термина и необходимость его рассмотрения в различных контекстах.

Заключение

Анализ терминологии прикладной экологии и термина *природопользование* позволяет прояснить значения в различных областях. Как видно из рассмотренных примеров функционирование экологических терминов происходит в разных сферах от научной литературы до нормативных документов и СМИ. Эти направления представляют собой перспективные области для дальнейших исследований, в рамках которых можно более подробно рассмотреть эволюцию термина, его специфические особенности в разных языковых и культурных контекстах. В частности, вопросы словообразования, синтаксической сочетаемости, частотности употребления, а также взаимодействия с другими терминами требуют более глубокого и детализированного анализа.

Продолжением данного исследования может быть оценка важнейших задач русской терминологической стратегии на основе терминологических руководящих принципов международных организаций, как ЕС и ЮНЕСКО, в связи с устойчивым развитием и природопользованием, а также анализ того, в какой форме публикуются терминологические данные в других европейских странах, как одной из необходимых областей для создания терминологической стратегии.

Помимо вышеизложенного следует подчеркнуть актуальность и необходимость международного сотрудничества специалистов в области терминологии². Это особенно важно в свете необходимости согласования научного и нормативного языка в международных экологических проектах и документах.

Литература

АГРАНОВСКАЯ, И.А. [AGRANOVSKAĀ, I.A.] 2016: Обзор диссертационных исследований по терминологии экологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика [Overview of dissertation research on environmental terminology // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Language Theory. Semiotics. Semantics] 3: 184–193.

² Ярким примером подобной инициативы является вебинар под названием «Терминология и за ее пределами» [TERM. AND BEYOND 2024], совместно с Лингвистическим центром Лиссабонского университета НОВА (CLUNL, Португалия), Центром исследований в области компьютерной терминологии (CENTRICO) и Кафедрой лингвистики и литературоведения Университета Падуи (DISLL, Италия). Цель мероприятия заключалась в демонстрации ключевой роли терминологии в различных научных и прикладных сферах, а также в создании универсального пространства для обсуждения проблем терминологии с участием представителей различных стран, культур и профессиональных сообществ.

- БЕРЕЖНАЯ, И.В. – СТАЦЕНКО, Е.В. [BEREŽNĀĀ, I.V. – STACENKO, E.V.] 2007: Теоретические подходы к определению сущности понятий «природопользование» и «рациональное природопользование» // Экономика и управление [Theoretical approaches to the essence of the concepts “natural resource management” and “rational natural resource management” // Economics and Management] 6: 111–116.
- БУРКИНСКИЙ, Б.В. – СТЕПАНОВ, В.Н. – ХАРИЧКОВ, С.К. [BURKINSKIĬ, B.V. – STEPANOV, V.N. – HARIČKOV, S.K.] 1999: Природопользование: основы экономико-экологической теории. Одесса: ИПРЭЭИ НАН Украины [Natural resource management: foundations of economic and environmental theory. Odessa: IMEER of the NAS of Ukraine].
- ВЛАСОВА, Е.Я. – ЯНДЫГАНОВ, Я.Я. [VLASOVA, E.Ā. – ĀNDYGANOV, Ā.Ā.] 2005: Природопользование как потребность: пространственный и социально-эколого-экономический аспекты // Вестник УГТУ–УПИ. Серия экономика и управление [Natural resource management as a need: Spatial and socio-ecological-economic aspects // Bulletin of USTU–UPI. Series Economics and Management] 6: 139–148.
- ВОРКАЧЕВ, С.Г. [VORKAČEV, S.G.] 2003: Концепт как «зонтиковый» термин // Красных, В.В., Изотов, А.И. (ред.), Язык, сознание, коммуникация. Сборник статей. Вып. 24. Москва: МАКС Пресс [Concept as an “Umbrella” Term // Krasnyh, V.V., Izotov, A.I. (eds.), Language, consciousness, communication. Collection of articles. Issue 24. Moscow: MAK S Press].
- ВРОНСКИЙ, В.А. [VRONSKIĬ, V.A.] 1996: Прикладная экология. Ростов-на-Дону: Феникс [Applied Ecology. Rostov-on-Don: Feniks].
- ГЛАЗЫРИНА, И.П. – ЗАБЕЛИНА, И.А. [GLAZYRINA, I.P. – ZABELINA, I.A.] 2016: Экологическая цена развития. Перспективы «зеленого» роста на Востоке России и Новый Шелковый путь [The environmental cost of development. Prospects for “green” growth in the Russian East and the New Silk Road]. <https://www.eastrussia.ru/material/ekologicheskaya-tsena-razvitiya/> (Дата обращения: 27.06.2025). (Журнал «ЭКО», №7 за 2016 год; сокращенная версия.)
- ГТПЗЭ [GTPZE] 2006–2025: Глоссарий терминов и понятий «Зеленой» экономики [Glossary of terms and concepts of the “Green” economy]. <https://ecoteco.ru/library/magazine/1/economy/glossariy-terminov-i-ponyatiy-zelenoy-ekonomiki/> (Дата обращения: 12.06.2025).
- ЕВДОКИМОВ, Н.А. (сост.) [EVDOKIMOV, N.A. (comp.)] 2014: Прикладная экология: краткий курс лекций. Саратов: Саратовский государственный аграрный университет [Applied ecology: A brief course of lectures. Saratov: Saratov State Agrarian University].
- КАРИМОВ, Ш.Б. [KARIMOV, Š.B.] 2021: Лингвистические особенности экологической терминологии в таджикском и английском языках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Душанбе [Linguistic features of environmental terminology in Tajik and English. Abstract of the thesis for the degree of Doctor of Philological Sciences. Dushanbe]. <https://www.dissercat.com/content/lingvisticheskie-osobennosti-ekologicheskoi-terminologii-v-tadzhikskom-i-angliiskom-yazykakh> (Дата обращения: 30.05.2025).
- КОМОВ, С.В. [КОМОВ, S.V.] 2007: Введение в экологию человека. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета [Introduction to human ecology. Yekaterinburg: Ural University Press].

- КУРАЖКОВСКИЙ, Ю.Н. [KURAŽKOVSKIJ, Ů.N.] 1969: Очерки природопользования. Москва: Мысль [Essays on natural resource management. Moscow: Mysl’].
- ЛЕБЕДЕВА, С.В. – ТЕРЮХОВА, Т.В. [LEBEDEVA, S.V. – TERŮHOVA, T.V.] 2024: Проблема классификации экологических терминов // Теория языка и межкультурная коммуникация. Электронный научный журнал [The problem of classification of environmental terms. Language Theory and Intercultural Communication. Electronic scientific journal] 4 (55): 138–147. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-klassifika-tsii-ekologicheskikh-terminov> (Дата обращения: 23.05.2025).
- ЛОТОШ, В.Е. [LOTOŠ, V.E.] 2007: Фундаментальные основы природопользования. Книга первая: Технологии основных производств в природопользовании. 4-е изд., доп. Екатеринбург: В авторской редакции [Fundamental bases of nature management. Book 1: Technologies of main productions in natural resource management. 4th ed., expanded. Yekaterinburg: Author’s edition].
- ПАЛУАНОВА, Х.Д. [PALUANOVA, K.D.] 2014: Из истории развития экологической терминологии // Язык и культура [From the history of the development of environmental terminology // Language and Culture] 15: 54–58.
- ПЕЛЕВИНА, Ю.И. [PELEVINA, Ů.I.] 2022a: Специфика трансформации и адаптации заимствованных терминологизируемых понятий в терминосистемах промежуточного типа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ставрополь [Specifics of transformation and adaptation of borrowed terminological concepts in intermediary-type term systems. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Stavropol].
- ПЕЛЕВИНА, Ю.И. [PELEVINA, Ů.I.] 2022b: Трансгрессия «зонтиковых» единиц пограничной терминосистемы дискурсологии и когнитивной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики [Transgression of “umbrella” units in the borderline term system of discourse studies and cognitive linguistics // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics] 1: 51–60.
- ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ОБ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ [FEDERAL LAW ON THE ENVIRONMENT] 2025: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Редакция от 08.08.2024 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) [Federal Law No. 7-FZ of 10.01.2002 “On Environmental Protection”. Revision of 08.08.2024 (with amendments and additions entered into force from 03.01.2025)]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (Дата обращения: 25.05.2025).
- ЧЕРЕПАНОВА, А.А. – ФИЛАТОВА, Е.Ю. [ČEREPANOVA, A.A. – FILATOVA, E.Ů.] 2019: Проблема адекватности перевода английской экологической терминологии на русский язык // Успехи в химии и химической технологии [Problems of the adequacy of the translation of English ecological terminology into Russian // Advances in Chemistry and Chemical Technology] 33/12: 57–59.
- ЧУЙКОВ, Ю.С. [ČUJKOV, Ů.S.] 2017: Социальная экология и экология человека: объекты и направления исследований // Астраханский вестник экологического образования [Social ecology and human ecology: Objects and areas of research // Astrakhan Bulletin of Environmental Education] 1(39): 91–109. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-ekologiya-i-ekologiya-cheloveka-obekty-i-napravleniya-issledovaniy> (Дата обращения: 11.12.2024).
- ЭЛИПХАНОВ, М.У – ОКАЗОВА, З.П. – ВЛАСОВА, О.И. [ELIPHANOV, M.U. – OKAZOVA, Z.P. – VLASOVA, O.I.] 2020: Рациональное природопользование. Грозный: АЛЕФ [Rational Natural Resource Management. Grozny: ALEF].

TERM. AND BEYOND 2024: Terminology and Beyond. A webinar series about terminology and the world that revolves around it. <https://termandbeyond.dei.unipd.it> (Дата обращения: 25.05.2025).

Кристина К. КОВАЧ
Институт славистики
Дебреценский университет
Дебрецен, Венгрия
kissne.k.krisztina@arts.unideb.hu
<https://orcid.org/0009-0006-9583-3858>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY STUDIES

LITERATURWISSENSCHAFT

Andrea PISKÓTI-POSTA

**FRAGMENTATION IN BYRON'S *THE GIAOUR* AS A MODEL
FOR LERMONTOV'S *A HERO OF OUR TIME***

Фрагментарность в «Гяуре» Байрона как модель для «Героя нашего времени» Лермонтова

Аннотация

М.Ю. Лермонтов никогда не скрывал своего увлечения западной литературой и особенно поэзией лорда Байрона. Сходство личностей двух поэтов, а также некоторых типов персонажей и мотивов в их произведениях было установлено уже в академической литературе XIX века. Автор данной статьи стремится доказать наличие связи между поэмой «Гяур» и романом «Герой нашего времени» с точки зрения литературной фрагментарности, в частности пропусков и пробелов, обнаруженных в повествовании, структуре и хронологии двух текстов.

Ключевые слова: литературные фрагменты, Байрон, Лермонтов, романтизм

“This broken tale was all we knew”
Byron: *The Giaour*

It is well known that Mikhail Lermontov was interested in Western (mostly French, German and English) literature, and presumably through his French-language readings and because of Pushkin's enthusiasm, he encountered the poetry of Lord George Gordon Noel Byron, a major figure of the English Romantic Movement. The effect Byron had on the young Lermontov is a frequent and thoroughly researched topic in the literature, from numerous angles: connections and differences between certain characters and works, way of thinking, common themes and motifs, as well as how this influence is different from the one Byron had on Pushkin. Udodov provides an extensive overview of Russian literature and the connections between Lermontov and Byron in the late 19th and early 20th centuries in his monumental 1973 monograph, focusing mainly on his poem *Demon* [«Демон»] and novel *A Hero of Our Time* [«Герой нашего времени»]. Spasovich discusses the Byronic patterns of the artistic world of Pushkin and Lermontov in his 1911 book, comparing Lermontov's *Demon* to Byron's *Cain*, John Milton's *Paradise Lost*, and the French romantic poet Alfred de Vigny's *Éloa, ou La Sœur des Anges* [Éloa, or the Sister of the Angels]. Rozanov believes that the Byronic foundations in Lermontov's works should be examined together with the philosophy of Rousseau [ROZANOV 1914]. In his opinion, compared to other Byronists, there is no one closer to Byron in talent and spirituality than Lermontov. Zhirmunsky's 1924

book *Байрон и Пушкин* ["Byron and Pushkin"] provides a comprehensive summary of Byron's influence embedded in 19th century Russian literature, meticulously tracing how Byronic elements, figures, and structures find their way into Pushkin's oeuvre and how Pushkin transforms them in his own works. Eikhenbaum claims that while Pushkin appreciated Byron, Lermontov found something in Byron's oeuvre that he thought was missing from Russian literature [EIKHENBAUM 1986]. According to Nolman, Lermontov continued the tendency Pushkin started: he brought in themes, characters, and motifs from European literature in such a way that his writings still retained their "Russian originality" [NOLMAN 1941]. In his 1941 work, Tomasevsky discusses how Pechorin and Onegin are different from other literary figures of European literature, including the character of *Childe Harold*. All the above mentioned works approach the connection between Byron and Lermontov from either a thematical and motivic point of view or focusing on similarities and differences of their belief systems and poetic personas. In this paper, I aim to prove that a structural parallel which can be studied from the perspectives of literary fragments might also exist.

The barely teenage Lermontov first discovered Byron's artistic world through French language readings and the Russian translations by Zhukovsky, who is credited with translating Byron's narrative poem *The Prisoner of Chillon* into Russian, which also marked the introduction and foundation of this genre in Russian literature [LANDSDOWN 2007: 73]. The American Slavist scholar, Allen compares the "Byronic period" of Pushkin and Lermontov, emphasizing that the two Russian poets were struck by "Byronism" at different points in their literary careers and in different stages of their lives: Pushkin encountered the works of the then-living Byron as an already mature author, while Lermontov learned about the somewhat mystified figure of the then-deceased Romantic poet at a very young and sensitive age. Allen examined the traces of Byronic influence in Lermontov's narrative poetry and concluded that although we undoubtedly discover numerous quotations, adopted motifs, characters, and similarities in worldview, Lermontov nevertheless had a kind of ambivalence towards Byron, which takes his work beyond romanticism and towards realism [ALLEN 2007: 59–60].

Both Byron and Lermontov have several poems entitled "Fragment" in their oeuvre, which is not uncommon in 19th century poetry. In case of Lermontov, unfortunately we have no proof, however, from Byron's correspondence it becomes evident that he thought of literary fragments as something innovative and valuable. He does not only refer to his own poems this way, but he labelled his contemporaries' works as fragments, too. This is best explained by the fact that the publication of his contemporary and friend, Coleridge's poem *Kubla Khan* was encouraged by Byron himself [NEWLYN 2002]. Based on all this, I think a comparative study is well-justified from the perspective of fragmentation since it can be found both structurally and thematically in both poets' oeuvres.

To map the possible connections, I took the following aspects into account when choosing two works for comparison. A comparison of fragmented structures and narrative techniques would be better observable in prose; however, Byron did not

write novels or short stories (except an unfinished one), so his narrative or epic poems were the only options. First, it was important to examine whether fragmentation was indicated either in the title or in a subtitle. Then, I checked the number and personality of the narrators in certain narrative poems. In both *Childe Harold's Pilgrimage* and *Don Juan*, the events are narrated in the first person singular by a narrator who likes to become the focus of attention instead of his hero. Although his identity is not precisely defined, his voice has often been confused with the personal perspective of the author, Byron, himself. However, there is one narrative poem by Byron in which we can find multiple narrators and conflicting points of view, which may evoke the narrative technique Lermontov used in his novel, *A Hero of Our Time*. This is one of Byron's "Oriental verse tales", written in 1813 entitled *The Giaour*. This narrative poem is also suitable for comparison with *A Hero of Our Time* since *Childe Harold* and *Don Juan* tell journeys that follow a linear chronology of geographical journeys, and in *The Giaour* we encounter a fragmented chronology that is fundamentally uncharacteristic of Byron's poetry. The linear array of the stanzas does not present the events in a chronological order, just as the chapters in Lermontov's novel do not either. What makes this poem an even stronger candidate for comparison is the fact that Lermontov not only certainly knew and read *The Giaour* in English, but also aspired to translate certain parts of it into Russian in 1830.¹

The influence *The Giaour* had on Lermontov is undoubtable, however, it has not yet been traced in *A Hero of Our Time* to my knowledge.² It is important to note that we can also find further motivic parallels between with Byron's *The Giaour* and Lermontov's *A Hero of Our Time*.³ However, due to the space limitations of the present paper, the main focus here remains on the similarities of narration, chronology and structure.

¹ Even before Lermontov, Pushkin was also captivated by *The Giaour* and made his own translation in 1820, which is regarded as Pushkin's first known literary translation. However, most scholars agree that neither Pushkin's nor Lermontov's attempt was more than a literal translation of the original text. Three more translations were carried out after that: in 1953 by Georgy Sengel, in 1960 by Vasily Betaki, and in 1981 by S. Ilyin [ILCHENKO 2014: 4]. András Soproni believes that the sixteen-year-old Lermontov probably translated *The Giaour* as a school assignment, along with Byron's works *Darkness* and *Napoleon's Farewell*, as well as the first stanza of *Beppo*. Lermontov himself called these "translations in prose" [перевод в прозе], Soproni claims that he tried to preserve the original artistic means in them and later used some motifs in his own poems [SOPRONI 2024].

² According to Ágnes Dukkón, it can be principally retraced in an early narrative poem of Lermontov entitled *Boyar Orsa* [Боярин Орша], published in 1835. Dukkón identifies a similar hero type and points out that the connection is evident in the conflicting value systems, where there are no winners, only losers at the end of the poem [DUKKÓN 1997: 106].

³ The interweaving motifs of sea and death, horse and death, elements of constant movement and travel, and mythological/supernatural creatures. Similarities can also be discovered in the descriptions of the main characters, their demonic features, and their relationship with female characters. In both works, the contrast between East and West, the thematization of Eastern philosophy and worldview, specifically predestination, is strongly present, too. I am discussing all these motivic parallels in another article.

The term *giaour*, used by Byron in the title of the work, got into the lexicon of the English language in the 16th century. It comes from the Turkish pronunciation of the Persian word *gaūr*, meaning “infidel, fire-worshipper”, and originally referred to the followers of the Zoroastrian religion. In Turkish it is used mainly to refer to Christians with such frequency that it is no longer necessarily an insult [ONIONS 1966]. The word *giaour* can also be found in the Russian language, but it is rather derogatory [PREOBRAZHENSKY 1951]. Lermontov himself uses this term in the chapter “Bela” of the novel *A Hero of Our Time* (but it can be found in his poem “Ismail Bey” [Измаил-Бей] as well):

За мной неслись четыре казака; уж я слышал за собою крики **гяуров**,
и передо мною был густой лес. [...] Через несколько мгновений
поднимаю их – и вижу: мой Карагез летит, развевая хвост, вольный как
ветер, а **гяуры** далеко один за другим тянутся по степи на изму-
ченных конях. [ЛЕРМОНТОВ 1981: 192; курсив мой]

Four Cossacks dashed after me. I could actually hear the cries of the **giaours**
behind me, and in front of me there was a dense forest. [...] After a few
moments I looked up again, and there was my Karagyz flying along. I could
actually hear the cries of the **giaours** behind me, and in front of me there
was a dense forest. [...] After a few moments I looked up again, and there
was my Karagyz flying along, his tail waving – free as the wind; and the
giaours, on their jaded horses, were trailing along far behind, one after
another, across the steppe. [LERMONTOV 2008; emphasis mine]

The sentences above are spoken by the mysterious and exotic character Kazbich, when he tells Azamat one of his adventures with his beloved horse named Karagyz. He uses the word to refer to his pursuers, and from the context the negative connotation is absolutely evident.

In case of *The Giaour*, the fragmentary nature of the poem is indicated in the subtitle: *The Giaour: A Fragment of a Turkish Tale*. The work is one of Byron’s narrative poems with an oriental theme, and its peculiar characteristic is that the exotic is mixed with Gothic elements. The original manuscript consisted of only 407 lines, but Byron continuously expanded it in various later editions, until it reached a 1,334 line length. Even though he had tremendous success with this poem, he still might have not been satisfied with the result since in one of his letters, he referred to it as “foolish fragments” [BYRON 1974:105]. It is not regularly divided into chapters or parts, but there are visual breaks signalled with asterisks in the text.

The reader is introduced to the relatively simple but fragmented chronological plot through several narrators with opposing worldviews. The use of fragmented chronology and multiple points of view is unique in Byron’s “Oriental tales” and in his oeuvre. This idea comes from a more or less forgotten representative of the first generation of English Romantic poets, Samuel Rogers. Byron dedicates his work to Rogers, so the general opinion in literature is that the structure of Rogers’s narrative poem *The Voyage of Columbus* (a brief summary of the story in the preface,

followed by a chain of fragments) served as a model for the structure of *The Giaour* [WATKINS 1985: 874].

The hero of the narrative poem is a wealthy Christian nobleman, referred to only as the "Giaour", who has a love affair with Leila, a member of the harem of a Turkish lord, Hassan. Their romance is discovered by Leila's master who, as punishment for her infidelity, executes Leila by throwing her into the sea. The Giaour takes revenge for the death of his lover, and while Hassan is looking for a new wife, he kills him. Then he retires to a monastery, where he makes a confession to a monk. The narrative poem is often considered to be a tale of forbidden love and revenge. However, the poem has also been interpreted as a blurred allegory of the situation in Greece, in which Hassan embodies the Ottoman Empire; Leila represents the beautiful Greece that has been destroyed by Ottoman tyranny; and the Giaour stands for the helpless Western Europe, which, after failing to provide meaningful help, resorts to senseless violence in revenge [WATKINS 1985: 877].

The author's intention behind the use of the fragmented form employed in the poem can perhaps be explained by a desire for a kind of dramatic effect, mysterious atmosphere, and authenticity. The dramatic character may arise from the fact that in many cases we find gaps at important sections of the plot, which definitely increase tension and suspense. For example, let us see how the execution of Leila is narrated. First of all, this event takes up only 14 stanzas of the poem, which is very brief compared to the fact that it causes the main conflict of the plot. This part is divided into two verses and is narrated by the fisherman who also talks about how he was approached to take part in the execution as part of the story of the actual death of Leila, which is actually longer than the description of the execution itself. The division between the two parts is also visual because of the use of asterisks between the verses. In the first part, the fisherman uses metonymy and fragmented imagery (describing only their body parts, clothing items and weapons) to refer to the group of people asking to use his boat to throw Leila into the sea.

I hear the sound of coming **feet**,
But not **a voice** mine **ear** to greet;
More near – each **turban** I can scan,
And silver-sheathed **ataghan**;
The foremost of the band is seen
An emir by his garb of green:
[BYRON 1963: 159; emphasis mine]

We also find dialogues between the fisherman and Hassan's crew. The dramatic effect of these parts comes from the omission that can be detected in these dialogues, the actual purpose of why Hassan's people want the boat of the fisherman is not mentioned, readers have to guess:

‘Ho! Who art thou?’ – ‘This low salam
Replies of Moslem faith I am.’
‘The **burden** ye so gently bear,
Seems one that claims your utmost care,
And, doubtless, holds some **precious freight**,
My humble bark would gladly wait.
[BYRON 1963: 160; emphasis mine]

Leila, the victim is also not mentioned specifically, but the words “burden” and “precious freight” are used to refer to her. Then, we find 10 lines that an unidentified person, one of Hassan’s crew, says to the fisherman as the boat reaches the exact spot for the execution. The tension is raised since at the end of this verse, we have an incomplete line, where the missing parts are signalled with asterisks:

‘Thou speakest sooth; they skiff unmoor,
And waft us from the silent shore;
Nay, leave the sail still furled, and ply
The nearest oar that’s scattered by,
And midway to those rocks where sleep
The channeled waters dark and deep.
Rest from your task – so – bravely done,
Of course had been right swiftly run;
Yet ‘tis the longest voyage, I trow,
That one of – ***

Sullen **it** plunged, and slowly sank,
The calm wave rippled to the bank;
I watched **it** as **it** sank, methought
Some motion from the current caught
Bestirred **it** more, – ‘twas but the beam
That checkered o’er the living stream:
I gazed, till vanishing from view,
Like lessening pebble it withdrew;
Still less and less, a speck of white
That gemmed the tide, then mocked the sight;
And all its hidden secrets sleep,
Known but to Genii of the deep,
Which, trembling in their coral caves,
They dare not whisper to the waves.
[BYRON 1963: 160; emphasis mine]

As we can see in the segment above, when Leila is thrown into the sea, the fisherman refers to her with the singular, neuter, third-person pronoun “it”, making Leila not just a victim of violence, but a nameless and voiceless sacrifice. This omission can strengthen the dramatic effect of the execution: the reader must piece the event

together from these small references and based on the advertisement at the beginning of the poem.

Fragments can create mystical, mysterious atmosphere which along with the ambivalent, plays a prominent role in Romantic literature. Texts composed with constant interruptions, ellipses, omissions, where fragmentation is present in the structure, thought or imagery, may be suitable for expressing something supernatural and mystical [CHRISTIE 2016]. In both *The Giaour* and *A Hero of Our Time*, we can find themes and motifs like sin, death, and predestination that are difficult to express with words, so trying to somehow put them to words might cause fragmentation in structure.

By the authentic character of a fragment, I mean the artistic "practice" or "trick" when the author indicates to the reader in a preface, afterword, or in a footnote that they found or heard the story in an already fragmentary form and that they rather present themselves as only a kind of editor. As already mentioned above, in the case of *The Giaour*, the fragmentary nature ("disjointed fragments") is indicated in the "advertisement", the short instruction in prose at the beginning of the work. What is more, at the end of the poem, Byron attached a footnote with information about the origin of the plot and why the poem is fragmented:

I heard it **by accident** recited by one of the coffee-house storytellers who abound in the Levant, and sing or recite their narratives. – The additions and interpolations by the translator will be easily distinguished from the rest by the want of Eastern imagery; and I regret that my memory has retained so **few fragments** of the original.

[BYRON 1963: 184; emphasis mine]

The expression "by accident" immediately draws our attention to a common romantic "trick" that is also characteristic of 19th century Russian literature. This element of randomness was also used by Pushkin in the fictional origin story of *The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin* [«Повести покойного Ивана Петровича Белкина»], and in various short stories by Gogol and Turgenev. Drozda also pointed out that, according to the fictional origin story, *A Hero of Our Time* as a novel also comes together almost "accidentally" [DROZDA 1985: 32]. The travelling officer who is the anonymous narrator of Lermontov's novel originally set out the goal of writing a travel journal, which turns into a novel focusing on Pechorin right in front of the reader. It seems that this change of the planned genre is caused by a series of totally random, unexpected events: first, meeting Maksim Maksimich, who tells a story about his friend, secondly, accidentally meeting Maksim Maksimich again, then that particular friend from the story, finally, Pechorin being cold and rude to Maksim Maksimich, which leads the travelling officer to acquire Pechorin's diaries from Maksim Maksimich. Based on Drozda's approach to randomness in the novel, Kroó suggests in her recent monograph about *A Hero of Our Time* that by emphasizing the unpredictability of real life, literature can go beyond simply representing life as anticipated, whether through artistic constructs or real-life experiences. She claims that the novel can reflect the chaos and unpredictability

of life, which allows it to transcend the limitations of conventional realism [KROÓ 2020: 95].

We know from his preface to Pechorin's diary, that the travelling officer edited the diary before publishing, just like Byron, who also indicates in the footnote quoted above that the translator might have made modifications and even additions to the original text. He explains the fragmentary nature of the poem; its shortcomings and possible omissions might have been caused by the limitations of human memory. This is also not without precedent in romantic poetry: let us think of Coleridge's poem *Kubla Khan*.⁴ The plot of *The Giaour* came to the author through the intermediary of a translator. Then Byron specifically emphasizes that the story he heard, which he was finally able to recall in his memory during the period of creation, is also only a "few fragments of the original". Although the footnote emphasizes that the coffeehouse storytellers sing or recite their stories, we have no precise information as to whether Byron heard the story in prose or in the form of a song, whether there was a change in genre, as in the case of *A Hero of Our Time*, when Lermontov also apologizes to the reader in a footnote for turning Kazbich's song into a poem, even though it was told to him in prose.

The different and often completely opposite points of view allow the reader to objectively interpret the events and characters. At least four different voices can be distinguished in the work: the voices of the poet, the Muslim fisherman, the Christian monk, and the giaour we hear in first person singular in his confession. At this point, it is definitely worth noting that Leila's voice is completely absent from the poem just like Bela's or Princess Mary's and the other female characters' perspective are missing from *A Hero of Our Time*. In my opinion, it can be stated that in *The Giaour* we see a rudimentary version of the narrative structure of Lermontov's novel. In *A Hero of Our Time*, we also begin to get to know and understand the hero's personality and thinking from the external point of view and then we gradually move towards Pechorin's own, internal perspective. Firstly, the travelling officer conveys Pechorin to the reader from the perspective of Maksim Maksimich, in the next part he adds his own observations and experiences, which are followed by Pechorin's personal point of view, diary entries, and confessions about himself. This structure is definitely more complex than the two separate external points of view and the internal world revealed in the Giaour's confession in Byron's poem, but it certainly shows a parallel, and it is also significant that Lermontov's novel is also characterised by only male perspectives.

⁴ In the preface, Coleridge explains the subtitle of his poem ("A Vision in a Dream. A Fragment") and how the complete poem appeared to him in an opium dream. After waking up, while writing down the poem, he was disturbed and therefore was unable to finish it. Coleridge did not publish the poem for decades, and even then, only did so because of Byron, who saw serious value in it. However, whether this story is true, or whether there was actually serious editing behind the fragmentary nature of *Kubla Khan*, has never been conclusively proven by scholars, and indeed, the identity of the person who arrived "from Porlock on business" and disturbed the poet while he was writing remains one of the greatest literary mysteries to this day [NEWLYN 2002].

At the beginning of the poem, an unidentified lyrical speaker also appears and delivers a eulogy in the first 180 lines over Greece, once bastion of democracy, but at the time of the plot, a prey to tyrants. This section is characterized by a sense of longing and nostalgia, but we also find bizarre poetic imagery in it, for example, when the lyrical speaker praises the beauty of a dead woman's body. Furthermore, we can state that in *The Giaour* the narrative emphasis is perhaps not on the plot of the narrative poem itself, but rather on the contrasts and common features between the different points of view. Both the fisherman and the friar are not only narrators, but also characters in the story at the same time, just like Maksim Maksimich in *A Hero of Our Time*. Even though they come from different backgrounds, both the fisherman and the friar seem to evaluate the Giaour and his actions similarly: neither can understand him. We witness the same phenomenon in *A Hero of Our Time*: although Maksim Maksimich likes Pechorin, even he regards him and his actions as unusual. This might be explained by the heroes' complete isolation and alienation from the environment and society they live in.

Although, the poem has reversed a usual orientalist point of view (looking at the "exotic other" from a Western perspective), since the fisherman narrator is part of the foreign culture, most postcolonial scholars like Edward Said agree that Byron's "Oriental verse tales" are idealised and stereotypical representations of the mysterious and fictionalised East [SAID 1978]. The "exotic other" and the "mystified elsewhere" is the Caucasus Mountains in 19th century Russian literature. In *A Hero of Our Time*, we see the usual orientalist perspective (outsider looking at the "other" culture), with Maksim Maksimich's point of view as a kind of in-between perspective. However, it can be evident that Lermontov uses this usual orientalist perspective to show a mirror to society and to ridicule it. Originally, the travelling officer set educational purpose of his writings to share his experiences with the public who know so little about life in the Caucasus Mountains. The story of Bela and Pechorin would have been only a short, temporary digression for this travel journal. However, after that, the traveling officer no longer tries to write down any more stories – mostly because at this point the travelogue has already begun to develop into a novel. As he progresses on his journey, the anonymous narrator's interest in travel itself decreases, the extremely detailed and vivid travel descriptions at the beginning of the chapter "Bela" become increasingly scarce, and in the chapter "Maksim Maksimich" he skips the landscape descriptions with explicit ellipsis and turns his attention to the personality of Pechorin.

Despite the multiple narrators and different points of view, external and internal perspectives, the reader can feel that it is not possible to get the full picture of the Giaour's and Pechorin's complex personalities. It might be explained by the fact that they are struggling to understand themselves, the motivation behind their actions and they are in constant conflict with themselves. However, we also know that in case of both works, the reader is presented with only parts of these characters' stories. In case of Pechorin, the anonymous narrator writes in his introduction to Pechorin's diary that "I have inserted in this book only those portions of the diary which refer

to Pechorin's sojourn in the Caucasus. There still remains in my hands a thick writing-book in which he tells the story of his whole life" [LERMONTOV 2008].

The fisherman's narration begins with a description of the beach, during which we see the Giaour on horseback for the first time. We find a reference to time in the text:

Till Port Leone's safer shore
Receives him by the lovely light
That best becomes an Eastern **night**.
[BYRON 1963: 155; emphasis mine]

Later, the narrator clarifies further, it is not on an ordinary night, but the eve of an important holiday:

To-night – set Rhamazami's sun –
To-night – the Bairam feast's begun –
[BYRON 1963: 156]

This is the 9th month of the Islamic lunar calendar, during which Muslims fast from sunrise to sunset. Its name comes from the word *ramida*, which means "dryness, heat". The month of Ramadan commemorates the revelation of God's will to the Prophet Muhammad. According to tradition, God gave the Quran from heaven to the Prophet Muhammad, who retreated to Mount Hira to meditate and fast. According to Islamic belief, during that time the gates of hell are closed and the demons are chained, so this month is a time of peace and spiritual purification, despite the hardships [ADIL 2016]. The timing of the event is also significant from a chronological perspective, as the Giaour appears immediately after the holiday, which may also foreshadow his diabolical qualities: the gates of hell have opened, the demons have been unleashed. The other holiday mentioned, Bairam's feast, is a holiday which commemorates Abraham's willingness to sacrifice his son to God [ADIL 2016]. This is also significant from the point of view of the plot, as it foreshadows the execution of an innocent character, Leila's sacrificial role.

After this, we find several jumps in time, both to the past and the future: the narrator recalls Hassan's childhood but also describes the deserted, ruined palace after Hassan's death, which is both a clear foreshadowing of the Giaour vicious attack and a vivid example of the appearance of the ruin motif in the romantic fragment. Most scholars agree that in the 18th and 19th centuries the ruin motif clearly became an unavoidable, central entity – whether it is about visual arts or literature. It can be stated that the fragment and the ruin are clearly related concepts: on the one hand, due to the connection of the part vs. whole problem that can be perceived in both, and on the other hand, due to the temporality that is emphasized in both the fragment and the ruin [BÖHME 1989]. The description of the ruins in *The Giaour* contains familiar elements: although the speaker first identifies it as a tomb, it turns out that this life has not disappeared, nature has slowly taken over the building left behind by people. Certain rooms and parts of the palace have been taken over by animals. In my opinion, the descriptions of the ruins in the work serve mostly

to create a dramatic effect; by describing the former living space abandoned after Hassan's death, the narrator projects the Giaour's reckoning deed.

Although the main characters' death is revealed at different points in the works (in *The Giaour* it is the last six stanzas, while in *A Hero of Our Time* Pechorin dies in the preface to the Diary), we find similarities in the narration of these events, too. In both works, it is extremely brief, almost an essentially insignificant fact presented by the narrators. The travelling officer mentions it in a single sentence: "I learned not long ago that Pechorin had died on his way back from Persia." [LERMONTOV 2008]. It is important to mention for only one reason: the anonymous narrator can now publish Pechorin's diary so that his life can serve as a lesson for readers. Zsófia Szilágyi sees the significance of placing the death of the protagonist in the middle of the novel in that the plot cannot of course end with the death of the protagonist, and if we consider the plot as a model of human life defined by linearity and closed by death, we must define it as unfinished [SZILÁGYI 2002: 19]. In Byron's work, on the other hand, after his confession to the monk, in the last six stanzas we read about the death of the Giaour, which seems insignificant because he took his secrets with him to his anonymous grave; in fact, not even the friar who heard his confession knows his name or sees him as anything more than a murderer. The significance of the lines that conclude the work lies rather in the fact that the narrator himself characterizes the story as a fragment:

This **broken tale** was all we knew
Of her he loved, or him he slew.
[BYRON 1963: 184; emphasis mine]

The fact that Lermontov himself translated excerpts of Byron's narrative poem proves beyond any doubt that he knew *The Giaour* and thought about it. I believe that the aspects presented above in this paper convincingly illustrate the relationship between Byron's *The Giaour* and Lermontov's *A Hero of Our Time*, which we find in the examination of the narration, chronology and structure. After examining certain examples from Byron's narrative poem and Lermontov's novel, it can be stated that the structure of the work, built from omissions and fragments, cannot be the result of the brevity of the authors' life, but is the result of a well-thought-out, elaborated authorial concepts. In my opinion, fragmentation plays an important role in both *The Giaour* and *A Hero of Our Time*: besides creating a mysterious atmosphere and dramatic effect, it emphasises the alienation of the heroes and the complexity of their personalities. The omission in narrating certain events and the fragmented chronology also encourage the readers' active participation and interpretation.

References

- ADIL, H.A. (ed.) 2016: Ramadan. The three holy months of Rajab, Sha'bān, Ramadān on fasting, prayer and other matters. Translated by Radhia Shukrullah. Nicosia: Spohr.
- ALLEN, E. 2007: A fallen idol is still a God. Lermontov and the quandaries of cultural transition. Stanford: Stanford University Press.

- BÖHME, H. 1989: Die Ästhetik der Ruinen // Kamper, D. – Wulf, C. (hrsg.), Der Schein des Schönen [The aesthetics of ruins // Kamper, D. – Wulf, C. (eds.), The semblance of beauty]. Göttingen: Steidl Verlag 287–304. https://epa.oszk.hu/04300/04320/00022/pdf/EPA04320_okor_2016_4_079-086.pdf (Date of access: 06.03.2025)
- BYRON, G.G. 1963: The Giaour // V. de Sola Pinto (ed.), Byron's poems in three volumes. Vol. 2. Everyman's library No. 486–488. London: Dent 147–184.
- BYRON, G.G. 1974: 'Alas! the love of women' // Marchand, L. A. (ed.), Byron's letters and journals Volume III. 1813–1814. Boston: Harvard University Press.
- CHRISTIE, W. 2016: The two Romanticisms and other essays. Mystery and interpretation in Romantic literature. Sydney: Sydney University Press.
- DROZDA 1985: see ДРОЗДА 1985
- DUKKON Á. 1997: Lermontov // Zöldhelyi Zs. (szerk.), Az orosz irodalom története a kezdetektől 1940-ig [Zöldhelyi Zs. (ed.), The History of Russian Literature from the Beginnings to 1940]. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó Rt.
- EIKHENBAUM 1986: see ЭЙХЕНБАУМ 1986
- ILCHENKO 2014: see ИЛЬЧЕНКО 2014
- KROÓ K. 2020: Korunk hőse – Korunk irodalomszemiotikája? Karakterpoétika és olvasáshemiotika Lermontov regényében [A hero of our time – Literary semiotics of our time? Character poetics and reading semiotics in Lermontov's novel]. Budapest: L'Harmattan Kiadó.
- LANDSDOWN, R.D. 2007: "Almost as far as Petersburg". Byron and the Russians. Keats-Shelley Journal 56: 52–77. <http://www.jstor.org/stable/30210559> (Date of access: 15.12.2024)
- LERMONTOV, M.Y. 2008: A hero of our time. Transl. by J. H. Wisdom & Marr Murray. The Project Gutenberg EBook. https://www.gutenberg.org/files/913/913-h/913-h.htm#link2H_FORE2 (Date of access: 05.05.2025)
- NEWLYN, L. 2002: The Cambridge companion to Coleridge. Princeton: Cambridge University Press.
- NOLMAN 1941: see НОЛЬМАН 1941
- ONIONS, C.T. 1966: The Oxford dictionary of English etymology. Ed. with the assistance of G.W.S. Friedrichsen and R. W. Burchfield. Oxford: Clarendon Press.
- PREOBRAZHENSKY, A.G. (ed.) 1951: Etymological dictionary of the Russian language. New York: Columbia University Press.
- ROZANOV 1914: see РОЗАНОВ 1914
- SAID, E. 1979: Orientalism. New York: Random House.
- SOPRONI A. 2024: Byron és az oroszok [Byron and the Russians]. <https://1749.hu/fuggo/byron-es-az-oroszok.html> (Date of access: 07.01.2025)
- SPASOVICH 1911: see СПАСОВИЧ 1911
- SZILÁGYI ZS. 2002: „volt benne valami különös”: M. Ju. Lermontov *Korunk hőse* című regénye [“a little peculiar”: Lermontov's Novel “A hero of our time”]. Veszprém: Veszprémi Egyetemi Kiadó.
- TOMASEVSKY 1941: see ТОМАШЕВСКИЙ 1941
- UDODOV 1973: see УДОДОВ 1973
- WATKINS, D.P. 1985: Social relations in Byron's *The Giaour* // ELH 52/4: 873–892. <https://doi.org/10.2307/3039470> (Date of access: 20.10.2024)
- ZHIRMUNSKY 1978: see ЖИРМУНСКИЙ 1978

- ДРОЗДА, М. [DROZDA, M.] 1985: Повествовательная структура «Героя нашего времени» [The narrative structure of "A hero of our time"] // Wiener Slawistischer Almanach Vol. 15: 5–34. <https://bit.ly/3abKtuW> (Дата обращения: 03.05.2021).
- ЖИРМУНСКИЙ, В.М. [ŽIRMUNSKIJ, V.M.] 1978: Байрон и Пушкин. Ленинград: Наука [Byron and Pushkin. Leningrad: Nauka].
- ИЛЬЧЕНКО, Н.М. [IL'ČENKO, N.M.] 2014: Байронический герой и особенности формирования образов «лишнего человека» и «русского скитальца» в отечественной литературе // Вестник Мининского университета [Byronic character and the singularity of forming of the images of "a superfluous person" and "a Russian wanderer" in native literature // Vestnik of Minin University] 2014/2. <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/470/446> (Дата обращения: 01.02.2025).
- ЛЕРМОНТОВ, М.Ю. [LERMONTOV, M.Û.] 1981: «Герой нашего времени» // Собрание сочинений в четырех томах. Том 4. Ленинград: Наука ["A Hero of Our Time" // Collected works in four volumes. Volume 4. Leningrad: Nauka].
- НОЛЬМАН, М. [NOL'MAN, M.] 1941: Лермонтов и Байрон // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. Исследования и материалы. Сборник первый. Москва: Гос. изд-во худож. лит. [Lermontov and Byron // Lermontov's life and works. Research and materials. Volume I. Moscow: Gos. izd-vo hudož. lit.] 466–515. <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/nolman/lermontov-i-bajron.htm> (Дата обращения: 01.02.2025).
- РОЗАНОВ, М.Н. [ROZANOV, M.N.] 1914: Байронические мотивы в творчестве Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову. Юбилейный сборник. Москва – Петроград: Изд. «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых» [Byronic Motives in Lermontov's Works // Wreath for M.Y. Lermontov. Anniversary collection. Moscow – Petrograd: V.V. Dumnov, nasledniki br. Salaevykh] 343–384. <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/rozanov/bajronicheskie-motivy.htm> (Дата обращения: 10.01.2025).
- СПАСОВИЧ, В.Д. [SPASOVIČ, V.D.] 1911: Байронизм Пушкина и Лермонтова. Вильна: Сев.-зап. кн-во [Byronism in Pushkin and Lermontov. Vilnius: Sev.-zap. kn-vo].
- ТОМАШЕВСКИЙ, Б. [TOMAŠEVSKIJ, B.] 1941: Проза Лермонтова и западно-европейская литературная традиция // М.Ю. Лермонтов. Кн. I. Лит. наследство Т. 43–44. Москва: Изд-во АН СССР [Lermontov's prose and the Western European literary tradition // M.Y. Lermontov. Book I. Literary heritage Vol. 43–44. Moscow: AN SSSR] 469–516. <https://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l43/l43-469-.htm> (Дата обращения: 03.04.2025).
- УДОДОВ, Б.Т. [UDODOV, B.T.] 1973: М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж: Издательство Воронежского Университета [M.Y. Lermontov. Artistic individuality and creative processes. Voronezh: Voronezh University]. https://imwerden.de/pdf/udodov_lermontov_1973_text.pdf (Дата обращения: 27.06.2020).
- ЭЙХЕНБАУМ, Б. [ĖJHENBAUM, B.] 1986: О прозе – О поэзии. Сборник статей. Ленинград: Художественная литература, Ленинградское отделение [About prose – About poetry. Collection of articles. Leningrad: Hudožestvennaâ literatura, Leningradskoe otdelenie].

Andrea PISKÓTI-POSTA
Institute of Slavic Studies
University of Debrecen
Debrecen, Hungary
posta.andrea@arts.unideb.hu

Франческо ВАРЛАРО – Алексей КОЗЛОВ

ЛАГЕРНАЯ ПРОЗА: О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЕМКОСТИ И СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ

Camp Prose: On the Semantics and Conceptual Framework of the Term

Abstract

The paper analyzes camp prose as a unique literary phenomenon in 20th century Russian literature, shaped under the extreme conditions of Stalinists labor camps and repressions. The study looks into the effects of imprisonment on the linguistic personalities of both professional writers, such as V. Shalamov and A. Solzhenitsyn, and non-writers like E. Ginzburg and E. Kersnovskaya. The writings of these authors provide key points for analyzing the psychological, social, and individual transformations the authors experienced during incarceration. The use of metaphorical language in shaping their works is a major area of study. The authors succeed in delineating the unspeakable horrors of camp life by using metaphors as both stylistic elements and tools for reinterpretation. The study analyzes how these metaphors reflect the broader themes of dehumanization, endurance, and moral resilience. In addition, the analysis illustrates that camp prose goes beyond documentary testimony, becoming a means of linguistic resistance and creative survival. By exploring the lexical choices and narrative structures of these texts, the present study discusses methods in which authors build a new literary language and process in and of expressing trauma and memory. In doing this, it contributes to a deeper understanding of the interaction between personal experience, linguistic expression, and historical representation in Russian literature.

Keywords: *camp prose, ego-document, narrative, focalization, Gulag literature*

Среди многочисленных ответвлений русской прозы второй половины XX века (деревенской, лейтенантской, пионерской и пр.), особое место занимает корпус текстов, отражающих опыт тюремного заключения и повседневной жизни в ГУЛАГе. После кампании, направленной на разоблачение культа личности Сталина, такие тексты, несмотря на разный уровень условности и достоверности, стали восприниматься как свидетельства индивидуальной и коллективной травмы. При этом выбранное название, с одной стороны, должно было напомнить о лагере как общем топосе несвободы, с другой же, камуфлировало многочисленные семы тюрьмы и ссылки за нейтральным для советского дискурса понятием *лагерь*. Также необходимо учитывать то, что лагерная тема представлена разными литературными жанрами в амплитуде от fiction до non-fiction:

Художественные и документальные отражения неволи – аресты, тюрьмы, лагеря предстали неисчерпаемо разнообразными, открыли в литературе новой и сильный пласт трагических впечатлений, оказавшихся в известном смысле богаче, чем «воля». [ЛАКШИН 1994: 277]

В настоящей статье мы проследим историю вопроса, литературную традицию, нарративную организацию и, наконец, метафорическую структуру художественных и мемуарных текстов, объединенных тематикой лагерной несвободы.

1. История вопроса

Литература XX-го века включает в себе большое количество произведений авторов, которые пережили холокост (П. Леви, Имре Кертес, Робер Антельм, Тадеуш Боровский), а также *лагерный период* в СССР (А. Солженицын, В. Шаламов, Е. Гинзбург, Г. Жженов, Е. Керсновская, О. Адамова-Слиозберг, А. Баркова, Н. Гаген-Торн, Т. Петкевич, П. Флоренский и др.). Как отмечает И. Сухих, некоторые из этих произведений обладают общей тематикой и философской направленностью. Другими словами,

<...> *новая проза* разворачивается как неискусственное автобиографическое повествование, постоянно поднимая ключевые вопросы о природе человека и человеческого бытия. [СУХИХ 1989: 197]

В 1962 году в журнале «Новый мир» появилась первая официальная публикация лагерной тематики – «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына. Сюжет этой повести производит впечатление компромисса: с одной стороны, экзистенциальная бездна, порождаемая лагерной повседневностью, с другой, пафос социалистического строительства, квинтэссенцией которого становится трудовой день зека Шухова. Только финальные слова, связанные с синхронизацией биографического и календарного времени, создают необходимый эффект диссонанса фабулы, сюжета и нарратива.

Само словосочетание *лагерная тема* было впервые использовано В. Шаламовым в предисловии к «Колымским рассказам»:

Новая проза – само событие, бой, а не его описание. То есть – документ, прямое участие автора в событиях жизни. Проза, пережитая как документ.

Эффект присутствия, подлинность только в документе.

Письма – выше надуманной прозы.

Смерть, крах романа, рассказа, повести – смерть романа характеров, описаний. Все выдуманное, все «сочиненное» – люди, характеры – все отвергается. [ШАЛАМОВ 2005: 157]

Таким образом, собственно эстетические задачи «искусства ради искусства», «искусства как приема» [EMERSON 2005, ФИЛИМОНОВА 2023] нивелировались задачами этического порядка, в котором выразилось отношение к лагерной прозе как литературе факта:

Лагерная тема в широком ее толковании, в ее принципиальном понимании – это основной, главный вопрос наших дней. Разве уничтожение человека с помощью государства – не главный вопрос нашего времени, нашей морали, вошедший в психологию каждой семьи? Этот вопрос много важнее темы войны. Война в каком-то смысле тут играет роль психологического камуфляжа (история говорит, что во время войны тиран сближается с народом). За статистикой войны, статистикой всякого рода хотят скрыть «лагерную тему»¹.

Параллельно решался и второй вопрос, связанный с репрезентацией травмы как коллективного опыта, что требовало «языка ста Гомеров», «из бедных <...> подслушанных слов»².

Так называемая лагерная тема – это очень большая тема, где разместится сто таких писателей, как Солженицын, пять таких писателей, как Лев Толстой. И никому не будет тесно. [ШАЛАМОВ 2005: 157]

Эти слова Шаламова, как известно, отказавшегося от роли соавтора «Архипелага ГУЛАГ», имели прогностическое значение, связанное с будущей Нобелевской премией А.И. Солженицына.

Ядро лагерной прозы составляют произведения писателей, которые лично пережили *лагерное событие* (несвобода и террор, сталинская эпоха, ГУЛАГ), например, В.Т. Шаламов, А.И. Солженицын, Е.С. Гинзбург, Ю.О. Домбровский и др. В то же время ее функциональную, околядерную периферию составляют тексты, созданные авторами – внешними свидетелями эпохи. Например, в романе «Жизнь и судьба» В. Гроссман, создавая широкую историческую панораму, описывает фашистский лагерь, еврейское гетто и советский лагерь. В повести писателя «Все течет» представлена история Ивана Григорьевича,

¹ Сходная мысль отражена в мемуарах А.Д. Сахарова: «В социалистических странах тела и души сотен миллионов людей были до предела зажаты в чудовищных тисках сталинизма. Погасли печи Освенцима, но тысячи людей ежедневно погибали в холодных забоях Колымы, Норильска и Воркуты, на бесчисленных сталинских стройках смерти» [САХАРОВ 1991: 86].

² Описывая смотр войска в Петербурге XIX века, А. Мицкевич обращался к гиперболе, далее продолженной в XX веке Анной Ахматовой: «Дай, Аполлон, уста мне ста Гомеров, / Дай языков парижских трижды сто, / Дай перья всех бухгалтеров – и то / Смогу ли всех исчислить офицеров, / Всю перебрать ефрейторскую рать / И рядовых героев сосчитать?» [МИЦКЕВИЧ 1968: 212]. В поэме Ахматовой «Реквием» коллективная травма передана сходным образом: «Для них соткала я широкий покров / Из бедных, у них же подслушанных слов» [АХМАТОВА 1969: 20].

реабилитированного заключенного, освобожденного после смерти Сталина и вернувшегося вначале в Москву и потом в Ленинград. Сходная тема затронута в рассказе Солженицына «Матренин двор». Таким образом, в основе лагерной прозы – реакция на травматический опыт, связанный как с личным, так и коллективным переживанием, которое осложняется нарративными установками и литературной традицией³.

Научное изучение произведений, которые тематически принадлежат к лагерной прозе, началось в последние годы существования СССР, но

<...> единого понятия «лагерная проза» так и не сложилось, поскольку в основном объектом исследований становятся отдельные авторы или произведения, без выхода на направление в целом. [СТАРИКОВА 2015: 169]

2. Литературная традиция

Внимание к теме несвободы и уничтожения человеческой личности средствами государственной системы обозначилось еще в житии протопопа Аввакума. Почитаемый деятель раскола XVII века, как известно, создал достоверную картину политических и религиозных репрессий, жертвой которых он стал. Однако записи Аввакума стали достоянием общественности позже, в то время как политические процессы эпохи Екатерины II (А.Н. Радищев и Ф.В. Кречетов), Николая I (декабристы и петрашевцы) и Александра II (аресты и ссылки 1860-х годов) неоднократно обсуждались и рефлексировались в поэзии, прозе, а чуть позже и в публицистике. Осмысление таких событий свидетельствует о том, что радикализация *лагерной культуры* началась в царской России, когда люди были отправлены в Сибирь:

Девизом старой русской темницы было: «поменьше света во все места заключения» и как калька этого девиза «... Поменьше света из самой тюрьмы». [ГЕРНЕТ 1941–1956: 51]

Основоположниками *каторжной прозы* можно считать декабристов и петрашевцев [ЕГОРОВ 1984], чьи воспоминания публиковались, в частности, в «Русской старине», «Историческом вестнике» и «Русском архиве». В 1856 году император Александр II объявил амнистию декабристам, петрашевцам и участникам польского восстания 1831 года. Большинство политических каторжан и арестантов было амнистировано, тогда вместе с Достоевским в Санкт-Петербург вернулось свыше 20 человек, осужденных ранее. Многие из них, пытаясь осмыслить травмирующий опыт одиночного заключения, гражданской казни и каторги, обращались к мемуарам. Благодаря этим мемуарам появилась документальная точность в описаниях жизни, новые знания о Кавказе и Сибири, арестантских ротах и местных жителях. Ставшие

³ См. корпус лагерной прозы [ЛУГОВСКАЯ и др. 2023].

свидетелями и очевидцами, политические преступники как первые документальные свидетели, попытались исследовать жизнь каторжан и оправдать их в глазах общества [МАЛОВА 2003].

В этом контексте знаковую роль сыграли «Записки из Мертвого дома» – одна из самых важных книг Ф.М. Достоевского в восприятии его современников. Отражая реальный опыт ссылки, цикл острожных очерков в то же время демонстрировал опыт Александра Петровича Горяничкова, осужденного за тяжкое преступление⁴. В этом цикле очерков, как и во всех следующих каторжных/лагерных произведениях, человек привыкает к самым нечеловеческим условиям, но не перестает стремиться к свободе. Исследователями неоднократно отмечалась корреляция «Записок из Мертвого дома» с «Божественной комедией» Данте Алигьери [ЖИВОЛУПОВА 1983, МАЛОВА 2003], «Последним днем приговоренного к смертной казни» В. Гюго, описанием арестантского быта в романах О. де Бальзака [GERIGK 2013, КОЗЛОВ 2017]. В дальнейшем тему тюрьмы и ссылки продолжают народники и областники: С.В. Максимов («Ссылные и тюрьмы», «Сибирь и каторга»), Н.М. Ядринцев («Сибирь как колония») и др. Эти произведения дают детальное представление о повседневной жизни заключенных, их быте, взаимоотношениях, а также о системе наказаний и условиях содержания. Авторы не только фиксируют свои личные переживания, но и раскрывают механизмы политических репрессий, делая их доступными широкой общественности. Таким образом, эти тексты становятся важным источником сведений о функционировании пенитенциарной системы Российской империи и о духовном сопротивлении заключенных.

Несмотря на оформленность каторжного дискурса, в конце XIX века прецедентным текстом становится книга очерков А.П. Чехова «Остров Сахалин». По словам Шаламова, книга Чехова показывает, как «оглуляющая и растлевающая мерзость несвободы губит и не может не губить чистое, хорошее, человеческое» [ШАЛАМОВ 2009: 122]. По возвращении из своей поездки Чехов писал о том, что в его творчестве теперь *все просахалинено* – доказательством этому становится его повесть «Палата № 6». Как мы попытаемся показать, этот текст, не связанный непосредственно с острогом и каторгой, включает в себе ключевые смыслы нарративной лагерной прозы.

После 1905-го года в печати начинают появляться мемуары народников и революционеров, прошедших через царские тюрьмы, ссылку и каторгу. Несмотря на обширность этого корпуса, можно констатировать: именно

⁴ Имя нарратора близко к нарративной маске Пушкина: Ивана Петровича Белкина. В романе «Униженные и оскорбленные» нарратор будет назван Иваном Петровичем Б*. В случае с «Записками из Мертвого дома» изменение фамилии Белкин на Горяничков усиливает мотив скорби и горя [GERIGK 2013], что, вероятно, связано с «Повестью о Горе и Злосчастии», а также словом *Горемыка*.

тексты Достоевского и Чехова стали прецедентными и легли в основу лагерной прозы XX века⁵. Как пишет об этом Ю.М. Малова,

<...> произведения о лагерях XX в. перекликаются с XIX-м в изображении каторги (лагеря, ссылки, тюрьмы) как «Мертвого дома», земного ада. Эхом отзывается мысль о мироподобии лагеря (каторги, ссылки), слепка «вольной» жизни России. [МАЛОВА 2003]

3. Нарративная структура

Одним из существенных признаков текстов лагерной прозы является нарративная репрезентация позиции свидетеля трагических событий, их пассивного или активного участника, исследователя. Как писал по этому поводу В.Т. Шаламов, «писатель – не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник не в писательском обличье, не в писательской роли» [ШАЛАМОВ 1998]. Для него важно, чтобы впечатление, полученное от художественной прозы, сочеталось и соответствовало его восприятию реальности.

Таблица 1. Способы нарративной организации лагерной прозы

Семитотический тривий / Нарративная инстанция ⁶	Заклоченный Д	Писатель Д/Э	Диагност Э
Семантика (S)	свидетель	участник	исследователь
Синтактика (O)	доказательство	память	диагноз
Прагматика (P)	опыт	фиксация	результат

Это дает основание рассматривать художественные, мемуарные тексты, очерковые (например, *Очерки преступного мира* В.Т. Шаламова, мемуарные с элементами художественного стиля, например, пьесу по книге Е. Гинзбург «Крутой маршрут») в единстве, поскольку в этих разножанровых произведениях обнаруживаются общие характеристики, а именно:

⁵ Как известно, многие петрашевцы воспроизводили нарративы Достоевского. По-видимому, можно констатировать особую роль прецедентного текста: когда яркие художественные образы, соединившись с реальными впечатлениями, вытеснили или трансформировали их, произошла нейтрализация индивидуального опыта и его адаптация к прецедентному общекультурному тексту.

⁶ Д – диегетический нарратор, Д/Э – диегетически-экзегетический нарратор, Э – экзегетический нарратор. Заметим, что диегезис и экзегезис в настоящем исследовании соответствуют понятиям ассоциированной и диссоциированной наррации. Семантика в таблице соотносима со значением субъекта (S), синтактика – с объектным значением его действия (O), а прагматика соответствует направленности действия, предикату высказывания (P).

1. Автор настоящих произведений является очевидцем и/или участником описываемых событий.

2. Произведения лагерной прозы относятся к *эго-текстам*, то есть мемуарным и художественным произведениям лагерной прозы, в которых представлено жизнеописание, выполненное для автора некоторого автономного смысла.

3. Лейтмотивы и топосы: лагерь, несвобода, смерть, воскресение, сопротивление.

При этом, независимо от того, как именно исследователи классифицируют такие тексты, в фокусе внимания остаются два нарративно равных события: событие рассказывания и рассказанное событие [WHITE 1990, SCHMID 2009, Тюпа 2023]. Эго-документы представляют собой ценный источник для исследования исторических событий и культурных процессов, особенно в контексте советской эпохи. Данные тексты – свидетельства и воспоминания людей, переживших травмирующий исторический период – открывают их личные переживания, отношения к событиям и внутренний мир. Таким образом, эго-документы включают в себя автобиографии, дневники, письма, воспоминания, а также аудио- и видеозаписи, которые создаются самими авторами, и предоставляют уникальный взгляд на исторические события и культурные реалии той эпохи.

4. Система метафор

Сквозной лингвистический анализ художественных и мемуарных текстов дает возможность увидеть особые черты картины мира авторов *лагерной прозы*. Здесь кажется уместным ввести оппозицию внутреннего и внешнего пространства. Внутреннее пространство острога, барака, тюремной камеры характеризуется замкнутостью. С одной стороны, камерный тип помещения определяет мифопоэтическую коннотацию *ковчега* (как, например, в рассказе Солженицына «Один день Ивана Денисовича»). С другой, более частотный способ репрезентации такого пространства связан с коннотациями подавления воли личности. Такое пространство определяет фреймы насилия и угнетения, близкие к фреймам «Палаты № 6» А.П. Чехова. Особое внимание в таких текстах сосредоточено на *заклинателях змей*: интеллектуалах, которые пытаются отстоять границы личной независимости в хищном мире *блатарей*. В большинстве «Колымских рассказов» Шаламова такая стратегия оказывается проигрышной в борьбе за выживание, в то же время в «Одном дне Ивана Денисовича» Солженицына подчеркивается элитарное значение интеллигенции, имеющей возможность отказаться от тяжелого физического труда.

Наследуя традиции «Мертвого дома» Достоевского, многие мемуаристы воспроизводят описание коллективного похода в баню. Вслед за прецедентным текстом подчеркивается инфернальный жар бани, акцентированы обнаженные искаженные тела. В мемуарах XX века в таких описаниях нередко встречаются

коннотации, связанные с сексуализированным насилием как способом подавления воли личности.

Примечательны репрезентации внешнего мира. Многие тексты лагерной прозы: и художественные, и автобиографические отражают особый взгляд на окружающую природу, северную, скудную и суровую, однако символизирующую возрождающуюся жизнь и надежду на свободу. Именно природный мир становится в тексте источником особой метафоричности. Зоометафоры, как правило связаны с мотивами охоты и жертвоприношения («Утка» в «Колымских рассказах»), труп лошади в воспоминаниях Керсновской), в то время как значение фитометафор усложняется за счет мифопоэтических коннотаций.

В лагерных текстах номинации растений зачастую приобретают новое значение, выражая противостояние человека окружающей среде, трансформацию сознания и поиски утраченной гармонии. Они могут символизировать надежду, утрату, внутреннюю стойкость или же полное отчуждение от мира: растительный мир часто противопоставлен животному и человеческому. В этом контексте показательна семантическая деривация фитонимов *лиственница* и *стланик*. Лиственница – известное дерево-персонаж в лагерной литературе, поскольку она связана не только с местом, где находятся заключенные, но и с художественным и философским осмыслением и интерпретацией окружающего мира.

В мемуарных и художественных текстах:

- реализуется семантика огромного дерева, со сверхтвердой древесиной (вырубка лиственниц – самая тяжелая работа заключенных);

- лес-тайга лиственниц многое скрывает, например, трупы заключенных. Ср.: «И они свежевали, рубили трупы на куски, чтобы свалить их потом в поверхностную круглую яму за бугром, поросшим лиственницами.» [Гинзбург 2015: 216];

- в книге Е. Керсновской, лиственница используется как строительный материал, из нее также можно получить жевательную смолу, продаваемую на рынке как своего рода еду, спасающую от голода;

- лиственница в «Колымских рассказах» В. Шаламова занимает центральное место, превращаясь из простого элемента пейзажа в символ выживания, стойкости и трагической долговечности. Этот единственный лиственный вид, способный расти в жестоких условиях северной тайги, служит отражением судьбы заключенных, которым предстоит бороться с нечеловеческими испытаниями. В произведении лиственница представлена в двух важных контекстах: как молчаливый свидетель страданий, составляющий неотъемлемую часть колымского ландшафта, и как тяжелый, жестокий материал для трудовых мук. Описание ее твердой древесины, искривленных ветвей подчеркивает суровость окружающей среды, одновременно символизируя трагическую стойкость к разрушению. Запах лиственницы неотделимо связан с лагерным бытом и напоминает о неизменности и безжалостности Колымы. Ее долговечность, способность противостоять холоду и времени, становится

метафорой памяти, которая сохраняет следы прошлого, несмотря на его разрушительность. Лиственница становится не просто деревом, а хранителем памяти, символом того, что переживает смерть и утрату, не поддаваясь забвению.

Так, в художественном тексте В. Шаламова трагический лагерный опыт переосмыслен в особой художественной форме, включающей художественные образы, такие, как воплощение общего в единичном (лагерь как место заключения для обычных людей, но для рассказчика лагерь – образ тотальной несвободы, место унижения и уничтожения человека, метафора человеконенавистнического строя, где все определяется решениями «кононов»), описание трагического опыта при помощи художественного языка, в котором существенная роль принадлежит метафоре, в том числе и символическим фитометрафорам (образы *стланика* и *лиственницы* как символы памяти, сопротивления и воли к жизни [ВАРЛАРО 2023]).

Если пребывание в остроге и тюрьме репрезентирует сценарий «Палаты № 6», открытое пространство с растущими деревьями близко к иконическому символу – картине Н.А. Ярошенко «Всюду жизнь» (1888).

5. Прагматика высказывания

Исходя из нарративной и метафорической организации анализируемых текстов, попытаемся ответить на вопрос о прагматике письма. Следуя за концепцией Лежёна, можно предположить, что стимул к описанию травмирующего опыта ГУЛАГа определяется терапевтической функцией письма и потребностью в читателе как другом [LEJEUNE 1975].

Учитывая драматизм и документирование этого опыта в свидетельствах и литературных произведениях В. Шаламова, А. Солженицына, П. Флоренского, Е. Керсновской, Е. Гинзбург, О. Адамовой-Слиозберг, А. Барковой, Н. Гаген-Торн, Т. Петкевич и Г. Жженова, можно констатировать: все эти авторы, вне зависимости от гендера, социальной и политической идентичности в той или иной степени противостояли и выступали против репрессивной политики советского режима, осуждая несправедливость, бесчеловечность и жестокость репрессивной системы. Многие из них были вовлечены в культурную, научную или интеллектуальную деятельность, которая воспринималась режимом как угроза. Например, П. Флоренский был философом и теологом, Е. Гинзбург была партийным работником и журналистом и В. Шаламов – журналистом, начинающим литератором. Помимо книг и дневников, некоторые из них использовали и другие средства для выражения своего опыта. Например, А. Баркова была поэтессой, а Е. Керсновская проиллюстрировала свои мемуары детальными рисунками. Их интеллектуальная деятельность представляла собой моральное и идеологическое противостояние системе, а мемуарные тексты не только описывают жизнь в ГУЛАГе, но и критикуют репрессивную природу советского государства, затрагивая такие темы, как

подавление свободы мысли, пропаганду и манипулирование информацией, доносительство и разрушение человеческой личности.

Многие из них стремились не только рассказать о своем личном опыте, но и добиться признания и справедливости для жертв системы. А. Солженицын, например, продолжал критиковать режим даже после изгнания из Советского Союза. Произведения лагерной прозы оказали значительное влияние на мировую литературу, предложив уникальный взгляд на жизнь в рамках репрессивного режима и способствовав развитию жанра лагерной литературы. В целом, этих авторов объединяет не только опыт заключения в ГУЛАГе, но и глубокая оппозиция советскому режиму, критика репрессивного режима, значительная стойкость, стремление к правде и справедливости, существенный вклад в литературу и разнообразие средств выражения.

Помимо общих мировоззренческих характеристик, свидетелей и участников лагерной жизни объединяет этическая позиция, которая заключается в сопротивлении государственному и политическому злу. Ядро лагерной прозы составляют тексты (художественные и мемуарные), написанные представителями интеллигенции, образованными людьми, воспитанными на образцах мировой и русской культуры и литературы. Материал исследования позволяет выявить общие стилистические приемы, образные средства языка, которые позволяют авторам и читателям преодолеть коллективную или индивидуальную травму.

С точки зрения Ж. Гюсдорфа, ключевой мотивацией к созданию эгодокументов и фиксаций травматического опыта становится эсхатологическое переживание бытия, осознание неотвратимости его финала [GUSDORF 1975]. Вступая в спор с Лежёном и опровергая его конвенции письма⁷, Гюсдорф углубил концепцию своего оппонента. Если ее применимость ко всем эготекстам дискуссионна, в интерпретации лагерной прозы она кажется наиболее подходящей. В свою очередь это заставляет вспомнить Нобелевскую лекцию Иосифа Бродского, ответившего на знаменитый вопрос Адорно, собирательной характеристикой своего поколения:

<...> поколение, родившееся именно тогда, когда крематории Аушвица работали на полную мощность, когда Сталин пребывал в зените богоподобной, абсолютной, самой природой, казалось, санкционированной власти, явилось в мир, судя по всему, чтобы продолжить то, что теоретически должно было прерваться в этих крематориях и в безымянных общих могилах сталинского архипелага. Тот факт, что не все прервалось, – по крайней мере в России, – есть в немалой мере заслуга моего поколения. [БРОДСКИЙ 2000: 200]

⁷ Сущность спора о прагматике автобиографического письма и его телеологии отражена в многочисленных работах второй половины XX века [PASCAL 1960, BROUGHTON 2007, WAGNER-EGELHAAF 2013, OTT-WEISER, 2013, WALTHER-JOCHUM 2016].

6. Выводы

Лагерная проза является сложным литературным явлением, формирующимся на стыке художественного и документального повествования. Анализ текстов, созданных бывшими узниками ГУЛАГа, показывает, что одним из ключевых факторов лагерной прозы является авторская позиция свидетеля и участника событий. В таких произведениях личный опыт трансформируется в художественную рефлексию, что позволяет автору не только зафиксировать лагерную реальность, но и осмыслить ее в широком историческом и философском контексте.

Лагерная проза XX века продолжает традиции каторжной и острожной литературы XIX века, заимствуя образы, мотивы и нарративные структуры как мемуарных, так и художественных произведений петрашевцев, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, народников и революционеров. Это направление сохраняет важное место в русской литературе, так как не только документирует трагические страницы истории, но и поднимает вопросы человеческого достоинства, свободы и морального выбора в условиях несвободы.

Исследование выявило несколько важных черт лагерной прозы: автобиографичность, документальность, тяготение к минимализму и предельной точности в передаче деталей, а также активное использование художественных метафор, способствующих эстетическому переосмыслению и переживанию травмы. Одна нарративная стратегия заключается в доведении страдания до нравственного и эстетического предела, фреймы и сценарии такого сюжета определяются «Палатой № 6» А.П. Чехова и дистопиями XX века. Другая – противоположная – строится на описательной репрезентации внешнего мира, в котором на фоне людских страданий природный растительный мир заключает в себе потенции к возрождению. Маркером такой потенции становятся «вечные деревья»: лиственница и стланник.

Таким образом, лагерная проза не является однородным жанром, а представляет собой междисциплинарный феномен, в котором литература, история и философия соединяются для осмысления одной из самых трагических эпох в истории России и стран Советского союза. Эти нарративы и рефлексии, отраженные в художественной форме, служат предостережением для будущих поколений и представляют собой важный вклад в понимание истории XX века.

Литература

- BROUGHTON, T. L. 2007: *Autobiography. Critical concepts in literary and cultural studies*. Vol. 1. London and New York: Routledge.
- EMERSON, C. 2005: Shklovsky's *ostranenie*, Bakhtin's *vnenakhodimost'* (How distance serves an aesthetics of arousal differently from an aesthetics based on pain) // *Poetics Today* 26 /4: 637–664.
- GERIGK, H.-J. 2013: *Dostojewskijs Entwicklung als Schriftsteller. Vom „Toten Haus“ zu den „Brüdern Karamasow“* [Dostoyevsky's development as a writer. From "The house of the dead" to "The brothers Karamazov."]. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag.

- GUSDORF, G. 1975: De l'autobiographie initiatique à l'autobiographie genre littéraire [From initiatory autobiography to autobiography as a literary genre] // *Revue d'histoire littéraire de la France* 75/6: 957–994.
- LEJEUNE, PH. 1975: *Le pacte autobiographique* [The autobiographical pact]. Paris: Éd. du Seuil.
- OTT, J.; WEISER, J. (hrsg.). 2013: *Autofiktion und Medienrealität. Kulturelle Formungen des postmodernen Subjekts* [Autofiction and media reality. Cultural formations of the postmodern subject]. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- PASCAL, R. 1960: *Design and truth in autobiography*. London and New York: Routledge.
- SCHMID, W; HÜHN, P; MEISTER, J. C.; PIER, J. (eds.) 2009: *Handbook of narratology*. Berlin: De Gruyter.
- WAGNER-EGELHAAF, M. (hrsg.) 2013: *Auto(r)fiktion: Literarische Verfahren der Selbstkonstruktion* [Auto(r)fiction: Literary methods of self-construction]. Bielefeld: Aisthesis Verlag.
- WALTHER-JOCHUM, R. 2016: *Autobiographietheorie in der Postmoderne: Subjektivität in Texten von Johann Wolfgang von Goethe, Thomas Bernhard, Joseph Winkler, Thomas Glavinic und Paul Auster* [Autobiography theory in postmodernism: Subjectivity in texts by Johann Wolfgang von Goethe, Thomas Bernhard, Joseph Winkler, Thomas Glavinic and Paul Auster]. Bielefeld: Transcript.
- WHITE, H. 1990: *The content of the form: Narrative, discourse and historical representation*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press.
- АХМАТОВА, А.А. [АХМАТОВА, А.А.] 1969: *Реквием*. Мюнхен: Товарищество Зарубежных Писателей [Requiem. Munich: Tovarišestvo Zarubežnyh Pisatelej].
- БРОДСКИЙ, И.А. [BRODSKIJ, I.A.] 2000: *Нобелевская лекция // О ничтожестве литературы русской*. Сост. С. Гайер. Санкт-Петербург: Алетейя [Nobel lecture // On the insignificance of Russian literature. Compiled by S. Gajer. St. Petersburg: Aletejâ] 193–212.
- ВАРЛАРО, Ф. [VARLARO, F.] 2023: *Фитометафора в лексической структуре текстов лагерной прозы*. Дис. канд. филол. наук. Новосибирск [Phytometaphor in the lexical structure of camp prose texts. PhD dissertation in Philological sciences. Novosibirsk].
- ГЕРНЕТ, М.Н. [GERNET, M.N.] 1941–1956: *История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1–5*. Москва: Юридическое изд-во НКЮ СССР [The history of the tsarist prison: in 5 vols. Vols. 1–5. Moscow: NKYu SSSR].
- ГИНЗБУРГ, Е.С. [GINZBURG, E.S.] 2015: *Крутой маршрут. Хроника времен культа личности*. Москва: АСТ [Journey into the whirlwind. Chronicle of the times of the personality cult. Moscow: AST].
- ЕГОРОВ, Б.Ф. (сост.) [EGOROV, B.F. (sost.)] 1984: *Первые русские социалисты*. Ленинград: Лениздат [The first Russian socialists. Leningrad: Lenizdat].
- ЖИВОЛУПОВА, Н.В. [ŽIVOLUPOVA, N.V.] 1983: *Исповедальное повествование и проблема авторской позиции // Тамарченко, Н.Д. и др. (ред.), Типологические категории в анализе литературного произведения как целого. Сборник научных трудов*. Кемерово: Изд-во Кемеровского университета [Confessional narrative and the issue of the author's position // Tamarčenko, N.D. et al. (eds.), Typological categories in the analysis of a literary work as a whole. Collection of scientific papers. Kemerovo: Kemerovo State University] 113–119.
- КОЗЛОВ, А.Е. [KOZLOV, A.E.] 2017: *Социалист, писатель, врач: семиотика поведения и нарративные инстанции в мемуарах Д.Д. Ахшарумова // Критика и семиотика* [Socialist, writer, doctor as narrative instances in Dmitry Akhsharumov's memoirs // Kritika i semiotika] 1: 250–262.

- ЛАКШИН, В.Я. [LAKŠIN, V.Â] 1994: Не устал вспоминать // Есипов, В.В. (сост.), Шаламовский сборник 1. Вологда: Полиграфист [He never tired of remembering // Esipov, V.V. (comp.), Shalamov collection 1. Vologda: Poligrafist] 174–176.
- ЛУГОВСКАЯ, Д.А. и др. [LUGOVSKAÂ, D.A. и др.] 2023: Бытование литературных текстов в ГУЛАГе // Луговская, Д.А., Успенский, П.Ф., Вдовин, А.В., Гремякина, М.С., Гришечкина, Е.А., Дрёмов, М.С., Олешук, А.В., Агеева, А.А., Дынина, А.Д., Короткова, Д.М., Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору [The circulation of literary texts in the Gulag // Lugovskaâ, D.A., Uspenskij, P.F., Vdovin, A.V., Gremâkina, M.S., Grišečkina, E.A., Drëmov, M.S., Olešuk, A.V., Ageeva, A.A., Dynina, A.D., Korotkova, D.M., Repository of open data on Russian literature and folklore]. <https://doi.org/10.31860/openlit-2022.11-B007>. (Дата обращения: 24.02.2025).
- МАЛОВА, Ю.В. [MALOVA, Ū.V.] 2003: Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX–XX вв. Дис. канд. фил. наук. Саранск [The genesis and development of “camp prose” in 19th–20th century Russian literature: PhD dissertation in Philological sciences. Saransk].
- МИЦКЕВИЧ, А. [MICKEVIČ, A.] 1968: Дзяды. Часть III. Пер. Вл. Левики // Мицкевич, А., Избранные сочинения. Москва: Художественная литература [Dziady. Part III. Transl. by Vl. Levik // Mickevič, A., Selected works. Moscow: Khudožestvennaya literatura].
- САБЛИН, В.М. (изд.) [SABLIN, V.M. (izd.)] 1907: Политические процессы николаевской эпохи. Петрашевцы. Москва: Изд. В.М. Саблина [Political trials of the Nicholas era. The Petrashevsky Circle. Moscow: V.M. Sablin].
- САХАРОВ, А.Д. [SAKHAROV, A.D.] 1991: О стране и мире // Сахаров, А.Д., Тревога и надежда (сост. Боннер, Э.). Москва: Интер-Версо [My country and the world // Sakharov, A.D., Anxiety and hope (comp. by Bonner, È.). Moscow: Inter-Verso].
- СОЛЖЕНИЦЫН, А.И. [SOLŽENICYN, A.I.] 1993: Один день Ивана Денисовича. Рассказ. Ставрополь: Сengiлей [One day in the life of Ivan Denisovič. A short story. Stavropol: Sengilej].
- СТАРИКОВА, Л.С. [STARIKOVA, L.S.] 2015: «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета [The “camp prose” in the context of the Russian literature of the 20th century: concept, framework, specificity // Bulletin of Kemerovo State University] 4/2 (62): 169–174.
- СУХИХ, И. [SUNIN, I.] 1989: Эта тема пришла // Звезда [This theme emerged // Zvezda] 3: 193–200.
- ТЮПА, В.И. (ред.) [TÛPA, V.I. (red.)] 2022: Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы). Коллективная монография. Москва: Эдитус [Thesaurus of historical narratology (based on Russian literature). Collective monograph. Moscow: Èditus].
- ФИЛИМОНОВА, К. [FILIMONOVA, K.] 2023: Эволюция эстетических взглядов Варлама Шаламова и русский литературный процесс 1950–1970-х годов. Москва: Новое литературное обозрение [The evolution of Varlam Shalamov’s aesthetic views and the Russian literary process of the 1950s–1970s. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie].
- ШАЛАМОВ, В.Т. [ŠALAMOV, V.T.] 1998: Собрание сочинений в 4 т. Москва: Художественная литература – Вагриус [Collected works in 4 vols. Moscow: Hudožestvennaâ literatura – Vagrius].

- ШАЛАМОВ, В.Т. [ŠALAMOV, V. T.] 2005: Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979. Москва: ТЕРРА-Кн. клуб [Collected works: in 6 vols. Vol. 5: Essays and notes; Notebooks 1954–1979. Moscow: TERRA-Kn. Klub].
- ШАЛАМОВ, В.Т. [ŠALAMOV, V. T.] 2009: Колымские рассказы. Москва: Эксмо [Kolyma tales. Moscow: Eksmo].

Франческо ВАРЛАРО
независимый исследователь
Италия
f.varlaro1992@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1972-3914>

Алексей КОЗЛОВ
Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия
alexey-kozlof@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Жужанна КАЛАФАТИЧ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛАГЕРНОЙ ТЕМЫ В РОМАНЕ СЕРГЕЯ ЛЕБЕДЕВА «ПРЕДЕЛ ЗАБВЕНИЯ»

The Transformation of the Camp Theme in Sergei Lebedev's Novel *Oblivion*

Abstract

Sergei Lebedev's novel *Oblivion* offers an original reworking of the tradition of Russian camp prose. Its central themes are the legacy of Stalinist terror, the intergenerational transmission of trauma, and the necessity of a conscious resistance to their consequences. This paper explores how Lebedev, drawing on the concept of post-memory, intertwines personal family history with questions of collective memory, highlighting the destructive effects of silencing the past and the absence of accountability for historical crimes. At the core of this interpretation is an analysis of the narrator's journey through space, time, and self-discovery, structured around the mythological motif of descent (*katabasis*). The funeral ritual plays a key role in the novel's initiation structure: the symbolic burial and mourning of victims who vanished without a trace becomes an act of memory restoration, offering the possibility of reconciliation and a new beginning. Lebedev critically engages with contemporary Russian memory politics, stressing the moral imperative to uncover and give voice to the traumatic past.

Keywords: *camp prose, post-memory, mythological pattern, family novel, initiation novel, katabasis, "Oblivion"*

Лагерную прозу принято считать тематическим направлением в русской художественно-документальной литературе. Словосочетание «лагерная тема» встречается и в эссе Шаламова «О прозе», но он назвал свой метод осмысления жизненного опыта и его претворения в художественной форме, свои рассказы, сочетающие документальные и психологические элементы, новой прозой. В литературе термин лагерная проза стал использоваться для обозначения корпуса текстов, написанных в 1950–1970-е годы, которые исследователи рассматривают как продолжение традиции каторжной прозы XIX века [МАЛОВА 2003: 23, МИНЕРАЛОВ 2012]. Общей чертой произведений о лагере является то, что в них лагерь и заключение предстают как ад на земле, где абсурд является нормой существования, и центральную роль играют вопросы о природе человека и всего человеческого, а также философское осмысление человека в ситуации пограничья жизни и смерти и несвободы. Произведения классической лагерной прозы принадлежат к разным жанрам, отличаются большим разнообразием литературных форм и композиционных решений, но в их основе лежит собственный опыт очевидцев, следовательно повествование носит одновременно автобиографический и документальный характер. Однако

в последние десятилетия ситуация изменилась: стали появляться произведения, в которых лагерная тема продолжается, но авторы имеют лишь опосредованный опыт и интерпретацию этого мира, поскольку лично не пережили период сталинского террора и репрессий. Поэтому современные авторы могут опираться только на свое творческое воображение, на исторические документы, которые можно найти и изучить в архивах, и на существующие репрезентации периода государственного террора. Разумеется, новые варианты лагерной прозы (в том числе «Обитель» З. Прилепина, «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной, «Авиатор» Е. Водолазкина) лишены принципа свидетельства очевидцев, в них гораздо больше вымысла, приключений и любовных интриг¹, как это отмечается в исследовании Натальи Ковтун [КОВТУН 2019: 161]. Однако, в литературной трактовке/репрезентации травматического советского прошлого и опыта лагерей можно наблюдать разные в идеологическом и эстетическом плане авторские стратегии², что вызывает оживленную дискуссию в русской культурной среде.

Писатель и журналист Сергей Лебедев, родившийся в 1981 году и живущий в настоящее время в Германии, работает с темой террора и памяти о нем, что идет вразрез с официальной российской политикой памяти. Романы Лебедева ставят перед читателем неудобные вопросы, представляют процесс примирения с «трудным прошлым», сталинским террором, как незавершенный, и, борясь с беспамятством, неоднократно привлекают внимание к вопросу об ответственности и не делают никаких уступок героической, сентиментальной и патетической интерпретации и повествованию о прошлом³.

В 2010-е годы тема сталинских репрессий стала, по словам исследователя русской мемориальной культуры Николая Эппле, темой так называемых войн памяти [ЭППЛЕ 2020: 17]. Политика памяти постсоветского российского государства не считала своей задачей ни возложение юридической ответственности за преступления прошлого, ни предоставление символической и материальной компенсации жертвам. А отсутствие политического и морального суждения породило множество существенно различных интерпретаций прошлого, включая ностальгию по сталинизму.

¹ См. «Эта литература показывает кровавые побоища, ужас тотальных арестов, ссылки скорее как декор нового советского уклада, чем как следствие эпохи диктатуры и упадка. Она сосредоточена не столько на идее суда и возмездия, как классические тексты А. Солженицына и В. Шаламова, сколько на поиске путей и способов преодоления «кромешного мира»: от веры в Бога до Культуры и Памяти» [КОВТУН 2019: 164].

² Помимо уже упомянутых романов, следующие произведения представляют различные модификации лагерной темы и авторские стратегии: «Оправдание» Д. Быкова, «Псоглавцы» А. Иванова, «Вечная мерзлота» В. Ремизова, «Лестница Якова» Л. Улицкой, «И нет им воздаяния» А. Мелихова, «Предел забвения» и «Люди августа» С. Лебедева.

³ Ср. «Сегодня я вижу, что появились и другие книги о Гулаге, но в них утверждается, что история была не такой страшной. Авторы соглашаются с тем, что Гулаг – это плохо, но говорят, что там было место для любви, для отношений. Такая позиция вроде как защищает читателя. Да, люди умирали, это был экстремальный опыт, но нельзя позволять себе прикасаться к ужасу! Читатели смотрят на историю как бы сквозь фильтр, для России это очень типично. Русские не хотят признавать свою историю» [ЛЕБЕДЕВ 2017а].

Отношение к сталинскому наследию изменилось и на уровне официальной политики памяти. Организация, документирующая преступления и репрессии, совершенные в сталинскую эпоху, сначала была объявлена иностранным агентом, ее активисты подверглись уголовному преследованию, а затем Мемориал был закрыт. К концу 2010-х годов политика памяти российского государства использовала все имеющиеся в ее распоряжении средства, чтобы законсервировать то, что она считала опасным для государства, включая символическое и институциональное осуждение советского террора, и избежать вопроса об ответственности, подчеркивая уравнивающий характер совершенных преступлений и достигнутых успехов, используя риторику примирения [ЭПШЛЕ 2020: 194]. Возрождение русского национализма усилило историческую слепоту⁴, желание забыть и необходимость замалчивать неудобные и трудные вопросы.

По убеждению Лебедева, историческое наследие включает в себя также ошибки и проступки прошлого, которые нужно не замалчивать, а признавать и называть виновных. Это должно происходить и в небольших сообществах, даже на уровне семьи. Решение Лебедева стать писателем связано именно с шоком, который он испытал, узнав о прошлом собственной семьи. «И вот ты стоишь с этими бумагами в руках. Спрашивать уже не у кого – бабушек и дедов нет на этом свете. И вся жизнь рухнула, потому что ты наивно верил эти наградам, верил, что они – настоящие. И вдруг ты понимаешь, зачем тебе были даны эти руины лагерей, зачем ты ходил лагерными дорогами: чтобы ты написал книгу для тех, кто, как и ты, однажды откроет старые бумаги – и ужаснется» [ЛЕБЕДЕВ 2016]. Второй муж бабушки писателя, его неродной дед, работал в органах госбезопасности, был начальником лагеря, то есть принимал непосредственное участие в репрессиях, и получил за свою работу множество наград, в том числе орден Ленина. Но в семье не говорили ни о его принадлежности к палачам и ни о том, что бабушка по отцовской линии, работавшая в Политиздате, была немкой по происхождению. Эти биографические подробности отражены и в романах Лебедева.

Входящие в тетralогию романы «Предел забвения», «Год кометы», «Люди августа», «Гусь Фриц» можно рассматривать как семейные романы, в которых важную роль играет разное отношение каждого поколения к прошлому, к ужасам сталинского террора и к наследственным травмам. Эти произведения Лебедева также можно считать и романами инициации, в которых герои борются за свою идентичность через испытания и одновременно понимают важность раскрытия и признания прошлого.

⁴ Ср. «Сталинские репрессии как бы зависли, застряли в вечной мерзлоте. Но нельзя просто закопать людей в эту вечную мерзлоту и забыть. Память все равно истребует какую-то нравственную оценку, такое событие не может быть нейтральным. И если оно не осуждено, то тем самым уже отчасти оправдано. А если отчасти оправдано, значит, маятник качнется в сторону полного оправдания. Опять же, потому что никто в здравом уме не хочет жить как потомок безнаказанных мясников и убийц. Либо преступление должно быть наказано, либо ему будет придан положительный, оправдательный характер» [ЛЕБЕДЕВ 2016].

Хотя Лебедев использовал документы, семейные рассказы, свидетельства и архивные материалы, его не интересует фактологическое отображение исторических событий. Ему гораздо интереснее найти подходящий язык для высказывания о травматическом опыте и переосмысливать известные факты и человеческие судьбы с мифологической точки зрения, искать мифологические модели, архетипические паттерны. В результате этого в его романах явно прослеживается четкий метасюжет. С детства герои особенно чутко ощущают тайны, скрытые в их семьях, что наполняет их души тревогой и страхом. Позже эти травмирующие события, которым суждено быть забытыми, побуждают романтических персонажей расследовать и раскрывать то, что совершили и пережили их предшественники, будь то жертвы или палачи. Они одержимы идеей найти следы, чтобы заполнить пробелы в своих семейных воспоминаниях, в чем им не может помочь поколение их родителей. При этом они приближаются к осознанию не только личных, но и коллективных, культурных травм. В связи с этим конечно можно говорить и о типологическом сходстве лебедевских произведений с так называемой «литературой об отцах»⁵, возникшей в Германии через несколько десятилетий после краха национал-социализма.

Герои и рассказчики Лебедева пытаются понять прошлое, частью которого они не были, событий, которых они не пережили. Их воспоминания – это постпамять⁶, уже включающая в себя официальные и семейные репрезентации травматических событий, то есть истории, образы и модели поведения, среди которых они выросли. Неслучайно процесс воспоминаний всегда начинается с созерцания и восприятия предмета, свидетельствующего о прошлом, об опыте предков: фотографий из семейного альбома («Предел забвения», «Год кометы»), бабушкиного дневника («Люди августа»), надписи на могиле, увиденной на кладбище («Гусь Фриц»). Собирать следы исчезнувшего прошлого – это моральный долг, который ощущает каждый из героев, ведь только так можно увековечить память жертв, у которых отняли голоса и лица. Схожие идеи можно найти в работах Алейды Ассман, которая занимается вопросами травматического прошлого Германии, культурной памяти и утверждает, что надежда на преодоление эффектов расколовшего общество политического террора, есть только тогда, «когда жертвы обретают голос, а их страдания получают признание и сочувствие, когда их взгляд на историю входит

⁵ См. об этом АССМАН 2018: 108.

⁶ Концепция постпамяти была определена и разработана Марианной Хирш. «Постпамять – не движение, метод или идея; я определяю ее скорее, как механизм передачи травматического знания и материализованного опыта. Этот процесс происходит между и внутри поколений, затрагивает постконфликтную психологию и социальное взаимодействие. Это результат воспоминаний о травматических событиях, но в отличие от синдрома посттравматического расстройства эти воспоминания принадлежат другому поколению и даже другой местности или стране» [Хирш 2016]. Хирш отмечает, что дети жертв, выжившие, свидетели или преступники переживают постпамять по-разному, даже если семейные узы помогают им идентифицироваться между поколениями.

в национальный нарратив, а за совершенными преступлениями следует символическая или моральная компенсация пострадавшим» [АССМАН 2016: 119]. Сам Лебедев, размышляя над этой ситуацией, подчеркивает, почему он считает необходимым исследовать процесс, посредством которого этот террор, этот страшный лагерный опыт передавался и ощущался в разных поколениях. «Сегодня уже недостаточно прозы Шаламова, Солженицына и других; это проза-свидетельство, но сегодняшний человек отделен от этого свидетельства временем и сменившимися поколениями; и речь должна уже идти не только о непосредственном лагерном опыте, а о том, как этот опыт передается в поколениях, как он сказывается на людях, которые сами никогда за колючей проволокой не были. Необходимо вычленив, отразить и описать «ядро» этого уже межпоколенческого опыта, чтобы люди могли как-то распознать в себе эти психологические и метафизические сюжеты, которые в противном случае будут – искажаясь, порождая новые формы – все-таки передаваться как ментальное наследие» [ЛЕБЕДЕВ 2011].

Рассказчик романа «Предел забвения» приписывает своему тексту непосредственно терапевтическую, мемориальную функцию⁷: «Ты видишь и вспоминаешь; и этот текст – как памятник, как стена плача, если мертвым и оплакивающим негде встретиться, кроме как у стены слов – стены, соединяющей мертвых и живых» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 21].

Необходимость же прорабатывать, осмыслять прошлое вызвана тем, что за событиями настоящего стоят призраки прошлого. Герой романа «Предел забвения» ощущает этот другой потусторонний мир еще будучи ребенком, инстинктивно распознавая демонические⁸ (садистские) черты в живущей по соседству фигуре, именуемой только Вторым дедом⁹. Слепой старик вселяет в него страх, хотя мальчик обязан ему жизнью. По совету Второго деда его мать отказывается делать аборт, который врачи ей посоветовали сделать по медицинским причинам, а позже дед защищает его от напавшей бешеной собаки и даже спасает ему жизнь, сделав переливание крови, после чего сам он умирает.

Однако подозрения мальчика о темной стороне жизни деда подтверждаются после его смерти, так как выяснится, что Второй дед в 1930-х годах был начальником лагеря в Сибири, где заключенные работали на добыче урана.

⁷ Жест по восстановлению памяти подчеркивается и в другом я-повествовании, романе «Дети августа».

⁸ Одна из этих демонических черт связана с тенью. «Но тень Второго деда я так и не смог прочувствовать; она не отзывалась воображению, сколько я ни старался что-то уловить в ней; нельзя сказать, чтобы она была заурядной, обыкновенной, не содержащей зацепки для фантазии; мне казалось, что Второй дед знает, какова его тень, управляет ею, следит, чтобы она не сказала о нем лишнего, постоянно поддерживает ее, как длинную полу плаща» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 34].

⁹ Старик ни разу не назван по имени. Новикова считает, что это позволяет трактовать его фигуру как аллегорического, символического предка [НОВИКОВА 2021: 192].

Потеряв жену и сына¹⁰ и ослепнув в суровых условиях Сибири, он вышел на пенсию и стал жить в деревне. Здесь никто ничего не знает о его прежней жизни, ощущается только его благосостояние и авторитет. Он хочет, чтобы его считали таким же человеком, как и всех остальных. Семья рассказчика считает, что причиной молчания деда о прошлом может быть жертвенность, возможно, что он был сослан и арестован. Для окружающих мальчика людей характерны стремление избегать и молчать, и это позволяет палачам скрыться. Забвение и молчание – обычное отношение к прошлому, но это мешает принять на себя ответственность и справиться с пережитыми травмами. Слепота Второго деда – это тоже своего рода мимикрия, маска, используемая для сокрытия, для того чтобы спрятать свою истинную сущность. Он кажется слабым, беззащитным и уязвимым, но при этом способен подчинить себе окружающих, контролировать все и вся. Символично, что он умирает именно тогда, когда советская империя распадается и тотальный контроль режима разрушается: «... он не пережил первых мгновений всеобщей неизвестности, мгновений, отменивших старое. <...> Второй дед стал умирать, едва мимо больницы двинулись первые танки» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 104–105].

После смерти Второго деда герой оказывается в плену двух противоборствующих сил: памяти и забвения. Поэтому он словно разрывается между желанием найти способ вернуться в прошлое и сопротивлением прошлому, то есть чувством ответственности и вины. Рассказчик, унаследовавший квартиру от деда, среди оставленных вещей находит несколько маленьких деревянных фигурок, которые, судя по всему, являются частью более крупного набора. Они выглядят пугающе, поскольку принадлежат к другому, неизвестному миру: «Казалось, что прикосновение к ним небезопасно; что они как-то связаны с умершими уже людьми, которых они изображают» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 157]. Затем он находит письма деду от его бывшего сослуживца из лагеря на севере, в которых подробно описывается охота, убийство тюленей и медведей. Все это побуждает героя к действию, к тому, чтобы избавиться от крови деда. «Я снова ощутил, как во мне обращается кровь Второго деда, как растет короткий звериный волос, растут слишком твердые ногти; мне хотелось соскоблить мясо с костей, вылить кровь, вычистить костный мозг» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 163]. В конце концов становится ясно, что освободиться от травмы, унаследованной от деда, он может только раскрыв его прошлое.

Взрослея, рассказчик отправляется раскрывать преступления деда: он исследует лагерное прошлое в архивах, беседует со свидетелями, посещает места бывших лагерей. Приехав в северный город, из которого были отправлены

¹⁰ Второй дед также авторитарен в своей семье и все контролирует, всем повелевает. Именно поэтому он теряет своего семилетнего сына. Сначала он отбирает у ребенка любимую деревянную свистульку, сделанную одним из заключенных резчиков по дереву, затем заставляет того же мастера сделать макет лагеря и дарит своему сыну. Ребенок пугается страшных фигур и разбивает макет, а затем, восстав против отца, убегает и падает в воронку, где и погибает. Дед также хочет контролировать рассказчика, властвовать над ним, о чем свидетельствует символическая сцена стрижки.

письма деду, герой посещает местную библиотеку и музей и обнаруживает, что эти учреждения не дают возможности проникнуть в прошлое и не раскрывают его значимости для настоящего: «Прошлое не приближалось, а, наоборот, отдалялось» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 229].

Перспектива повествования постепенно расширяется, герой говорит уже не только о травматическом прошлом семьи, о личных переживаниях, но и о российских исторических травмах, о периоде Гулага. Постгулаговское пространство – это тоже место исчезновения, но уничтожение происходит под воздействием сил природы, времени, и следов страшного произошедшего почти не остается¹¹. Путешественник сталкивается с всепоглощающей силой природы¹² на каждом шагу, и это, естественно, становится предметом размышлений. Как отмечает одна из интерпретаторов романа, постлагерный пейзаж «отмечен двойным преступлением: сперва уничтожением людей, потом забвением» [ZILBOROWICZ 2021: 42]. Другой анализ проводит параллель между характерным жанром живописи XVII века – ванитас и этим пространством, где все является аллегорией смерти, «где каждый объект – символ эфемерности человеческой жизни» [ЖЕРБЕР–ЭРТНЕР 2018: 127].

Герой, собирая сведения о прошлом Второго деда, проходит по маршруту всех его преступлений и злодеяний. Таким образом, в этом произведении также присутствует один из характерных жанров классической лагерной прозы – жанр путешествия. Из этого путешествия необходимо выделить два определяющих места: одно – карьер за пределами лагеря, другое – воронка на отдаленном острове. В обоих местах важную роль играет мотив нисхождения. Первое место подчеркивает важность самопознания¹³, а второе – через символическое погребение – обязанность восстановления справедливости. Герой отправляется на Остров мертвых, куда по приказу Второго деда отправляли ссыльных без еды и снаряжения, и многие из них

¹¹ Лебедев, будучи геологом, лично испытал исчезновение следов террора и лагерей, о чем он размышляет не только в своих романах, но и в интервью. «Заросшие молодым лесом дороги, рухнувшие, смытые половодьем мосты, осыпающиеся шахты, штольни. Северный климат очень жестокий, и это все просто исчезает на глазах. И через пять лет приходишь в то же место, ты видишь, как оно изменилось. Свидетельства не вечны, они уходят в небытие» [ЛЕБЕДЕВ 20176].

¹² Эту неподвластную человеку стихийную силу природы в романе олицетворяет пурга, роль этого апокалиптического мотива подробно анализирует польская исследовательница [ZILBOROWICZ 2021]. К эсхатологическим мотивам можно отнести гниение и вырубку яблонь. Гибель сада также символична, поскольку деревья когда-то были свидетелями трагического прошлого. Правда, они были равнодушны к человеческим страданиям, как и гриб, который рассказчик находит на месте массового захоронения пленных. «Гриб становится эсхатологическим символом, поскольку растет „на старом, трухлявом пне“ и ассоциируется с „плотью трупа“» [ЖЕРБЕР–ЭРТНЕР 2018: 126].

¹³ «А здесь была адова дыра в земле, и были побитые обвалом калеки; и нельзя было что-либо узнать бесстрастно, нужно было сперва ответить на вопрос, а кто ты сам, – прежде чем спрашивать о Втором деде; нужно было встать под обвал, вызвать его на себя, остаться здесь, даже мыслью не посягая избежать чего-либо – и только тогда тебе откроется что-то, потому что ты сам станешь частью того, что откроется» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 264].

погибали в этом пустынном месте. По мнению Эппле, эпизод на острове можно рассматривать как художественную переработку реальных исторических событий, т.н. Назинской трагедии [ЭППЛЕ 2020: 384]. Об этом трагическом событии, приведшем к каннибализму, Лебедев также упоминает в одном из разговоров: «Вот самая страшная история. Назинская трагедия, 1933 год, ранние высылки кулаков, Обь, весна, депортированные остаются без орудий труда, без еды» [КОНОНОВ–ЛЕБЕДЕВ 2016]. В романе Лебедева «Остров мертвых» – это страшное место (*locus terribilis*), находящееся на границе между бытием и небытием, но место, куда должен попасть главный герой, потому что только так он может взять на себя ответственность за грехи своих предшественников, только так он может освободиться от мучительной власти слепого старика. «Мне предстояло отправиться на реку, найти остров ссыльных – пройти всю траекторию судьбы Второго деда; я чувствовал, что там, в том закутке, о котором и Второй дед ничего не знал до конца, есть какой-то предел; я назвал его для себя – предел забвения» [ЛЕБЕДЕВ 2012].

Рассказчик добирается до этого места, несмотря на непростые природные условия. На границе между явью и бредом он видит воронку, в которой сначала замечает трупы животных, а затем замороженные и нетленные тела пленников. Его путешествие можно рассматривать как своего рода катабасис, спуск в подземный мир, царство мертвых. Путешествие героя напоминает о путешествии Одиссея в загробный мир. События, о которых повествуется в одиннадцатой песни «Одиссеи», конечно, нельзя считать катабасисом в прямом смысле слова, поскольку путешествие Одиссея в Аид – это не настоящее «нисхождение», а ритуал вызывания и допроса духов «Некуя»¹⁴. Одиссей выливает в яму молоко, мед, вино, воду и ячмень, затем перерезает горло барану и овце и предлагает их кровь мертвым, чтобы они ответили на его вопросы. Среди прочего его посещает призрак его товарища по кораблю Эльпенора, который умер, и никто не заметил его смерть: напившись, он упал с крыши дома Цирцеи. Эльпенор говорит Одиссею, что он не сможет попасть в подземный мир, пока его тело не будет похоронено. Отсутствие погребения означает, что его нет ни среди живых, ни в мире Аида. Когда Одиссей возвращается на остров Цирцеи, первым делом он отдает дань уважения Эльпенору. К герою Лебедева также приходит лихорадочное осознание того, что мертвые, найденные в воронке на острове, должны быть похоронены и оплаканы, ибо только ритуал погребения обеспечивает их дальнейший путь, поэтому он начинает «рыть им смерзшийся торф; рыть могилу – в могиле» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 394].

«Я находился в желудке у земли; здесь лежали мои братья, и нетленность их была не нетленностью святости, а лишенностью смерти. Они не прошли путем тления, срослись с землей, но не стали ею; для всех остальных людей они исчезли, пропали безвестно, и даже смерть не была той последней вестью,

¹⁴ В своем исследовании Фелтон посвящает катабасису отдельный раздел и приводит еще несколько известных историй [FELTON 2007: 94–96].

которую мог бы подать человек; а значит, и смерть не случилась до конца; мертвые остались только с мертвыми, живые – только с живыми. Но смерть – это не исчезновение, не мгновенный переход от наличия к отсутствию; умирает один человек, но те, кто вокруг, должны докончить его смертный труд скорбью и оплакиванием; девять дней, сорок дней – часть события смерти, которую свершают живые. А если живые и мертвые рассоединены – эта незавершенность, этот вечно длящийся момент, обратившийся в лед, переживают течение времени» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 393–394].

Разделение живых и мертвых и обряд погребения также важны и для живых. Только после символического погребения и оплакивания в бреду рассказчик чувствует, что ему удалось освободиться от гнетущей власти Второго деда, и начать новую жизнь. Главный герой странным образом становится современным свидетелем прошлого, связующим звеном между мертвыми и живыми, «в этом мире живые и мертвые встретились, и мое тепло стало их теплом» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 401]. Завершение романа можно интерпретировать как своего рода искупление, примирение. На самом деле удалось избавиться не только от власти деда, но и победить силу забвения. В своем лирическом, метафорическом романе Лебедев постоянно тематизирует и анализирует особенности работы памяти, однажды даже прибегая к мифологическому образу Кроноса: «слепой Кронос вечно пожирает своих детей, и всякий следующий миг стремится не приумножить и уничтожить предыдущий. И только память может противостоять забвению; правда, отнюдь не всегда» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 181]. Литература, слово имеют важную мемориальную функцию, с их помощью можно бороться с забвением, к такому выводу приходит и рассказчик после пережитого.

После освобождения с Острова мертвых, из воронки начинается другое путешествие, и круг завершается. Из Сибири рассказчик достигает границы Европы, Гибралтара, и приходит к осознанию, что то, что он видел, пережил и узнал, память этого всего открывает перед ним новый путь: «и теперь я стою на пределе Европы и начинаю путь назад – в слове» [ЛЕБЕДЕВ 2012: 414]. Роман начинается с повествования об этом опыте¹⁵. На протяжении всего повествования рассказчик ищет язык, в котором нет глубокого разрыва между именем и предметом, знаком и референтом, в котором опыт Гулага может быть если не передан, то артикулирован. Пространственное и внутреннее путешествие главного героя также тематизирует механизмы функционирования и различные модусы памяти и забвения, создавая тем самым особую версию, трансформацию лагерной прозы.

¹⁵ См. “In the novel’s opening scene, the grown-up first-person narrator-cum-protagonist stands on the edge of Europe (1), from where he heads backwards into time and history. The novel describes his journey, and is, at the same time, an investigation of how it can be rendered in words, as the protagonist, at the end of his journey, returns back to his experiences in the word” (‘in the word’), a phrase repeated in the prologue and in the novel’s last sentence (5–6, 414; 11, 290). The ending of the last part thus returns to the beginning of the first, forming a potentially never-ending circle” [LUNDE 2020: 182].

Литература

- FELTON, D. 2007: *The Dead* // Ogden, D. (ed.), *A Companion to Greek Religion*. Malden–Oxford–Victoria: Blackwell Publishing Ltd. 86–99.
- LUNDE, I. 2020: *The Incarnation of the Past: Sergei Lebedev's Poetics of Memory* // Anisimova, I., Lund, I. (ed.), *The Cultural is Political: Intersections of Russian Art and State Politics*. *Slavica Bergensia* Vol. 13: 177–199.
- ZILBOROWICZ, B. 2021: Смерть в географии, или память похоронена в земле («Предел забвения» Сергея Лебедева) [Death in geography – a memory passed on to the Earth (*Oblivion* by Sergei Lebedev)] // *Przegląd Rusycystyczny* 4: 31–46.
- АССМАН, А. [ASSMANN, A.] 2016: Новое недовольство мемориальной культурой. Москва: Новое литературное обозрение [New discontent with memorial culture. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie].
- АССМАН, А. [ASSMANN, A.] 2018: Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie].
- ЖЕРБЕР, Ж., ЭРТНЕР Е.Н. [ŽERBER, Ž., ÈRTNER, E.N.] 2018: Природа как «место памяти» в русской прозе о ГУЛАГе // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования [Nature as a “memory place” in Russian prose of the Gulag // *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*] 4: 120–133.
- КОВТУН, Н.В. [KOVTON N.V.] 2019: «Голый человек» А. Солженицын на фоне «новой лагерной прозы»: pro et contra // Филологический класс [A. Solzhenitsyn's “naked person” against the background of “new prison camp prose”: pro et contra // *Philological Class*] 2: 157–168.
- КОНОНОВ, Н.В. – ЛЕБЕДЕВ, С. [Kononov, N.V. – Lebedev, S.] 2016: Друзья. Два писателя идут в глубь истории своих семей – чтобы восстановить из обломков нашу общую [Friends. Two writers go deep into their families' history – to rebuild our common out of the rubble]. <https://colta.ru/articles/society/13431-druzya-nikolay-v-kononov-sergey-lebedev> (Дата обращения: 01.04.2025).
- ЛЕБЕДЕВ, С. [LEBEDEV, S.] 2011: Путешествие за край памяти [Journey beyond the edge of memory]. <https://ps.lsept.ru/article.php?ID=201102127> (Дата обращения: 01.04.2025).
- ЛЕБЕДЕВ, С. [LEBEDEV, S.] 2012: Предел забвения. Москва: Эксмо [Oblivion. Moscow: Eksmo].
- ЛЕБЕДЕВ, С. [LEBEDEV, S.] 2016: Опасность отчасти и состоит в том, что никто не может дать определение «опасного» (интервью) [The danger is that no one can define ‘dangerous’ (interview)]. <https://snob.ru/selected/entry/108587/> (Дата обращения: 01.04.2025).
- ЛЕБЕДЕВ, С. [LEBEDEV, S.] 2017а: Российский писатель Сергей Лебедев: культура в России всегда была имперским инструментом, бесед. А. Теэде [Russian writer Sergei Lebedev: culture in Russia has always been an imperial tool, interview by Teede, A.]. <https://rus.postimees.ee/4143809/rossiyskiy-pisatel-sergey-lebedev-kultura-v-rossii-vsegda-byla-imperskim-instrumentom> (Дата обращения: 01.04.2025).
- ЛЕБЕДЕВ, С. [LEBEDEV, S.] 2017б: ГУЛАГовская Атлантида, которая 40–50 лет как канула в прошлое, бесед. Н. Федорова [The Gulag Atlantis, which 40–50 years ago fell into the past, interview by N. Fedorova]. <https://m.realnoevremya.ru/articles/79209-pisatel-sergey-lebedev-o-nasledii-gulaga> (Дата обращения: 01.04.2025).

- ЛЕБЕДЕВ, С. [LEBEDEV, S.] 2018: Гусь Фриц. Москва: Время [The goose Fritz. Moscow: Vremâ].
- МАЛОВА, Ю.В. [MALOVA, Ů.V.] 2003: Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX–XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: Саранск [Formation and development of “camp prose” in Russian literature of the XIX–XX centuries. PhD thesis: Saransk].
- МИНЕРАЛОВ, А.Ю. [MINERALOV, A.Ů.] 2012: «Каторжно-лагерная» сюжетно-образная традиция в русской прозе XX в. [“Prison camp” plot and image tradition in the russian prose of the XX century] // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts] 18: 106–112.
- НОВИКОВА, С.Ю. [NOVIKOVA, S.Ů.] 2021: Роман «Предел забвения» (2011) Сергея Лебедева: биографический факт и художественный вымысел // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты [*Oblivion* (2011) by Sergej Lebedev: Biographical fact and fiction // Human being: Image and essence. Humanitarian aspects] 3: 182–199.
- ХИРШ, М. [HIRŠ, M.] 2016: Что такое постпамять [What is post-memory]. <https://urokiistorii.ru/articles/chto-takoe-postpamjat> (Дата обращения: 01.04.2025).
- ЭППЛЕ, Н. [ĚPPLE, N.] 2020: Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах. Москва: Новое литературное обозрение [An inconvenient past: the memory of state crimes in Russia and other countries. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie].

Жужанна КАЛАФАТИЧ
Будапештский университет экономики и бизнеса
Будапешт, Венгрия
Институт славистики
Дебреценский университет
Дебрецен, Венгрия
kalafatics@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7093-7788>

Игорь СУХИХ

В ПОИСКАХ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

К 100-ЛЕТИЮ ЮРИЯ ТРИФОНОВА *

In Search of Winners

On the 100th Anniversary of Yuri Trifonov's Birth

Abstract

Trifonov's short stories are characterised by a direct tackling of moral issues. The story *The Winner* contrasts social activity and biological longevity. Trifonov does not choose between the two but reflects on both. The conflict between biology and history is one of the main conflicts depicted in his remarkable prose.

Keywords: *story, the eternal theme, landscape, diary, biology, history*

Говоря о Юрии Трифонове, прежде всего вспоминают пять московских повестей. К ним добавляются пять романов, включая конъюнктурных «Студентов» (1950), исключая неоконченное «Исчезновение» (1968–1973). Но наряду с ними есть и Трифонов-рассказчик. Эти тексты могут составить полновесный том (а, может, и два) собрания его сочинений.

Рассказы он начал писать еще в детстве, с рассказами пришел в семинар К. Федина, они, а не «Студенты», стали его первыми публикациями (1948), и последняя его работа – посмертно опубликованный цикл из семи рассказов «Опрокинутый дом» (1981), сознательно соотнесенный с «Домом на набережной» (1976).

Трифонов-рассказчик разнообразен. Чаще вспоминают «Веру и Зойку» (1966), «Голубиную гибель» и «Игры в сумерках» (1968). Это психологическая проза, напоминающая и предвещающая московские повести.

Но есть у него не только рассказы-фрагменты, но *рассказы-конспекты*, представляющие любимые трифоновские *вечные темы* сжато, четко, наглядно – едва ли не в виде *художественной формулы*. Таковы: «Прозрачное солнце осени» (1961) – микророман о разных точках зрения на одну и ту же жизнь, почти «Расёмон» Акутагавы – Куросавы; «Путешествие» (1969) – итоговый

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00636, <https://rscf.ru/project/24-18-00636/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

взгляд на себя в зеркало, как на незнакомца; «Кошки ли зайцы?» из последнего цикла – снова разные точки зрения, но одного, изменившегося, героя-повествователя.

Таков и «Победитель» (1968)³⁰.

Подробная дневниковая запись (14 мая 1965 года) о встрече со старым революционером, случайно видевшим трифоновского отца почти шестьдесят лет назад, вдруг сопровождается внезапным уколом-размышлением:

Старики отличаются тем – глубокие старики – что их больше всего вдохновляет и радует мысль о том, что они пережили своих сверстников. Дух соревнования. У очень глубоких стариков оттого бывает веселое настроение. Они чувствуют себя чемпионами. Все остальное их волнует гораздо меньше. [ТРИФОНОВ 1998]

Через три года фигуральные выражения *дух соревнования* и *чемпион* приобрели полновесный предметный смысл, стали основой новеллистической фабулы.

Рассказ идет от первого лица, хотя о самом повествователе мы узнаем крайне мало. Во время олимпиады в Гренобле (это год написания рассказа) он вместе с друзьями, спортивным журналистом Базилем, который в давней студенческой жизни был Васькой Потапычем, и неким Борькой, о котором мы больше не узнаем ничего, едет во французский провинциальный городок, где живет 94-летний участник парижской Олимпиады 1900 года, занявший последнее место в беге на 400 метров³¹.

Поездка оказывается бесполезной:

О чем говорить с ним? Он ничего не помнит. Годы труда, годы житейских невзгод и удач, войны, смерти, болезни, революции, праздники перепутались в его мозгу, уже где-то цепенеющем и откликающемся на что-то одно, свое, случайное, как полумертвый радиоприемник, в котором все лампы вышли из строя, кроме одной. [ТРИФОНОВ 1989: 128]

И вдруг (кульминация новеллы) эта лампа оживает, вспыхивает:

Продолжая улыбаться, старик повторяет что-то невразумительно, но настойчиво. Он бубнит одну фразу несколько раз, пока наконец Базиль не обращает на него внимание.

– Он говорит, что он победитель Олимпийских игр.

– В каком виде? – спрашивает Борька.

³⁰ Рассказ не входит в условный трифоновский канон. Его нет в единственном четырехтомном собрании сочинений. Обычно его, наряду с очерками и репортажами, печатают в сборниках спортивной прозы Трифонова.

³¹ Трифоновская фабула выдумана (хотя рассказ иногда выдают за очерк). В предварительных забегах на 400 метров летней Парижской олимпиады французы Жорж Клеман и Шарль-Робер Феди заняли 3 и 4 места (из пяти) и в финал не попали. Общего забега не было.

– Во всех, – говорит Базиль, выслушав ответ старика. – Когда-то он занял последнее место в беге на четыреста метров, но теперь он победитель. Все умерли, а он жив.

Я вижу, как в глазах старика возникает огонь, безумный огонь. Вот лампа, которая еще теплится в этом полуистлевшем радиоприемнике. Тщеславие старости! Гордость Мафусаила! Пережить всех. Победить в великом жизненном марафоне: все, кто начал этот бег вместе с ним, кто насмеялся над ним, причинял ему зло, шутил над его неудачами, сочувствовал ему и любил его, – все они сошли с трассы. А он еще бежит. Его сердце колотится, его глаза живут, он смотрит на то, как мы пьем виски, он дышит воздухом сырых деревьев февраля – окно открыто, и, если он повернет голову, он увидит в глубоком, густо-синем прямоугольнике вечера дрожание маленькой острой звезды серебряного цвета. Никто из тех, кто когда-то побеждал его, не может увидеть этой дрожащей серебряной капли, ибо все они ушли, сами превратились в звезды, в сырые деревья, в февраль, в вечер. [ТРИФОНОВ 1989: 130–131]

Трифонов был прав, когда спорил с критиками: *я пишу на вечные темы*. Выдуманный (судя по всему) неудачник-француз повторяет наблюдение из беседы с реальным русским революционером.

Но важна не сама по себе эта вспышка сознания «победителя», а три взгляда на нее.

– Просто надо жить долго, вот и все. Надо жить долго! – говорит Борька, когда мы, выйдя из дома, идем гуськом впотьмах по каменистой дороге к воротам. [ТРИФОНОВ 1989: 131]

Тридцатисемилетний Базиль, за спиной которого блокадное детство, смерть родителей, два инфаркта, бурная журналистская жизнь, отвечает не спутнику, а кому-то неназванному:

– Не надо жить долго, – бормочет Базиль, открывая дверцу машины. – И тот малый, который выиграл тогда четыреста метров, семьдесят лет назад – пускай он сгнил потом где-нибудь под Верденом или на Марне, – все ж-таки он... А этот со своим долголетием слоновой черепахи... [ТРИФОНОВ 1989: 131]

Повествователь не спорит ни с тем, ни с другим, а пытается поймать и передать *это мгновение* (любимый трифоновский прием пунктирного пейзажа):

Через полчаса, миновав растянувшееся на двадцать километров озеро, мы останавливаемся на шоссе. Выходим из машины. Слева – гора, справа – долина, огни. Какое-то голое деревенское шоссе, ни одной машины, тишина, холод и близкая ночь. Мы стоим на некотором отдалении друг от друга под небом, ошеломительно бледным и пестрым от звезд. Пахнет землей, пролитым на асфальт бензином и какой-то гарью, вроде прелых, чадающих в костре сучьев. Жгут костер на склоне,

это далеко, но ветром доносит запах. Меня знобит, не могу унять дрожь во всем теле. На холоде после вина всегда чертовски знобит. Я думаю о старике, который где-то там, далеко, вдруг почует – пронзительно, до дрожи – этот запах горелых сучьев, что тянется ветром с горы... [Трифонов 1989: 131–132]

Героическая ранняя гибель или полная уступок и компромиссов долгая жизнь-выживание? Что выбрать, если конечно, такой выбор возможен и предложен?

В калмыцкой сказке из «Капитанской дочки» (1833–1836) выбор Пугачева очевиден:

Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! [ПУШКИН 1962: 374–375]

К уже погибшему автору романа почти одновременно присоединяется его лицейский друг в стихотворении «19 октября 1837 года»:

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В середине поприща побед и славы...
[КЮХЕЛЬБЕКЕР 1967: 295]

В посвященном пушкинской эпохе романе уже XX века «Смерть Вазир-Мухтара» (1927–1928) появляется сходный контраст, но уже без возможности выбора:

Благо было тем, кто псами лег в двадцатые годы, молодыми и гордыми псами, со звонкими рыжими баками! Как страшна была жизнь *превращаемых*... [ТЫНЯНОВ 1959: 11]

Но в случайном отступлении из романа другого поэта («Доктор Живаго», 1945–1955; ч. 15, гл. 12) вдруг появляется неоднозначность:

Он [Юрий Живаго] подумал о нескольких, развивающихся рядом существованиях, движущихся с разной скоростью одно возле другого, и о том, когда чья-нибудь судьба обгоняет в жизни судьбу другого, и кто кого переживает. Нечто вроде принципа относительности на житейском ристалище представилось ему, но окончательно запутавшись, он бросил и эти сближения. <...>

Дама в лиловом была швейцарская подданная мадемуазель Флери из Мелюзеева, старая-престарая. Она в течение двенадцати лет хлопотала письменно о праве выезда к себе на родину. Совсем недавно ходатайство ее увенчалось успехом. Она приехала в Москву за выездной визой. В этот день она шла за ее получением к себе в посольство, обмахиваясь завернутыми и перевязанными ленточкой документами. И она пошла

вперед, в десятый раз обогнав трамвай и, ничуть того не ведая, обогнала Живаго и пережила его. [ПАСТЕРНАК 1967: 487–489]

Для позднего Трифонова это одна из главных вечных тем.

Да, можно позавидовать молодым и гордым псам, вышедшим на Сенатскую площадь или победившим на Олимпиаде, а потом сгинувшим в бессмысленной бойне под Верденом. Но этот кратковременный победитель (в конце концов, что такое двадцать шесть или девяносто четыре года в сравнении с вечностью?) еще может увидеть *дрожание маленькой острой звезды серебряного цвета* и почуять *запах костра* (о трифоновских кострах надо писать отдельное эссе).

Два взгляда, две философии жизни, история и биология взвешиваются на невидимых весах. И здесь Трифонов не выбирает, а размышляет.

Через три года появляется повесть «Другая жизнь», в которой четкий конфликт «Победителя», приобретает психологический объем. Муж – историк, занимающийся немодными и неперспективными темами («То история московских улиц, а то охранка, а то и вовсе посторонняя наука») и внезапно умирающий от «сердечного приступа» (еще не инфаркта!) в сорок два года. Жена – биолог, пытающаяся передумать жизнь, понять, как и почему (свекровь считает ее виновной в этой смерти).

Их профессии становятся позициями, жизненными философиями. И – уже в сознании Ольги Васильевны – они продолжают спор о главном.

Он: «Из того, что она уловила когда-то: человек есть нить, протянувшаяся сквозь время, тончайший нерв истории, который можно отщепить и выделить и – по нему определить многое. Человек, говорил он, никогда не примирится со смертью, потому что в нем заложено ощущение бесконечности нити, часть которой он сам. Не бог награждает человека бессмертием и не религия внушает ему идею, а вот это закодированное, передающееся с генами ощущение причастности к бесконечному ряду...»

Она: «Человек уходит, его уход из мира сопровождается эманацией в форме боли, затем боль будет гаснуть, и когда-нибудь – когда уйдут те, кто испытывает боль, – она исчезнет совсем. Совсем, совсем. Ничего, кроме химии... Химия и боль – вот и все, из чего состоит смерть и жизнь». [ТРИФОНОВ 1986: 300–301]

В конце повести Ольгу Васильевну исцеляют те же, только не ночные, как в «Победителе», а утренние подробности природного бытия: красный шар солнца, летящий со стороны парка ветер, – и она начинает другую жизнь с другим человеком.

Наверху был ветер, вдруг ударило резким порывом. Она потянулась к нему, чтоб заслонить, спасти, он ее обнял. И она подумала, что вины ее нет. Вины ее нет, потому что другая жизнь была вокруг, была неисчерпаема, как этот холодный простор, как этот город без края, меркнувший в ожидании вечера. [ТРИФОНОВ 1986: 360]

И Глебов в «Доме на набережной» оправдывает предательство бытовым наблюдением (в повести этот эпизод возникает дважды):

И вдруг за стеклом кондитерской на улице Горького, вблизи Пушкинской, Глебов увидел Ганчука. Тот стоял у высокого столика, за которым пьют кофе, и с жадностью ел пирожное «наполеон», держа его всеми пятью пальцами в бумажке. <...> А ведь полчаса назад этого человека убивали. Глебов потом часто рассказывал историю с кондитерской. Да, мол, было, что говорить. Много всякого. И то, и это, и пятое, и десятое, о чем лучше не вспоминать. А все-таки стоял и ел «наполеон» с громаднейшим аппетитом! [ТРИФОНОВ 1986: 484]

Анатолию Королеву, участнику столь уже давней первой (и кажется, последней) международной конференции в РГГУ «Мир прозы Юрия Трифонова» (1999), «легендарная сцена в кондитерской» представляется «драматическим столкновением **наполеона** с идеалом», в итоге которой «Советский Бонапарт слопал **наполеон**, то есть себя».

Это эффектное, но слишком простое социологическое объяснение. (Вообще, участники знаменского круглого стола, собранного по материалам конференции, много говорили о политике, но мало – о поэтике.)

Подсмотревший плотоядное уничтожение наполеона Глебов видит одно (ничего такого особенного с профессором не произошло), автор же другое – мучительную вечную тему. Жизнь, биология (*с жадностью поедал*) и здесь побеждает историю (*собрание, на котором его уничтожали*).

И финал, последняя сцена повести строится на той же коллизии: Ганчук не хотел вспоминать «шум и гам двадцатых годов», но

<...> зато с удовольствием разговаривал о какой-нибудь многосерийной муре, передававшейся по телевизору, или о новости, вычитанной из «Науки и жизни». [ТРИФОНОВ 1986: 492]

И возвращаясь с кладбища, с могилы дочери, он просит шофера ехать побыстрее, чтобы успеть на какую-то телепередачу.

Даже через тринадцать лет после приведенной дневниковой записи, уже после «Дома на набережной» Трифонов упорно повторяет ключевой мотив «Победителя» в подписи к фото для журнала «Geo»:

На встрече ветеранов 9-го мая можно увидеть потрясающие сцены: здесь, на аллеях Парка, встречаются люди, которые помнят друг друга юными, стройными, веселыми, отчаянными...

Они победители, и они живы, но Время побеждает всех. Слишком многие не пришли сюда. А тех, кто пришли, – трудно узнать.

И поэтому они плачут. [ТРИФОНОВ 1999]

Легко заметить, что существительное *победители* двусмысленно. И метафизика (кратковременные победители Времени) перекрывает историю (победители в войне).

Но сам писатель – если читать его в целом, без изъятий – вопреки биологической очевидности и этической безнадежности выбирает историю. Человек как *тончайший нерв истории* – это один из его ключевых мотивов.

Материалы к «Нетерпению» – двадцать толстых тетрадей с использованием трехсот источников, утверждает вдова писателя. Примерно так же шла подготовка к написанию других повестей и романов. Еще в одной тетради – «конспекты трудов Авраама Дж. Хеншела, Паскуале Виллари, афонского монаха Максима Грека, Савонаролы, Сократа, Кальвина; статей об иконоборчестве, иконописании, статей В.В. Стасова об искусстве XIX века».

А началось все, оказывается, в девять лет, 31 августа 1934 года, когда «девятилетний Юра разлиновал тетрадь в твердом сером переплете и написал крупным детским почерком „Дневник Юры Трифонова“» [ТРИФОНОВ 1998].

В его прозу вмещаются не только драматические коллизии личной судьбы, но большая история за целое столетие – от Великих реформ (еще не народолюбия) до советских семидесятых.

Сцены донского восстания в «Старике», по нашему мнению, не уступают аналогичным страницам «Тихого Дона» и даже превосходят их в экспрессивной краткости. И, вообще, предысторию и эволюцию советской идеи, а также конкретную советскую историю точнее изучать не по Мединскому, а по Трифонову: от «Нетерпения» и «Отблеска костра» – к «Дому на набережной», «Старику» и «Времени и месту».

Ольга Мирошниченко-Трифопова в заключении к публикации дневников цитирует письмо неназванной читательницы (31 декабря 1981 года):

Я не мыслю своей жизни без трифоновской прозы.

Для меня он то же, что Чехов (но Чехов не ранний, а поздний: «Скучная история», «Три года», «Моя жизнь» – и особенно писем.)

Время покажет, но мне кажется, что Ю.В. Трифонов будет через энное количество лет для потомков тем же, чем Чехов для нас. [ТРИФОНОВ 1999]

Увы, пока не стал. Может и потому, что путь по лабиринтам его художественного мира пока еще не пройден.

Литература

- КЮХЕЛЬБЕКЕР, В.К. [KÜHEL'BEKER, V.K.] 1967: Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. Москва: Советский писатель [Selected works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Sovetskij pisatel'].
ПАСТЕРНАК, Б.Л. [PASTERNAK, B.L.] 2004: Собрание сочинений в 11 т. Т. 4. Москва: Слово [Collected works in 11 volumes. Vol. 4. Moscow: Slovo].
ПУШКИН, А.С. [PUŠKIN, A.S.] 1962: Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Москва: Гослитиздат [Collected works in 10 volumes. Vol. 6. Moscow: Goslitizdat].
ТРИФОНОВ, Ю.В. [TRIFONOV, Ū.V.] 1986: Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. Москва: Художественная литература [Collected works in 4 vols. Vol. 2. Moscow: Hudožestvennaâ literatura].

- ТРИФОНОВ, Ю.В. [TRIFONOV, Ū.V.] 1989: Бесконечные игры. Москва: Физкультура и спорт [Endless games. Moscow: Fizkul'tura i sport].
- ТРИФОНОВ, Ю.В. [TRIFONOV, Ū.V.] 1998: Из дневников и рабочих тетрадей // Дружба Народов [From diaries and workbooks // Družba Narodov] 1998/11. <https://magazines.gorky.media/druzhba/1998/11/iz-dnevnikov-i-rabochih-tetradaj-4.html> (Дата обращения: 25.06.2025).
- ТРИФОНОВ, Ю.В. [TRIFONOV, Ū.V.] 1999: Из дневников и рабочих тетрадей // Дружба Народов [From diaries and workbooks // Družba Narodov] 1999/3. <https://magazines.gorky.media/druzhba/1999/3/iz-dnevnikov-i-rabochih-tetradaj-7.html> (Дата обращения: 25.06.2025).
- ТЫНЯНОВ, Ю.Н. [TYNĀNOV, Ū.N.] 1959: Сочинения в 3 т. Т. 2. Москва: ГИХЛ [Works in 3 vols. Vol. 2. Moscow: GİHL].

Игорь СУХИХ
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
Igorlit50@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5146-8733>

Ilaria REMONATO

**FROM LITERATURE TO ECOCRITICISM:
SIBERIAN DAMS AND THEIR IMPACT ON THE NATURAL AND HUMAN
ENVIRONMENT**

**От литературы к экокритике:
сибирские плотины и их влияние на природную и человеческую среду**

Аннотация

С эко-критической точки зрения, настоящее эссе посвящено анализу некоторых сходств и различий между двумя значительными произведениями русской литературы второй половины XX века – «Прощание с Матерой» (1976) В. Распутина (1937–2015) и «Зонай затопления» (2015) Р. Сенчина (1971). Спустя сорок лет эти романы вступают в диалог, исходя из ряда ключевых тем и общего предмета: реального затопления ряда сибирских деревень в результате строительства плотин и гидроэлектростанций. Первая часть статьи представляет и контекстуализирует строительство так называемых «великих плотин», описывая их основные цели и характеристики, а также экологические последствия для окружающих территорий и населения. Вторая часть рассматривает параллели между двумя литературными текстами, особенно исследуя образ природы и своеобразный «сибирский хронотоп», возникающий в обоих произведениях. В обоих романах конфликт между человеком и природой играет центральную роль. Заключительная часть статьи углубляется в сопоставление содержания и основных тематических вопросов этих произведений, учитывая травматическое психологическое воздействие эвакуации и переселения на персонажей. Бросающиеся в глаза стилистические различия между двумя авторами позволяют предложить некоторые заключительные размышления о глубинных связях между их литературными произведениями, выходящих за рамки простого «ремейка» или актуализации.

Ключевые слова: В. Распутин, «Прощание с Матерой», Р. Сенчин, «Зона затопления», плотины в Сибири, эко критика

«И тихо, покойно лежал остров, тем паче родная, самой судьбой назначенная земля, что имела она четкие границы, сразу за которыми начиналась уже не твердь, а течь. Но от края до края, от берега до берега хватало в ней и раздолья, и богатства, и красоты, и дикости, и всякой твари по паре – всего, отделившись от материка, держала она в достатке – не потому ли и назвалась громким именем Матера?»

Распутин: Прощание с Матерой

1. The “great dams” and the environmental question

Since ancient times “great dams”, that is, massive water infrastructures over 15 metres high, have been built to artificially block rivers or to divert their course, creating reservoirs intended to power aqueducts and irrigation canals. As is widely known, the specific aims of these works are the generation of hydroelectric energy through the power plants, water supply and river flood regulation [JACKSON 1997]. Currently dams generate about one-sixth of the electricity consumed in the world and irrigate one-seventh of all agricultural fields: therefore, they represent a necessary element for the well-being and economic development of a society.¹ In any case, their presence significantly alters the natural system of the area in which they are built, because they modify its hydrology and hinder the downstream transport of vital sediments for the environment inside and around the watercourse [CAMPANELLA 2015]. One of the main problems related to the construction of dams is indeed the loss of land – not just any land, but one of the most fertile types – due to the filling of the basin, along with damage to fauna, forests and wetlands characterized by a delicate hydrogeological balance [ROTA 2023: 32–34]. A second negative aspect, which is largely ignored, is the downstream effect of the barriers: the diversion of waterways may lead to the disappearance of floods, and sometimes to the dissolution of flows. In any case, it may result in the reduction of the global flow rate of a river or provoke the erosion of the riverbeds (cf., for example, the progressive drying up of the Aral Sea).²

Due to defects in manufacture or to an inadequate assessment of the fragility of surrounding rocks and sedimentary materials, great dams have also caused significant security problems: over the centuries, as a consequence of their collapse or of the basins’ overflowing, various accidents have occurred, with thousands of victims and invaluable damage to the ecosystem. Just to name a few, the landslide of the Vajont Dam in Northern Italy in 1963 [see TEMPORELLI 2011; IOVINO 2016; SALABÈ 2013] and the recent destruction (6th June 2023) of the Ukrainian Kakhovka Dam, built between 1950 and 1956 on the Dnieper River,³ are two tragic examples. In addition to the irrigation of fields and the water supply of urban centres, the construction of these infrastructures has acquired symbolic values that refer to an image of economic power. In fact, in different cultural and socio-political contexts, great dams have been described by their proponents as positive icons of progress and

¹ On this aspect, see MCINTOSH 2023: <https://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/big-dams-serving-greater-common-good>.

² The saltwater surface of the Aral Sea has progressively dried out due to the diversion, for irrigation purposes, of the riverine waters of the Syr Darya in the north and the Amu Darya in the south, which discharged into the lake and were its main sources of inflowing water. Regarding what is considered one of the worst ecological disasters in the regions belonging to the former Soviet Union, see <https://www.britannica.com/place/Aral-Sea> and https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-42254-7_4.

³ On the flood and evacuations in the Kherson region provoked by the destruction of the *Kakhovka Dam*, see <https://www.bbc.com/news/world-europe-65818705>.

expressions of national pride [RYABOV 2014]. However, it should be underlined, as has been shown by several independent reports, that in many cases construction companies are powerful and enjoy favouritisms, or in any case entertain hardly transparent relations with the respective political classes [BOCCALETTI 2022: 35–38]. Moreover, especially in recent years energy production has not always been designed to meet the real needs of the surrounding areas, but for sale to third parties. Another significant issue concerns the social impact of dams and power plants,⁴ namely, the number of people forced to abandon their homes and lifestyle due to the flooding of their territories [see BOYÉ 2016; NOSENGO 2022].

Taking into account the theoretical contributions and the interdisciplinary methodological perspective of ecocritical studies [SCAFFAI 2017],⁵ the present paper aims to reflect on these themes through the comparison of two relevant works of 20th-century Russian literature. Overall, compared to Western studies, mainly associated with liberal or progressive orientations, the late-Soviet and Russian contributions of *naturfilosofskaya proza* share a critical view in favour of environmental protection, but they are characterised by conservative and nationalist tendencies.⁶ A further distinctive feature is their emphasis on the past and the search for a moral way of life [LEVINSKAYA 2015: 148].

Both novels analysed here, *Proshchaniye s Matyoroy* (*Farewell to Matyora*, 1976) by Valentin Grigoryevich Rasputin (Ust-Uda 1937 – Moscow 2015) and *Zona zatopleniya* (“Flood Zone”, 2015) by Roman Valeryevich Senchin (Kyzyl, 1971)⁷

⁴ About the controversial social and human impact of great dams, see, for instance, BOYÉ and DE VIVO 2016 and <https://archive.internationalrivers.org/human-impacts-of-dams>.

⁵ As is known, the term *ecocriticism* refers to the study of literature and environment from an interdisciplinary point of view; its movement originated and initially spread in the English-speaking world in the 1980s. The label was coined by William Rueckert in his 1978 paper *Literature and Ecology: An Experiment in Ecocriticism*. Critics sharing this multifaceted orientation analyse literary works illustrating environmental themes and examine the various modalities in which literature represents the image of nature. Some studies offer reflections on possible solutions to the serious contemporary environmental situation, even though not all agree on the purposes, methodology or scope of the movement. In the USA these efforts are spearheaded by the *Association for the Study of Literature and Environment (ASLE)*, which hosts a biennial conference on these topics. Ecocriticism is an intentionally broad approach, which at present intertwines with other designations, among them *literary ecology*, *environmental literary criticism*, *ecopoetics*, and *green cultural studies*, and is connected to research areas like ecology, sustainable design, biopolitics, environmental history, environmentalism, and social ecology. For an overview of the most significant authors and contributions in the field, see GLOTFELTY ET AL. 1996, IOVINO ET AL. 2018, GARRARD 2023 and <https://www.hisour.com/it/ecocriticism-49390/>.

⁶ An exception is represented by *Ekologicheskyy roman* (“Ecological novel”, 1993) by the author and environmentalist Sergey Zalygin (1913–2000), in which the issue of environmental protection is in the foreground, not subordinate to nationalistic claims. The seminal papers in *Ekologiya kultury* (“The Ecology of Culture”, 1979) by Dmitry S. Likhachev (1906–1999) are still points of reference for Russian scholars of ecocriticism [see LIKHACHEV 1985]. For a recent overview of the main authors and themes of the movement in Russia, see PERKIÖMÄKI 2021: 119–124.

⁷ The famous *povest* of the award-winning Valentin Rasputin, first published in the literary journal *Nash sovremennik* (“Our Contemporary”) in September–October 1976, then in various editions in volume apart, has been translated in major European languages. In Italian the work has been translated by Editori Riuniti publishing house in 1980 with the title *Il villaggio sommerso* (“The

are set in central eastern Siberia, in the macro-regions of Irkutsk and Krasnoyarsk, respectively. Forty years later, the subjects of the stories narrated are similarly inspired by the last weeks of life of some villages condemned to evacuation due to the planned flooding to power two hydroelectric plants along the course of the Angara⁸ river [CAPRIOGLIO 2018: 282]. The authors share their Siberian origins and the fact of having drawn inspiration from real events, in part lived or “collected in the field” also in terms of testimony and documentation.⁹ As evidenced by the book’s dedication, to Rasputin, Senchin’s work, already from its conception recalls that of its illustrious predecessor, with which it develops a dialogue at various levels: that is why many critics have defined “Flood Zone” as a ‘contemporary remake’ of *Farewell to Matyora*.¹⁰ In fact, in addition to the subject and the environmental

submerged village”): although the image alludes to the event at the centre of the plot, from the formal point of view this choice deviates from the original version, putting in the background, in my opinion, some key motives of the text expressed from the recurring word ‘farewell’ (on this topic see REMONATO 2022: 51–52). The novel by Roman Senchin *Zona zatopeniya* (“Flood Zone”) has not been translated into Italian yet; among the authors’ works available in Italian there is only the *noir* saga *Eltyshevy* (2009; Italian translation: *L’ultimo degli Eltyshev*, 2017), that brought him to the forefront of the literary scene with the nomination to the prestigious Bolshaya Kniga (“Big Book”) award.

⁸ The Angara, a protagonist of several Buryat folk legends, is a Siberian River (1,853 km), and a right tributary of the Yenisey. It is the only outlet of Lake Baikal, from which it flows southwest through the Sayan Mountains, which border the lake itself. The Angara flows through the city of Irkutsk (see <https://mygeografi.ru/reka-angara>). On the etymological level it is interesting to note that in the Buryat language the ancient root *amnga* refers to the “open mouth of an animal”, from which derive the meanings of “wide open”, “opening, openness”, “throat”. According to some historical sources, the river Angara was first mentioned in the 13th century with the name of *Ankara Muren*. On the most famous legend handed down orally, later transcribed and reworked into a fable by V. P. Starodumov (1901–1996), see <https://historicus.media/legendabaikala/> and https://baikal.place/2017/07/15/beauty_angara.

⁹ Because of the high concentration of industrial enterprises on its shores, currently the main environmental problems of Angara are caused by the wastewater of the plants. In fact, the water supply coming from the recycling of the water of the three basins is rarely used, because there are not enough treatment facilities. In the river and its artificial lakes residue of petroleum products has been detected, as well as heavy metals and organic matter. Overall, therefore, today the Angara waters are classified as moderately polluted: see <https://srcaltufevo.ru/it/eta-reka-vseghda-spokoina-sintaksicheskie-normy-russkogo-literaturnogo.html>. Note that already in 2010, after one of his trips to the submerged places, Rasputin had expressed himself forcefully and pessimistically on the state of the river when interviewed by V. Kozhemyako (02.02.2010) on the website <https://www.plotina.net/rasputin-boges-moges/>.

¹⁰ Rasputin had the opportunity to know about the dedication and the contents of Senchin’s novel, which he encouraged and supported, but he died a few days before the actual publication of the book [MARTAZANOV 2023]. In the sixth chapter of “Flood Zone”, while Aleksey Bryukhanov, one of the villagers to be resettled, is bitterly reflecting on the lack of effective or consoling responses even from literature, the figure of Rasputin himself is evoked. He expresses empathy and compassion, but in the end he retains a powerless silence: «Писатели в тот раз целый день бродили по улицам, заходили во дворы, в избы, слушали людей, кивали, сочувственно вздыхали. Написавший книгу про свою затопленную родину все потирал глаза, кривил, как от боли, лицо. Молчал... Словно на место скорого природного бедствия они приехали, осматривали то, что должно быть вот-вот уничтожено каким-нибудь ураганом, цунами. Но ведь не

theme, in terms of contents both novels focus on the highly conflicting relationships between city and countryside, on the loss of social identity and the historical memory of rural communities, and on the motif of the “ordinary man” crushed by the decisions taken from above. In my view, however, at close reading, these literary works share a number of characteristics but also exhibit differences in style, in their atmosphere and in the psychological characterization of the main heroes, starting from their vision of nature and the feelings about the villages they are about to leave.

2. The “Siberian chronotope” and the representation of nature in the two works

As is well known, since the beginning of its “internal colonization” from the 17th century, Siberia has always been considered by the Russians as a territory of conquest and exploitation for its immense natural resources [MINGATI 2017: 9–10]. In line with the rest of the country, in Soviet times the region was the subject of several campaigns aimed at its electrification and industrialization “in forced stages”. In fact, political propaganda exalted these plans in the name of collective economic progress, overshadowing the socio-environmental consequences and stifling any critical voices. A real ecological consciousness had the opportunity to develop and obtain mediatic resonance in the country only with Gorbachev’s *perestroika* (1986–1991), during which Valentin Rasputin assumed public offices. The commitment to the defence of the Transbaikal territory¹¹ ecosystem and of its indigenous traditions against the intrusiveness of Western models played a central role in his political and journalistic activities¹² [KARPENKO–MERINOV 2013]. From the beginning, his prose was characterized by an intense and poetic representation of nature, which was gradually enriched with existential and philosophical meditations. For the thematic issues and rural settings of his works, Rasputin was often associated by Soviet literary critics with the current of *derevenskaya proza*, the so-called “Village Prose” [see PARTHÉ 1992 and 2021], alongside authors such as Fedor Abramov, Viktor Astafyev, Vasily Belov and Vasily Shukshin.¹³

природное бедствие надвигалось на деревню и на весь этот край, а рукотворное. Остановимое.» [СЕНЧИН 2015: 205]

¹¹ Among his manifold activities, in 2009 Rasputin took part into the shooting of Miroschnichenko’s film *Reka zhizni* (“The River of Life”), devoted precisely to the flooding of some villages as a consequence of the construction of the Bratsk and Boguchanskaya hydropower plants. Upon his death in 2015, number 357/2 of the literary journal *Sibir* and the Baikal cinematographic festival “Chelovek i priroda” (“Man and nature”) were dedicated to him. In 2017 in Irkutsk a Rasputin museum was founded, which presents information, cultural events, as well as critical and bibliographical materials: see <http://vgrasputin.ru/>.

¹² See the following collections of interviews, articles and essays by the author: V.G. Rasputin, *Sibir, Sibir*, Moscow: Molodaya Gvardiya, 1991 (2nd edition Irkutsk: Sapronov, 2006) and id., *U nas ostayetsya Rossiya: ocherki, statyi, vystupleniya, besedy*, ed. by T.I. Marshkova, Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2015. In the last years of his life, feeling deeply uneasy among the strident contradictions of post-Soviet reality, Rasputin took controversial positions, increasingly conservative and nationalistic [see RUMYANTSEV 2016].

¹³ On the thematic and stylistic affinities of the Siberian author’s novels with other relevant works belonging to the *derevenskaya proza*, see among other works – YE. STARIKOVA: “Sotsiologicheskoye

The *povest Proshchaniye s Matyoroy* relates the last weeks of life of the island and the eponymous village. The events are inspired by a journey actually made by the author in the area of the Ust-Ilimsk hydroelectric power plant in the summer of 1975: an island in the Angara, inhabited for three hundred years, is destined to be submerged and replaced by a vast artificial basin¹⁴ which will power a hydroelectric station [KARPENKO–MERINOV 2013: 86–87]. The Ust-Ilimsk plant is one of the great Soviet hydraulic infrastructures erected in the post-war period (1963–1974); the complex, which is still relevant in terms of size and quantity of energy produced, reached its full capacity in 1980.¹⁵ The *incipit* of Rasputin's novel is a lyrical digression on nature and the cyclical alternation of seasonal rhythms in the Siberian "little homeland":

И опять наступила весна, своя в своем нескончаемом ряду, но последняя для Матеры, для острова и деревни, носящих одно название. Опять с грохотом и страстью пронесло лед, нагромоздив на берега торосы, и Ангара освобожденно открылась, вытянувшись в могучую сверкающую течь. Опять на верхнем мысу бойко

aspekt sovremennoy 'derevenskoy prozy'", *Voprosy literatury*, 1972/7: 12–35; L.F. YERSHOV: "Valentin Rasputin i sotsialno-filosofskaya proza 1970–1980-kh godov", *Russkaya literatura*, 1987/1: 145–155; A.F. LAPCHENKO: "Chelovek i pamyat v povestiyakh V. Rasputina", in id., *Chelovek i zemlya v russkoy sotsialno-filosofskoy proze 70-kh godov*, Leningrad: Izd. Leningradskogo universiteta, 1985: 14–44; M. LEVINA: "Apofeoz bespochvennosti ('Ontologicheskaya' proza v svete idey russkoy filosofii)", *Voprosy literatury*, 1991/10: 3–29; V. CHALMAYEV: "Uroki 'derevenskoy prozy'", in *Istoriya sovetskoy literatury: novy vzglyad. Po materialam Vsesoyuznoy nauchno-tvorcheskoy konferentsii 11–12 maya 1989 g.*, Moscow: Nauka, 1990: 3–34; and FRANZONI 2020: 73–76.

- ¹⁴ The motif of native places submerged by water is rich in biographical and literary resonances; in fact, it is also present in one of Rasputin's first novellas, *Vniz i vverkh po techeniyu* ("Downstream and upstream", 1972) [see PERKJÖMÄKI 2021: 88–90]. Valentin Rasputin was born in Ust-Uda, but he spent his childhood with his grandparents in the village of Atalanka, which was later flooded. The dam of the Ust-Ilimsk hydroelectric power plant is 110 metres high; on the history and details of its construction see <https://puntomarinero.com/ust-ilim-hydroelectric-station-location/> and <https://www.so-ups.ru/index.php?id=1402>. The edification of the hydroelectric station started in 1963, while the filling of the eponymous reservoir dates back to 1974–1977. It is estimated that during its creation between fifteen thousand and twenty thousand people were evacuated and resettled. Nowadays the Ust-Ilimsk basin is the third artificial lake in the Irkutsk region in terms of volume after the Irkutsk and Bratsk ones. It has a surface of 1,922 km², an average depth of 31 metres, and a volume of 58,93 km³; it features numerous bays, and is characterized by a high coastal development that reaches 2,500 km. Today this artificial lake is used for the production of electric energy, for navigation, rafting, fishing, and water supply.
- ¹⁵ Ust-Ilimsk is an industrial town in the Asiatic part of Siberia (population 79,746), and it is located in the Irkutsk *oblast*. The settlement is positioned along the course of the Angara, near the confluence with its tributary, Ilim. Its official foundation dates back to 1966, the time of the construction of the eponymous plant. Today the town is served by an airport and is the capital of the *Ust-Ilimsky* district. Due to the edification of the dam and the hydroelectric station, it has seen rapid development, mainly related to certain industries (mechanical, timber and aluminium processing) created thanks to the availability of hydroelectric energy. Lately the urban area is at the centre of concerns, appeals and complaints from environmentalists due to river and air pollution, see <http://bse.sci-lib.com/article114759.html> and <https://www.ust-ilimsk.ru/>.

зашумела вода, скатываясь по релке на две стороны; опять запылала по земле и деревьям зелень, пролились первые дожди, прилетели стрижи и ласточки и любовно к жизни заквакали по вечерам в болотце проснувшиеся лягушки. Все это бывало много раз, и много раз Матера была внутри происходящих в природе перемен, не отставая и не забегая вперед каждого дня. Вот и теперь посадили огороды – да не все: три семьи снялись еще с осени, разъехались по разным городам, а еще три семьи вышли из деревни и того раньше, в первые же годы, когда стало ясно, что слухи верные. [РАСПУТИН 2002: 211]

Thanks to a thick web of echoes and symmetries created by repetitions (*opjat...*, *mnogo raz*), the Matyora rural community is evoked as a harmonious microcosm in which space and time have always flowed one into the other, but whose future is drastically marked. Already in the title, in fact, the word *proshchaniye*, “farewell” appears, which represents one of the *leitmotifs* of the text and condenses its nostalgic and elegiac tone. The changing of the seasons, with the rebirth of nature in spring, is contrasted with the imminent end of the village time [REMONATO 2010], with the bitter awareness that every daily task in the fields and gardens now has an ephemeral, precarious character. The web of semantic echoes is highlighted also by the name of the island-village through the common etymological roots of the Russian terms *materik* (today mainly meaning “continent”), and *matëra*, which in regional Siberian dialect is used to mean “the high bank of a river that continues on the hills”. According to some sources, both terms derive from a contamination between the Common Slavic **маторь* “old, ancient, mature” and the Old East Slavonic *мать* “mother”,¹⁶ which on the literary level refers to the vision of nature as a great ancestral mother [YURYEVA 2019: 296].

The title of Senchin’s novel *Zona zatopleniya* (“Flood Zone”),¹⁷ instead, appears neutral, aseptic, almost impersonal in its lack of evocative toponyms to be connected to the memory of places. In its bare essentiality, the expression selected seems to reflect the “technical formulas” typical of the bureaucratic state machine, anticipating at the same time the concrete fate of the area, destined to become an anonymous and lifeless ‘zone’ submerged by water, and the laconic style that characterizes the formal fabric of the text [YAN 2024: 33–34]. If, on the one hand, the lack of proper names in the title may suggest a metaphorical loss of identity and

¹⁶ On the probable common etymological origins of the terms, see M. FASMER: *Etimologicheskyy slovar russkogo yazyka*, 4-e izdanie, 2009, online <https://lexicography.online/etymology/vasmer/м/матерой> and E. BERNEKER: *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1908–1913, vol. 2: 25.

¹⁷ I chose to translate the original title in this way to emphasize the artificiality of the event and at the same time the bureaucratic and official connotation of the Russian expression. Other English terms belonging to the same semantic field, among which ‘inundation’ or ‘alluvion’, seem more related to natural causes like water overflows or atmospheric precipitations. Besides, in Russian the word *zone* evokes sinister suggestions, especially vivid in the Siberian context: its second meaning, in fact, alludes to a prison, and in particular to the area of the GULAG.

importance of the single localities involved, on the other it reflects the structure of the work. In fact, unlike Rasputin's novel, it was conceived at first as a series of autonomous tales focused on different villages of the area, among which Pylyovo, Bolshakovo and Kutay stand out. The real events underlying the stories, linked by common characters and punctuated by the frequent changes of the narrative point of view, are connected to the construction of the Boguchanskaya dam and hydroelectric power plant.¹⁸ As the text reminds us, the work for the realization of this infrastructure was started from the Soviet regime in 1979, then it was interrupted in the difficult following decades, to resume in more recent times (2006–2014):

Некоторых покойников забрали родные еще лет двадцать пять назад, когда в первый раз наверху было просчитано, что будущее водохранилище затопит место, где стоит деревня. Самые активные стали тогда переезжать и прихватывали кости родителей, бабушек-дедушек... Если побродить, наткнешься на присыпанные сухими иголками углубления – это следы разрытых могил.

Но потом власть в Москве поменялась, строящуюся электростанцию забросили. О переселении разговоры заглохли, некоторые даже вернулись на родину из шумного мира. А вот теперь – бац! – и опять: строительство решено завершить, в зону затопления попадают такие-то «сельские поселения». В том числе и их Пылево. [СЕНЧИН 2015: 22–23]

Though on the verge of dissolution, the Siberian chronotope of Matyora village, as several scholars observed, has its own poetic integrity and acquires a mythical dimension [DE LOTTO 1984: 13–14], shifting the background conflict between peasant *uklad* and urban life from the concrete, historical plan to the universal one. The subtext of biblical references in the text makes us aware of the irreparable fracture caused by the massive and aggressive intervention of man on nature, of the *razlad* “disruption of harmony” which hangs over the secular rhythms of the rural community, but at the same time something remains intact. In fact, the spiritual world

¹⁸ The Boguchanskaya hydroelectric power plant, the fourth in chronological order to be erected on the Angara river (see <https://voda.gov.ru/reservoirs/7310/>), is located in the Southern Siberian region of Krasnoyarsk, not far from the town of Kodinsk (population 14,873). The total number of the resettled among the population is estimated at 12,173 people, taking into account the first moves in the 1980s and the second wave in 2007. The resumption of the plant construction by the private company RusHydro generated a large protest movement by environmentalists (WWF Russia) and local residents (the association “Dam. No!”). They complained that no updated and objective assessment was carried out on the social and environmental impact of the infrastructure, which was still based on the detections of the 1980s. The lawsuit filed, however, was dismissed by the court both at first instance and on appeal (2012); on the topic, see <https://ejatlas.org/conflict/hydro-power-plant-boguchanskaya/> and <https://www.plotina.net/news/boguchan/>, rich in news from independent sources and various materials on Siberian hydropower plants.

of the elderly is opposed to the “progressive fervour” of young people, showing who are the true custodians of island life:

А постоянно оставались теперь в Матере только старики и старухи, они смотрели за огородом и домом, ходили за скотиной, возились с ребятишками, сохраняя во всем жилой дух и оберегая деревню от излишнего запустения. По вечерам они сходились вместе, негромко разговаривали – и все об одном, о том, что будет, часто и тяжело вздыхали, опасливо поглядывая в сторону правого берега за Ангару, где строился большой новый поселок. Слухи оттуда доходили разные. [РАСПУТИН 2002: 212]

As Yuryeva writes, Matyora embodies the projection of mother-earth and mother-homeland, which is a refuge and “spiritual mainland” for the inhabitants. The island, metaphorically part of the national Cosmos-Logos, presents itself in a mythopoietic perspective as a living, intelligent and sentient being [YURYEVA 2019: 298]. In Bakhtinian terms, the Angara occurs in the text as the most important horizontal *topos* that gives shape to the chronotope, and it expresses the archetypal connotations of river life. The river also acquires a symbolic semantics of eternalizing time [IVANOVA 2022: 578–579], which contrasts with the tragic awareness of the “last term” (*srok*). Though it is about to be erased by human will, the image of nature that emerges from the work is powerful and evocative [ZIOLKOWSKI 2020]. It is charged with positive connotations expressed on the symbolic level, especially through the mysterious zoomorphic figure of the “Master of the island” (*Khozyain ostrova*), sort of *genius loci*, and the “King Larch” (*Tsar Listven*). The 300-year-old tree, which the inhabitants respectfully refer to with the masculine gender, knows the whole history of the island and dominates it from above, resisting in a mighty and majestic way the various attempts of felling:

Матеру, и остров и деревню, нельзя было представить без этой лиственницы на поскотине. Она возвышалась и возглавлялась среди всего остального, как пастух возглавляется среди овечьего стада, которое разбрелось по пастбищу. Она и напоминала пастуха, несущего древнюю сторожевую службу. Но говорить “она” об этом дереве никто, пускай пять раз грамотный, не решался; нет, это был он, “царский листвен” – так вечно, могуче и властно стоял он на бугре в полверсте от деревни, заметный почти отовсюду и знаемый всеми. [РАСПУТИН 2002: 357]

In his *requiem* on the sunset of the space-time of this pastoral Atlantis, Rasputin describes young people as unaware of that deep sense of belonging to the land and life which gives harmony and spiritual solidity to the old Darya Pinigina [FRANZONI 2020: 85]. In fact, even though marked by inner desolation and the brutality of the sanitization operations, from the beginning to the end of the narrative the relationship between the old inhabitants and the natural environment remains biunivocal, almost symbiotic. As De Lotto writes, “the same days become the astonished witnesses

of the island's drama. Deeply unsettled by the conflict brought by man, nature is split, and it observes itself and its own destruction from the outside" [DE LOTTO 1984: 23; my translation].

The natural images that dot the ten dense chapters of "Flood Zone" appear instead already mined at the root, and show a highly conflicting relationship between humans and the environment. The atmosphere is shabby and asphyctic: in the villages from which evacuations had already begun twenty-five years earlier, people linger in a suspended dimension, without real working or existential ways out. In Senchin's vision, with the dissolution of the Soviet Union, the rural traditions of the past completely lost their authentic meaning and their deep ties with the natural environment. They survive out of pure necessity on the plan of a prosaic 'daily chronicle', deprived of the mythical and almost sacred aura that one feels between Rasputin's lines. The chronotope outlined in the text is fragmentary, confused, crystallized in an unnatural acronym, and emptied of that sense of identity and firm consistency that characterized the Siberian countryside. The wild and majestic nature of the region, even more violated and plundered by the fierce struggle for survival of the 1990s [SAZANOV 2020], is evoked in a primitive and hostile way, and seems to take revenge for human neglect and abandonment by reclaiming the land:

Обезлюдявали деревеньки – эти несколько избышек, – и сырая темная тайга сразу наваливалась на отвоеванные у нее когда-то деляны; дикие травы засыпали огороды, дворы, улицы семенами, сосны и ели швыряли расщеперенные шишки; на срубах поселялся мох, расползался по плахам крыш лишайник. Снег и ветер валили заборы, дождь разъедал бревна, доски, слеги, по стайкам шастали лисы, напрасно вынюхивая кур, на чердаках и вышках строили гнезда белки, долбили городьбу дятлы... Природа забирала обратно свою территорию. [СЕНЧИН 2015: 77]

If in *Farewell to Matyora* the elegiac and melancholic dimension of waiting for the end prevails, with the reversal of the traditional positive and vital values of water, here the feeling of impotence is intertwined with bitter considerations that suggest a post-Soviet "periphery of the empire" attitude [CAPRIOGLIO 2017: 40]. On several occasions, in fact, in the narrative references to corruption, the injustice of decisions taken from above, and the intensive exploitation of the ecosystem of the remote region for profit appear. They would certainly not have allowed Moscow to disappear underwater, murmur caustically among themselves some re-settled inhabitants from the village of Pylyovo:

– Да?.. То-то с нами не церемонились – одним Кутаем больше, одним меньше... Москву бы не стали топить...

– Хе-хе, эт ты к месту сказанул. Про Москву. С минуту молчали, представляя, что вот появилась идея перегородить Москву-реку, построить на ней ГЭС. И началось расселение москвичей по России... [СЕНЧИН 2015: 360]

3. From chaos to alienation: the impact on human beings

As has already been pointed out, a number of elements that allow a dialogue between the two works are directly associated to the social impact of the flooding and to the psychological characterization of the inhabitants. In fact, they are facing the trauma of forced displacement and of an “urban type” resettlement intended to radically change their rural style of life. Transplanting an old tree is against nature, it cannot survive; Rasputin’s vivid image resumed by Senchin highlights the network of echoes and literary resonances which connects the texts:

<...> Кто ж старое дерево пересаживает?!

– Всех нас, девка, пересаживают, не одну тебя. Всем тепери туды дорога. Только успевай, господь, прибирай. [РАСПУТИН 2002: 219]

– Да ладно помирать, – отзывались те, что моложе, – еще поживете с удобствами.

– Ну их к язве с их удобствами! Меня только оторви отсюда, я по дороге окочурюся.

– Мда-а, – поддерживали, – старые деревья не пересадишь.

– Не пересадишь... [СЕНЧИН 2015: 86]

The inner ties with the natural world of Siberia in which they grew up, the only one they have ever known, are so deeply interwoven with the spiritual dimension of Pylyovo dwellers that to express their feelings they compare themselves to trees. In contrast to the positive vision of younger characters, in their words it is possible to grasp all the anger and anguish aroused by the uprooting of one’s existential microcosm, heightened by the painful perception of old age. The same sense of alienation is shared by the old people of Bolshakovo; in a crescendo of details the narrative describes their bewilderment, distrust and disbelief, their shattered lives suspended by peremptory orders between past and present:

Большаково – село не крупное. И, казалось бы, расселить его можно за неделю. Да когда-то за сутки целые народы грузили на транспорт и отправляли за тысячи километров. Было такое. Но теперь все делалось вроде бы по закону, с соблюдением прав, и процесс шел медленно, кое-как.

Первые семьи покинули Большаково еще в конце семидесятых, когда электростанцию только начинали строить. Но их дома заняли другие – дальняя родня или приезжие. Да и некоторые из местных вернулись прижились на чужбине. И по существу село и теперь не выглядело обреченным на гибель. [СЕНЧИН 2015: 77]

In the two works there are many affinities between the moods of the characters who experience the same catastrophe, but also due to the drastic socio-political and economic changes that followed the fall of the USSR, their relationships are deeper and more complex than what is generally defined as a ‘contemporary remake’. From

a chronological point of view, “Flood Zone” begins in September, just when Farewell to Matyora ends: spring, the symbol of the flourishing rebirth of nature, is opposed to the crepuscular and melancholic tones of autumn, prelude to the long winter. Instead of the elegiac evocation of the seasonal rhythms and the history of the island, in Senchin’s novel the actual events¹⁹ begin in medias res, with the death of the old woman from Pylyovo Natalya Privalikhina: «В первых числах сентября умерла Наталья Сергеевна Привалихина» [СЕНЧИН 2015: 11], “In the early days of September Natalya Sergeyevna Privalikhina died” (my translation). The sentence is barren, neutral and concise; despite the fact that the event acts as a temporary catalyst for a common, collective commitment of the fellow villagers, it is emphasised that the preparations for the funeral and burial are carried out outwardly, almost by inertia. The rituals, in fact, appear emptied of their ancestral meaning by the thought of the flooding, which will interrupt the generational continuum between the living and the dead represented by the cemetery. As Zhurov remarks, the death of the woman is a metaphor of the impending end of the whole settlement, which is not evoked in a mythical or sacred way, but in a fragmentary one. Like any other part of described reality, it is reported as a set of daily and contingent circumstances [ZHUROV 2015: 160]. What we are dealing with here is not so much an ‘actualization’, as an overcoming of Rasputin’s poetic vision. In her function as spokesman of the author in the work, on the literary level the old Darya Pinigina represents the spiritual consciousness and the memory of Matyora [TSVETOVA 2015: 1445]; in other words, she expresses the universal reference values of the rural island microcosm, which still appear intact:

А Дарья все спрашивала себя, все тащи́лась отвечать и не могла ответить. Да и кто, какой ум ответит? Человек приходит в мир и, пожив, устав от жизни, как теперь она, Дарья, а когда и не устав, неминуемо уходит обратно. Вон сколько их было, прежде чем дошло до нее, и сколько будет после нее! Она находится сейчас на самом сгибе: одна половина есть и будет, другая была, но вот-вот продернется вниз, а на сгиб встанет новое кольцо. Где же их больше – впереди или позади? И кто знает правду о человеке, зачем он живет? Ради жизни самой, ради детей, чтобы и дети оставили

¹⁹ The first chapter of the narrative, entitled “A telephone conversation”, may be considered as a sort of prologue to the events: two politicians, or unidentified members of the ruling elite, discuss the idea of resuming work on the construction of the Boguchanskaya power station in order to sell the electricity produced to third parties. Several critics have pointed out the analogies with real events at the basis of the story and with the oligarch called the “King of aluminium” Oleg Deripaska (1968).

детей, и дети детей оставили детей, или ради чего-то еще? Вечным ли будет это движение? [РАСПУТИН 2002: 355–356]

The woman's anguish is connected to the trauma of the loss of her birthplace and of the ties with her ancestors, and, consequently, of her own identity. According to Rasputin, spiritual decadence characterizes those who deny their origins: their peasant roots, respect for nature, the experience of manual work carried out together ensure a balance to humans, a serene wisdom opposed to the individualistic "nothing" of newly-urbanised people. Let us also think of the latent inner suffering of Pavel Pinigin, Darya's middle-aged son, who for his duties divides his time between the two worlds of the island and the new settlement:

Что верно, то верно – это не Матёра. Вот и не стало Матёры – царствие небесное, как бы сказала, перекрестясь, мать. Вот и не стало Матёры-деревни, а скоро не станет и острова. Еще можно будет, наверно, нынче же сплавать, покружить, гадая, тут или не тут стояла она... <...>

Все – поминай как звали. Но удивительно, непонятно было и то, что он не чувствовал сейчас ничего, кроме облегчающей, разрешившейся боли: будто нарывало, нарывало и прорвало. Все равно это должно было случиться и случилось, а от ожидания этой неминуемости устали и измучились больше, чем от самой потери. Хватит, хватит... никаких сил уже не осталось. Теперь не придется изводиться Матёрой, сравнивать одно с другим, ездить туда-сюда, баламутить, натягивать без конца душу – теперь, и, взыскивая с новой жизни здесь, в этом поселке, придется устраиваться прочно, вращать в нее всеми уцелевшими корнями. [РАСПУТИН 2002: 380–381]

Compared to the almost fairy-tale *epos* through which the life of the rural community is outlined in *Farewell to Matyora*, Senchin's characters appear marked by resignation and humiliation, and also by the ruthlessness of their squalid everyday lives. As many scholars observed, they embody the ultimate death of the peasant myth of "village prose" [KOVTON 2018: 158–159]. This aspect is expressed above all in terms of style: it is in this aspect, in fact, that the two works differ more. Considered by some critics as a Russian "neo-realist" author [see BELYAKOV 2011; ZHUROV 2015; WAWRZYŃCZAK 2018] and often compared to Chekhov for his plain language and tones, Senchin seems to refer to what Calabrese calls the "diminished symbolic significance of reality" typical of contemporary prose [see CALABRESE 2009: 420]. In fact, his way of writing is characterized by short and incisive sentences, as a documentary, almost "physiological" attention to daily details, objects and gestures, which, according to Jastrzębska, reflect on the syntactic and lexical plane the distinctive psychological features of post-Soviet men [see

JASTRZEBSKA 2016b: 263]. The sparse style and colloquial lexicon²⁰ prevailing in the episodes that compose the text effectively transmit the prosaicism, brutality and hopelessness of today's life in the Russian *provintsiya*. Moreover, the atmosphere closely recalls the progressive “descent into hell” of the Eltyshev family in the eponymous novel [DISCACCIATI 2016: 19–20]. The journalist Olga comes from the city and is initially indifferent to the social problems of the remote countryside; anyway, after having taken to heart the situation of the inhabitants she clashes with the “rubber wall” formed by rampant corruption and the complex bureaucratic machine. There are no more answers or stable reference points: faced with aluminium oligarchs' demands of economic power, even literary words seem exhausted and useless [SAZANOV 2020: 193]. In chapter 9, during the old fellow villagers' endless conversations about the past, Gennady, who had never particularly loved rural life, tries to explain what he really lacks following the resettlement:

– Да не про то, говорю же. Не в олигархах дело, не в плотине, алюминии... И не в том даже, что мы свою родину потеряли. Не от этого тошно. <...>

– И к чему ты все это? – устав слушать, поторопил Виктор.

– К тому, что не саму деревню нам жалко. Ладно, – поймав глаза мужиков, Генка поправился, – мне, о себе говорю... Не деревню саму и эту жизнь деревенскую, а... Там я жил, томился по чему-то такому, по другому. И вот попал в другое, и чувствую – потерял защиту... Не такую, что, в смысле, от земли оторвали, а... а другую какую-то... Как объяснить? [СЕНЧИН 2015: 386]

Beyond any critical definitions and literary currents, the stories told in “Flood Zone”, set between 2009 and 2011, are full of disillusionment and violence against those who refuse to comply with the evacuation and the 18 m² granted in the new dwellings.

The two authors show a different aesthetic approach to writing, based on a radically *other* conception of the world. If in *Farewell to Matyora* a recurring motif is the nostalgia for the *sobornost*²¹ and the joy coming from working together, connected to a sense of piety towards the native land that dies without a master, the “human landscape” of Senchin's *provintsiya* is colourless and dominated by misery

²⁰ From this point of view, the glossary of Siberian colloquial terms at the end of Senchin's work is of linguistic and ethnographic interest, and it recalls once again his predecessor. Dialectisms, often linked to daily life or working tools, connote in fact Rasputin's old characters' speech, reflecting the rich cultural heritage of a rural world that has disappeared.

²¹ The Russian term *sobornost*, which has no direct equivalents in other languages, refers to a concept elaborated in Russian religious philosophy: it suggests the free spiritual unity of people both in the life of the Church and in the secular community. This idea is connected to a vision of existence in mutual love, communion and brotherhood. According to some sources the theorization was first introduced in the Russian language with its current meaning by Yury Samarin (1863), and was then at the basis of the thought of many philosophers of different orientations, among whom it is worth mentioning the Slavophiles, A. Khomyakov and I. Kireyevsky, and other prominent exponents such as V. Solovyev, P. Florensky, S. Bulgakov and N. Berdyaev.

and the wild hostility of the Siberian environment. Death, disbelief and dismay are not by chance the most frequent terms in the thoughts of the characters, who feel abandoned and helpless (*bessylny*). Unlike the innerly mangled but indomitable old people of Matyora [REMONATO 2016: 251], they appear frail to the adverse blows of fate. Rasputin's spiritual legacy is called into question: as I have already observed, "Flood Zone" can be interpreted as a deconstruction of the myth of the "promised land" of the island on the Angara, but at the same time as its overcoming [see KOVTUN 2017: 84; WAWRZYŃCZAK 2018: 75–76]. The real subject treated by Senchin, in other words, may be considered the artistic representation of the disintegration of the human world [YAN 2024: 35]. This becomes particularly evident when comparing the final parts of the two works. The last night arrives, Matyora island was sanitized and finally prepared for the flooding; one is just waiting for the end, which nevertheless remains suspended due to a thick fog which mysteriously rises from the river to hide the strip of land:

Туман стоял сплошной стеной, и, катер, казалось, топтался, буксовал на месте, не в силах выбраться за нее, эту отвесную стену, снова и снова соскальзывая с ее кручи; Павел не помнил, чтобы он когда-нибудь попадал в такой туман, настолько густой и плотный, что с трудом, будто из глубокого и темного колодца, пробивалось смутное мерцание воды. [РАСПУТИН 2002: 390]

The five old protagonists who have remained to the bitter end are unable to break away from the salvific arms of the ancestral mother-island. So, the *povest* ends with an open and apocalyptic ending, *in limine* between life and death:²²

В раскрытую дверь, как из разверстой пустоты, понесло туман и послышался недалекий тоскливый вой – то был прощальный голос Хозяина. Тут же его точно смыло, и сильнее запестрило в окне, сильнее засвистел ветер, и откуда-то, будто споднизу, донесся слабый, едва угадывающийся шум мотора. [РАСПУТИН 2002: 394]

The fluid rhythm of Rasputin's language, rich in adjectives, assonances and repetitions, outlines the scene muffled by the fog with sweet tones and formal elegance.

One feels a rather different atmosphere in the final scene of "Flood Zone", which, through the circular structure of the text, underlines the triviality and absurd inherent in contemporary reality [JASTRZĘBSKA 2016a: 75]. The narrative, in fact, closes once

²² This evocative scene is rendered very effectively in the film transposition of the novel *Proshchaniye* (*Farewell*, 1983), directed by Elem Klimov (1933–2003). He shot it after the sudden death of his beloved wife, the well-known film director Larisa Shepitko (1938–1979), who had started working on the project and had written its screenplay. On the affinities between the novel and the film, see BJÖRLING 2004.

again in a cemetery:²³ the former fellow countrymen have settled among a thousand difficulties in the newly built town, in which some of them, as it had been told at the beginning of the novel, managed to have their loved ones re-buried. But fate seems to rage, since on Easter day an accident causes the collapse of the dam, and between the horror and the sarcastic disbelief of those present water invades the sacred place:

Меж холмиков, как какие-то щупальца, ползла вода. Медленно, тяжело, тратя силы и время на то, чтобы промочить, напитать сухую почву. Концы этих щупальцев словно проваливались в землю, делая ее, серовато-коричневую, почти черной, но через несколько секунд новый толчок огромного организма двигал щупальце дальше. И новая полоска земли чернела, вода исчезала, а следом уже шел новый толчок. <...>

– Алё! Алё! – кричала Валентина. – Вода идет на кладбище! Прорвало что, я не знаю... Сообщите там, поднимайте всех! Вода идет... <...>

– Вот судьба же, а! И здесь не уберегли... Довелось им хлебнуть. Эх-х... [СЕНЧИН 2015: 418]

Is it a fatal misfortune due to natural causes, or bad construction work? Whatever the answer, water manipulated by humans seems to take revenge, turning into a dark and destructive force that furiously sweeps aside what it finds on its way. In the Siberian *Waste Land* portrayed by Senchin the conflict between human beings and nature is resolved in favour of the latter: it is not the Russian village that is submerged, but, metaphorically, contemporary people as such.

References

- РАСПУТИН, В.Г. [RASPUTIN, V.G.] 2002: Прощание с Матерой // Его же: Живи и помни. Повести. Рассказы. Москва: Эксмо [Farewell to Matyora // Id.: Live and remember: Novellas and short stories. Moscow: Èksmo] 209–394. (Orig. ed. 1976; English transl. by Bouis, A. W. 1995: Farewell to Matyora. Evanston, Illinois: Northwestern University Press).
- СЕНЧИН, Р. [SENČIN, R.] 2015: Зона затопления. Москва: АСТ [Flood Zone. Moscow: AST].

- BELYAKOV 2011: see БЕЛЯКОВ 2011
- BERNEKER., E. 1908–1913: Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. [Slavic etymological dictionary. Vol. 2.]. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
- BJÖRLING, F. 2004: When the film is better than the book: Elem Klimov's *Farewell* and Valentin Rasputin's *Farewell to Matyora* // Russian Studies in Literature 40/3: 64–78.
- BOCCALETTI, G. 2022. Acqua. Una biografia [Water: A biography]. Milano: Mondadori.

²³ As further evidence of its centrality in the conceptual fabric and in the chronotope of the work, it should be noted that the term *kladbishche* “cemetery” appears 48 times in the text.

- BOYÉ, H., DE VIVO, M. 2016: The environmental and social acceptability of dams // *Field Actions Science Reports*, Special Issue 14. <https://journals.openedition.org/factsreports/4055> (Date of access 15.06.2025)
- CALABRESE, S. 2009: Il romanzo della globalizzazione [The novel of globalization] // Gregory, T. (ed.), *Comunicare e rappresentare* [Communicating and representing]. Roma: Istituto Enciclopedico Italiano Treccani 417–425.
- CAMPANELLA, S. 2015: I pericoli ecologici dell'energia idroelettrica [The ecological dangers of hydroelectric energy]. <https://www.galileonet.it/i-pericoli-ecologici-dellenergia-idro-elettrica/> (Date of access 10.06.2025)
- CAPRIOGLIO, N. 2017: Paesaggio fragile. Fiumi e dighe nella letteratura russa sovietica e post-sovietica [Fragile landscape: Rivers and dams in Soviet and post-Soviet Russian literature] // *Culture della Sostenibilità* 20: 37–47. <https://doi.org/10.7402/CdS.20.004> (Date of access 15.06.2025)
- CAPRIOGLIO, N. 2018: Покоренная природа. Коренное население и эксплуатация земли в советской и постсоветской России в романах «Прощание с Матерой» Валентина Распутина и «Зона затопления» Романа Сенчина [Conquered nature: Indigenous population and land exploitation in Soviet and post-Soviet Russia in the novels *Farewell to Matyora* by Valentin Rasputin and *Flood Zone* by Roman Senchin] // Ferro, M. C. (ed.), *Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti* [Italian contributions to the 16th international congress of Slavists]. Firenze: FUP 279–288. <https://doi.org/10.36253/978-88-6453-723-8.23> (Date of access 14.06.2025)
- CESARETTI, E., PAST, E., (ed) 2018: *Italy and the environmental humanities: Landscapes, natures, ecologies*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- CHALMAYEV 1990: see ЧАЛМАЕВ 1990
- DE LOTTO, C. 1984: Dal cosmo al caos. Il mito di Matëra [From cosmos to chaos: The myth of Matëra]. Fiesse d'Artico: La Press.
- DISCACCIATI, O. 2016: At the city gates: Roman Senchin's hell // Discacciati O., Scandura C. (ed.), *Dalla provincia remota. Riflessioni su testi della cultura russa dal XVIII al XXI secolo* [From the distant provinces: Reflections on Russian cultural texts of the 18th–21st centuries]. Roma: Edizioni Nuova Cultura 19–36.
- FASMER 2009: see ФАСМЕР 2009
- FRANZONI, D. 2020: Valentin Rasputin, l'ultimo sciamano [Valentin Rasputin, the last shaman] // Franzoni, D., *La prosa sovietica nel contesto socio-culturale dell'epoca brežneviana* [Soviet prose within the socio-cultural framework of the Brezhnev era]. Firenze: FUP 79–91. <https://doi.org/10.36253/978-88-5518-232-4> (Date of access 16.06.2025)
- GARRARD, G. 2023: *Ecocriticism*. London: Routledge. (3rd ed.)
- GLOTFELTY, CH. ET AL. (ed.) 1996: *The ecocriticism reader: Landmarks in literary ecology*. Athens and London: University of Georgia.
- IOVINO, S. 2016: *Ecocriticism and Italy: Ecology, resistance, and liberation*. London: Bloomsbury Academic.
- IVANOVA 2022: see ИВАНОВА 2022
- JACKSON, D. C. 1997: *Dams*. London: Routledge.
- JASTRZĘBSKA, K. 2016a: Депрессивная проза Романа Сенчина [Roman Senchin's depressive prose] // Chodurska et al. (eds.), *Tradycja i nowoczesność. Język i literatura Słowian Wschodnich* [Tradition and modernity in the language and literature of Eastern Slavs]. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego 72–81.

- JASTRZEBSKA, K. 2016b: Язык как зеркало сознания постсоветского человека. Проза Романа Сенчина [Language as a reflection of post-Soviet consciousness in the prose of Roman Senchin] // *Studia Litteraria Universitatis Iagellonicae Cracoviensis* 11/4: 257–266. <http://www.ejournals.eu/Studia-Litteraria/2016/Issue4/art/8813/> (Date of access 15.06.2025)
- KARPENKO–MERINOV 2013: see КАРПЕНКО–МЕРИНОВ 2013
- KOVTUN 2017, 2018: see КОВТУН 2017, 2018
- LAPCHENKO 1985: see ЛАПЧЕНКО 1985
- LEVINA 1991: see ЛЕВИНА 1991
- LEVINSKAYA, V. 2000: The place of ecological culture in civil society // Shermukhamedov S., Levinskaya, V. (eds.), *Spiritual values and social progress*. Washington D.C.: The Council for Research in Values and Philosophy 123–132.
- LIKHACHEV 1985: see ЛИХАЧЕВ 1985
- MARTAZANOV 2023: see МАРТАЗАНОВ 2023
- MINGATI, A. (ed.) 2017: *La Siberia allo specchio. Storie di viaggio, rifrazioni letterarie, incontri tra civiltà e culture* [Siberia in the mirror: Travel stories, literary reflections, and encounters between civilizations and cultures]. Trento: Università degli Studi di Trento.
- NOSONGO, N. 2022: Contro le guerre dell'acqua [Against wars for water resources]. <https://www.galileonet.it/contro-le-guerre-dellacqua/> (Date of access 18.06.2025)
- OGRYZKO 2013: see ОГРЫЗКО 2013
- PARTHÉ, K. F. 1992: *Russian village prose: The radiant past*. Princeton: Princeton University Press.
- PARTHÉ, K. F. 2021: Russian village prose in paraliterary space // McMillin, A. (ed.), *Reconstructing the canon: Russian writing in the 1980s*. London and New York: Routledge, 225–242. (1st ed.: Harwood Academic Publishers). <https://doi.org/10.4324/9781003153795> (Date of access 16.06.2025)
- PERKIÖMÄKI, M. 2021: *Imagined riverography of late twentieth-century Russian prose*. Tampere: Tampere University doctoral dissertations.
- REMONATO, I. 2010: Dallo spazio alla coscienza: il respiro del tempo nella scrittura di Valentin Rasputin [Some observations regarding the image of old age in Valentin Rasputin's work] // Tosco, P. (ed.), *Immagini di tempo: Studi di Slavistica*. Verona: QuiEdit 179–194.
- REMONATO, I. 2016: Некоторые наблюдения, касающиеся образа старости в творчестве Валентина Распутина [Reflections on the representation of old age in Valentin Rasputin's literary work] // *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich. Slavica Wratislaviensia* 163: 247–256.
- REMONATO, I. 2022: Poetics of titles: Some observations on literary translations from Russian into Italian // *Translation Studies: Theory and Practice* 2/1 (3): 38–57. <https://doi.org/10.46991/TSTP/2022.2.1.038> (Date of access 27.05.2025)
- ROTA, L. 2023: *Il miracolo delle dighe. Breve storia di una emblematica relazione tra uomini e montagne* [The miracle of dams: A brief history of the symbolic bond between people and mountains]. Cuneo: Fusta.
- RUMYANTSEV 2016: see РУМЯНЦЕВ 2016
- RYABOV 2014: see РЯБОВ 2014
- SALABÉ, C. (ed.) 2013: *Ecocritica. La letteratura e la crisi del pianeta* [Ecocriticism: Literature and the crisis facing our planet]. Roma: Donzelli.
- SAZANOV 2020: see САЗАНОВ 2020

- SCAFFAI, N. 2017: Letteratura e ecologia. Forme e temi di una relazione narrativa [Literature and ecology: Narrative forms and thematic intersections]. Roma: Carocci.
- STARIKOVA 1972: see СТАРИКОВА 1972
- TEMPORELLI, G. 2011: Da Molare al Vajont. Storie di dighe [From Molare to Vajont: A history of dams and disasters]. Genova: Erga.
- TSVETOVA, N.S. 2015: Valentin Rasputin: "What is in word, what is behind a word" // Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences, 8/7: 1443–1450. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-7-1443-1450> (Date of access 16.06.2025)
- WAWRZYŃCZAK, A. 2018: «Новый реализм» как попытка преодоления мифопоэтики традиционализма: Валентин Распутин и Роман Сенчин // Сибирский филологический форум ['New Realism' as an attempt to overcome the mythopoetics of traditionalism: Valentin Rasputin and Roman Senchin // Sibirskij filologičeskij forum] 4/4: 71–79.
- YAN, K. 2024: The artistic world of Russian New realist writer Roman Senchin. // Studies in Literature and Language 28 /1: 31–36. <http://cscanada.net/index.php/sll/article/view/13302>; <http://dx.doi.org/10.3968/13302> (Date of access 16.06.2025)
- YERSHOV 1987: see ЕРШОВ 1987
- YURYEVA 2019: see ЮРЬЕВА 2019
- ZIOLKOWSKI, M. 2020: Rivers in Russian literature. Charlottesville, VA: University of Virginia Press.
- ZHUROV 2015: see ЖУРОВ 2025
- БЕЛЯКОВ, С. [BELÂKOV, S.] 2011: Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках // Урал [Roman Senchin: An unfinished portrait at dusk // Ural] 10. <https://magazines.gorky.media/ural/2011/10/roman-senchin-neokonchennyj-portret-v-sumerkah.html> (Date of access 28.05.2025); also in ОГРЫЗКО, В. (ED.) 2013: Всё о Сенчине: В лабиринте критики. Москва: Литературная Россия [Everything about Senchin. In the labyrinth of criticism. Moscow: Literaturnâ Rossiâ].
- ЕРШОВ, Л.Ф. [ERŠOV, L.F.] 1987: Валентин Распутин и социально-философская проза 1970–1980-х годов // Русская литература [Valentin Rasputin and the socio-philosophical prose of the 1970s–1980s // Russkaâ literatura] 1: 145–155.
- ЖУРОВ, А.В. [ŽUROV, A.V.] 2015: Постскрипtum. О книге Романа Сенчина «Зона затопления» // Новый мир [Postscript: Reflections on Roman Senchin's *Flood Zone* // Novyj mir] 10: 159–160. <https://nm1925.ru/articles/2015/201510/postskriptum-6137/> (Last accessed 29.05.2025)
- ИВАНОВА, В.Я. [IVANOVA, V.Â.] 2022: Мотив возвращения родного дома в прозе Федора Абрамова и Валентина Распутина // Неофилология [The motif of returning to the parental home in the prose of Fyodor Abramov and Valentin Rasputin] // Neophilology] 8/3: 571–581. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-571-581> (Date of access 15.06.2025)
- КАРПЕНКО, И.И., МЕРИНОВ, В.Ю. [KARPENKO, I.I., MERINOV, V.Û.] 2013: Тема экологии в творчестве В.Г. Распутина // Научные ведомости, Серия Гуманитарные науки [The theme of ecology in the works of V.G. Rasputin // Naučnye vedomosti, Seria Gumanitarnye nauki] 27/20: 85–92.
- КОВТУН, Н.В. [KOVTURN, N.V.] 2017: Историоризация мифа: от благословенной Матеры к Пылево... (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) // Вестник Омского государственного пед. университета [Historicizing the myth: From the blessed Matera to Pylevo: Exploring the authorial dialogue between Valentin Rasputin and Roman Senchin // Review of Omsk State Pedagogical University] 17/4: 81–87.

- КОВТУН, Н.В. [KOVTURN, N.V.] 2018: От «Прощания с Матерой» к «Зоне затопления»: прогностический итог мифа В. Распутина о России [From the *Farewell to Matyora* to *Flood Zone*: A prognostic interpretation of Valentin Rasputin's myth concerning Russia] // Валентин Распутин: Правда памяти: материалы Всероссийской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения писателя. Иркутск: Изд-во ИГУ [The truth of memory: Proceedings of the all-Russian conference dedicated to the 80th anniversary of the author's birth. Irkutsk: Irkutsk State University] 151–167.
- ЛАПЧЕНКО, А.Ф. [LAPČENKO, A.F.] 1985: Человек и память в повестях В. Распутина // Его же: Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов (В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин). Ленинград: Изд-во Ленинградского университета [Man and memory in the stories of V. Rasputin // Id.: Man and the land in Russian social and philosophical prose of the 1970s (V. Rasputin, V. Astafyev, S. Zalygin). Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta] 14–44.
- ЛЕВИНА, М. [LEVINA, M.] 1991: Апофеоз беспочвенности // Вопросы литературы [The apotheosis of groundlessness // Voprosy literatury] 10: 3–29.
- ЛИХАЧЕВ, Д.С. [LIHAČEV, D.S.] 1985: Экология культуры // Прошлое – будущему: статьи и очерки. Ленинград: Наука [The ecology of culture] // From past to future: Articles and essays. Leningrad: Nauka. (Orig. ed.: Moskva 1979/7: 173–179).
- МАРТАЗАНОВ, А.М. [MARTAZANOV, A.M.] 2023: Диалог с В. Распутиным в романе Р. Сенчина «Зона затопления» // Мир науки, культуры, образования [A dialogue with V. Rasputin in Roman Senchin's Novel *Flood Zone* // The world of science, culture and education] 98/1: 447–449.
- РУМЯНЦЕВ, А.Г. [RUMANCEV, A.G.] 2016: Валентин Распутин. Москва: Молодая Гвардия [Valentin Rasputin. Moscow: Molodaâ Gvardiâ].
- РЯБОВ, Ю.В. [RĀBOV, Ū.V.] 2014: Переселение жителей и перенос строений из зоны затопления водохранилища Братской ГЭС // Вестник Иркутского государственного технического университета [The relocation of residents and the displacement of buildings from the flood zone of the Bratsk Hydroelectric Reservoir // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta] 6: 226–230.
- САЗАНОВ, В.В. [SAZANOV, V.V.] 2020: Экологические проблемы в современной прозе. Роман Сенчин: «Зона затопления» // Культура и текст [Environmental concerns in contemporary fiction: Roman Senchin's "Flood Zone" // Culture and Text] 44/43: 189–195. <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2020/12/189-195.pdf> (Date of access 18.06.2025)
- СТАРИКОВА, Е. [STARIKOVA, E.] 1972: Социологический аспект современной «деревенской прозы» // Вопросы литературы [The sociological aspect of contemporary "village prose" // Voprosy literatury] 7: 12–35.
- ФАСМЕР, М. [FASMER, M.] 2009: Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. 4-е издание. Москва: АСТ [Etymological dictionary of the Russian language in 4 volumes. 4th edition. Moscow: AST]. <https://lexicography.online/etymology/vasmer/m/матерой> (Date of access 17.06.2025)
- ЧАЛМАЕВ, В. [ČALMAEV, V.] 1990: Уроки «деревенской прозы» // Беляя, Г.А. и др. (ред.), История советской литературы: новый взгляд. По материалам Всесоюзной научно-творческой конференции, 11–12 мая 1989 года. Ч. 1. Москва: Наука [Lessons in "village prose" // Belaâ, G.A. et al. (eds.), The history of Soviet literature: A new perspective. Based on materials from the all-Union scientific and creative conference, May 11–12, 1989. Vol. 1. Moscow: Nauka] 3–34.

ЮРЬЕВА, О.Ю. [ŪR'ĖVA, O.Ū.] 2019: Хронотоп повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой»: этнопоэтический аспект // Проблемы исторической поэтики [The chronotope in V.G. Rasputin's *Farewell to Matyora*: An ethno-po-etic perspective // Problemy istoričeskoj poëtiki] 2/17: 289–313. <http://dx.doi.org/10.15393/j9.2019.6682> (Date of access 16.06.2025)

Online sources:

<http://vgrasputin.ru/> (Date of access 17.06.2025)

<https://ejatlas.org/conflict/hydro-power-plant-boguchanskaya/> (Date of access 16.06.2025)

<https://www.britannica.com/place/Aral-Sea> (Date of access 17.06.2025)

<https://www.hisour.com/it/ecocriticism-49390/> (Date of access 18.06.2025)

<https://www.plotina.net/> (Date of access 18.06.2025)

<https://www.plotina.net/news/boguchan/> (Date of access 17.06.2025)

Ilaria Remonato
Department of Linguistic and Literary Studies
University of Padua
Padua, Italy
ilaria.remonato@unipd.it
<https://orcid.org/0000-0001-9836-8580>

НАУЧНАЯ КРИТИКА

SCIENTIFIC CRITICISM

WISSENSCHAFTSKRITIK

Каталин НЕМЕТ

ОРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ, РИТМИЧНОСТЬ, ПОВТОР В ПРОЗЕ

**Г.Г. БАГАУТДИНОВА: ПОЭТИКА НЕРОМАННОЙ ПРОЗЫ И.А. ГОНЧАРОВА.
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, ЙОШКАР-ОЛА, 2024,
296 с. ISBN: 978-5-907622-93-7**

Ornamentality, Rhythm and Repetition of Prose

**G.G. Bagautdinova: Poetics of I.A. Goncharov's non-novel prose.
Mari State University, Yoshkar-Ola, 2024, p. 296. ISBN: 978-5-907622-93-7**

Abstract

The author of this paper takes an outlook into the relevance of G.G. Bagautdinova's book, which is undeniable and is due to many reasons indicated in the paper. First of all, it reviews the holistic understanding of I. A. Goncharov's creative path in his so-called "essay" works. The scientific novelty of the monography is analyzed point by point parallel to the constructed structure of the book. In this regard, the following little-studied and unexplored aspects are examined: framework text; cumulativeness in the aspect of folklorism; "ornamental prose"; rhythm of prose, poetics of repetition. The unconditional discoveries of the significant philological work are the conclusions in terms of the objective results achieved.

Keywords: *Goncharov's "essay" works, new poetic terminology on prose, holistic analysis*

Монография Г.Г. Багаутдиновой является основополагающей работой, в которой исследуется малознакомая область гончароведения. В своем труде автор сосредоточила свое внимание на поэтике нероманной прозы, малых и средних эпических форм творчества И.А. Гончарова. Эта тема до недавнего времени оставалась в тени и не пользовалась популярностью в сфере научного анализа. С читательской точки зрения важно и то, что автор не ограничивается лишь анализом малых и средних форм, но также рассматривает их в контексте больших эпических произведений Гончарова, таких как романы «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв», а также путевые очерки «Фрегат „Паллада“». Более того, работа Багаутдиновой предлагает новые подходы и к интерпретации последних. Следовательно, актуальность ее монографии можно объяснить и достижением более глубокого понимания единства литературных творений писателя.

Работа восполняет существующий пробел и в изучении поэтической стороны различных форм эпики, нероманной прозы Гончарова. На наш взгляд,

акцент делается на поэтико-звуковых деталях и приемах, строгий научный анализ которых становится важным шагом к более глубокому осмыслению творчества Гончарова в его прозаическом многообразии. К специфическим чертам поэтики писателя относятся такие невыявленные и неопределенные доселе элементы, как «кумулятивность», «орнаментальность», «ритмическая проза», «ритм художественной прозы» и «поэтика повтора». Согласно исследовательнице, источники этих средств многообразны: от народного устного творчества до книжных традиций в контексте творчества других писателей, эпох.

Вклад Багаутдиновой, внесенный в изучение произведений Гончарова, делает особенно ценным и то, что автор книги классифицирует и рассматривает их функции. Помимо этого, она проводит анализ и составляет типологию компонентов рамочного и главного текста, а также общие принципы поэтики нероманной прозы писателя. Введение в оборот новых терминов, таких как «полиритмическая проза» и «ритмообразующий портрет», корректирует существующие представления о гончаровских произведениях, добавляя новые аспекты в их интерпретацию. А поэтика, исследуемая автором в контексте литературной традиции, позволяет бросить более глубокий взгляд не только на текстовые структуры, но и задать необходимые вопросы о связи поэтического языка Гончарова с письменными и устными образцами.

Исследовательница также рассматривает жанровые, интертекстуальные и новые смысловые аспекты произведений писателя. Таким образом она выявляет не только принципы тексто- и смыслопорождения, функцию создания единой структуры, разные виды текстового параллелизма, но и взаимодействия текстов, в том числе с древнерусскими и нормативными текстами XVIII века. Полученные результаты не только обогащают наше представление о «поэтической» прозе Гончарова, но и закладывают прочный фундамент для теоретических исследований. Все это делает возможным также представить более полную и объективную картину творчества писателя, выявить его место в литературном процессе и оценить его вклад в развитие русской литературы.

Исследование делает целостным, вместе и разнообразным системное описание различных элементов поэтики Гончарова посредством различных методов анализа, в частности историко-литературного и интертекстуального. Многовекторный инструментарий позволяет выявить также необычные скрытые смыслы его произведений. Монография демонстрирует и успешную интеграцию статистических методов анализа с гуманитарными исследованиями, что соответствует актуальным тенденциям в формировании современной научной парадигмы. На ее основе можно не только подтвердить, но и существенно расширить имеющиеся знания в различных областях.

Наша рецензия посвящена небольшому обзору поэтической системы, используемой Багаутдиновой в разборе малых и средних эпических произведений Гончарова. Наша задача состоит в том, чтобы не только перечислить элементы и приемы поэтики писателя, рассматриваемые исследовательницей,

но и попытаться раскрыть положительные результаты и возможные недостатки этого разбора в применении к изучаемым произведениям.

Монография Багаутдиновой состоит из введения, пяти глав основной части, заключения и двух приложений. Следует отметить рациональную организацию книги: главы логично выстраиваются вокруг поставленных задач, что делает текст доступным для восприятия даже специалистам, не обладающим глубокими знаниями в области гончароведения. Предложенный план анализа нероманной прозы Гончарова оправдывает себя и потому, что в самом деле затрагивает ключевые аспекты поэтического метода писателя, которые в совокупности создают его неповторимый и уникальный стиль: «поэзию прозы». Рассмотрим каждую главу, раскрывая ее смысл и значение для понимания поэтики нероманной прозы Гончарова – от типологии заглавий до ритмической организации текста.

Центральное место в монографии занимает семантический и функциональный анализ как главных, так рамочных элементов текста. Анализ направлен на выявление типологии этих элементов, на определение того, как они используются Гончаровым для создания определенного поэтического эффекта в прозе, для подсказки читателю основной идеи или направления в понимании произведения. Так, Багаутдиновой удастся выделить определенные группы текстов, объединенные схожими принципами оформления. Исследовательница также обращает внимание на перенос характерных черт романа в малые и средние эпические формы. В таких произведениях, как например, «Иван Савич Поджабрин» (1842; 1848) или «Литературный вечер» (1880), «воплощается усложненность романа на уровне формы». Выясняется, что именно этот прием позволяет Гончарову фокусироваться на определенных аспектах темы, представив их во всей своей многогранности, а также особо распределять персонажи, организовать хронотоп, выстраивать интертекстуальные связи и модифицировать жанр.

Первые две главы детально исследуют заглавия и эпиграфы, а также кумулятивность, что знакомит читателя с важной структурной единицей произведений Гончарова. Рассмотрение функциональности рамочного текста в рассматриваемых сочинениях Гончарова, например, в «Лихой болести» (1838) или «Счастливой ошибки» (1839), доказывает их ключевую роль в восприятии произведений, поскольку они формируют именно поэтическое впечатление от сюжета. Автор книги детально рассматривает и психологические, и литературные факторы, формирующие данный механизм, и анализирует его проявление в творчестве писателя.

Во второй главе книги исследовательница среди прочего на примере «Ухи» (1891) и «Мая месяца в Петербурге» (1891) не только выявляет «кумулятивность» композиции, ситуаций и лексики, но и поднимает вопросы «фольклорной стилизации», связанные с этим поэтическим принципом. Прослеживается влияние устных форм на литературную речь и раскрываются причины появления определенных литературных приемов в прозе Гончарова. Монография предлагает интерпретацию этого феномена как важнейшего

механизма в развитии гончаровской поэтики. В монографии акцентируется внимание и на «графической поэтике», особенно ярко проявляющейся в «орнаментальной прозе» Гончарова. Геометрическая упорядоченность (см. симметрический «рисунок» вместо простого «украшения») также порождает ощущение стабильности, продуманности в произведениях Гончарова, свидетельствующей о его уникальном поэтическом мире, начиная с диалогов вплоть до ритма и словесных фигур.

Третья глава, посвященная «орнаментальной прозе» как доминирующему принципу поэтики Гончарова показывает, что элементы лейтмотивов, лексических повторов и фигуры речи формируют его стиль, т.е. исследование касается стилистических особенностей. Этот анализ предполагает также сравнение стилистических приемов с традиционными образами, сюжетами и композиционными схемами. Исследовательница считает важным установить, как использование различных стилистических фигур и тропов создает диалоги и описания, и они связаны и с общими принципами поэтики писателя. Изучаемые произведения (в частности, «Пепиньерка») писателя отличаются четкой структурой, достигаемой через такие поэтические средства, которые при этом обеспечивают системность и обладают глубоким смыслом (см. например, метафоризация образа пепиньерок, с. 124.). В результате сопоставления выясняется, что единые орнаментальные средства выполняют разные функции в нероманных и в романных жанрах Гончарова. Багаутдинова не просто перечисляет особенности стиля писателя, а подробно разбирает их, раскрывая глубинную структуру его творчества. В этой связи следует выделить еще один аспект постройки произведений Гончарова, изучаемый автором книги. Багаутдинова вводит понятие «поэтики парадигмальности» применительно к нероманной прозе Гончарова. Писателю удается создавать глубокую и многослойную поэтическую структуру в более компактных произведениях, и так достичь смысловой насыщенности.

В таком контексте автор книги изучает и ритмическую организацию, ставшую темой четвертой главы, подчеркивает значимость симметрии и ритма поэтических средств. Автор книги не ограничивается установлением наличия тех или иных ритмических конструкций, а раскрывает их функциональное значение, показывая, как ритм способствует созданию поэтической системы Гончарова. Это показано в том числе и на примере «Писем столичного друга к провинциальному жениху» (1848), например, в делении людей на людей *дурного тона* и на людей *хорошего тона* (с. 240). Принцип симметрии играет важнейшую роль в отборе материала, организации повествования, который вносит гармонию в сюжет, композицию и образы. Этот анализ приводит к выводу, что в произведениях Гончарова можно наблюдать и одновременное существование «полистилистичности» текста, т.е. различных стилистических слоев, которые взаимодействуют между собой, а также «полиритмичности». Внедрение этих понятий открывает новые возможности для переосмысления уже изученных литературоведческих аспектов данной дисциплины, предлагая свежий взгляд на традиционные подходы и интерпретации эпических форм

писателя. Это позволяет рассмотреть известные факты под новым углом зрения, выявив ранее незаметные взаимосвязи и нюансы.

Пятая глава, призванная исследовать поэтику повтора и других поэтических составляющих текста, завершает структуру монографии, связывая представленные аргументы и выводы в единое целое. Здесь демонстрируются Багаутдиновой не только отдельные аспекты поэтики Гончарова, но и изучается роль повторов на примере большой эпической формы, «Фрегата „Паллады“», а также выявляется их значение для понимания ее художественного замысла. Повторы фраз, образов и диалогов могут выполнять различные функции: подчеркивать важность определенных моментов, создавать ощущение круговорота событий, подчеркивать изменения темы. Однако специфика этих структур и ритмообразования здесь создает портретные характеристики и национальные особенности персонажей, а также рисует образ жизни различных народов. В путевых очерках кумулятивность чаще всего встречается как в диалогах, (можно сравнить с тем же в других литературных родах, например, в драме), так и в жестах людей. Кажется, эти поэтические средства помогают выявить и т.н. «восточные мотивы» в творчестве Гончарова. Исследовательница по законам структуры поднимает и вопросы интертекстуальности, металитературности и жанра, поскольку «очерковое» произведение о путешествиях представляется в похожей на роман, но более доступной для читателей синтезирующей форме. Согласно автору монографии получается, что по усложненности структуры, в том числе жанровой, малые и средние эпические формы словно бы выпадают из своей формы и тяготеют к жанру романа.

В заключении (как и в конце каждой главы) делаются выводы по проблемам, затронутым в книге, и подчеркивается связность как ключевой компонент поэтики нероманной прозы Гончарова. Багаутдинова приходит к выводу, что отличительная черта поэтики малых и средних эпических форм Гончарова заключается в сложной, игровой и многослойно структурированной форме. Оказывается, что в отличие от романов писателя, в этих произведениях благодаря таким формам и достигается связь со временем, а это позволяет раскрыть как преемственность, так и прогрессивность поэтики писателя. Подкрепление исследованию и достоверность его результатов обеспечиваются также Приложениями, в которых определяется аналитическая структура «орнаментальности» и фигуры «удвоения», а также представлена авторская терминология, относящаяся к анализу текстов.

Итак, исследование выявляет основные принципы поэтики нероманной прозы писателя, обобщив результаты анализа всех вышеперечисленных аспектов. Работа включает в себя классификацию этих определяющих факторов средств. В ней анализируются и композиционные особенности, тщательно изучается язык Гончарова, его поэтического стиля, способов создания образов персонажей, использования деталей и других изобразительно-выразительных средств. Особое внимание уделено выяснению того, как эти элементы взаимодействуют друг с другом, создавая целостную картину

поэтического мира писателя в рамках нероманной прозы. Для автора книги важна не просто констатация наличия тех или иных приемов, но и объяснение их роли в формировании смысла и поэтического эффекта. Например, как использование определенных лексических средств влияет на общее построение композиции произведения, как способствует раскрытию замысла автора, как создается психологический портрет героев и многое другое. Это позволяет более точно определить доминирующие элементы поэтической системы и более глубоко понять поэтический мир писателя.

Несмотря на высокую степень проработанности исследования, возникшие в процессе чтения вопросы требуют дополнительного внимания. Например, это касается уточнения некоторых терминов, относящихся к ритмизации и звуковым повторам в контексте работы (ср. труды В.П. Григорьева), использование рамочных конструкций, говорящих фамилий, мотивных повторов и их роли в общей поэтике Гончарова. Также пока Багаутдинова не обращается к более крупным планам, как наррация и дискурс гончаровских произведений; она намечает лишь возможные пути к раскрытию особенностей сюжетосложения, уникального характера повествования (см. от первого или третьего лица, наличия или отсутствия авторских отступлений) и т.п. Помимо этого, можно сравнить гончаровский подход к созданию таких произведений с творчеством других писателей, выделить индивидуальные черты его манеры письма и определить место его произведений в литературном контексте. Все эти моменты могут быть развиты в будущих исследованиях и не снижают ценность проведенного анализа. А эту значимость можно суммировать так.

Книга Багаутдиновой хорошо фундирована и сама определенно имеет научную новизну, поскольку исследовательница обращается к описанию «орнаментальных» средств прозы Гончарова, которые до сих пор не привлекали специалистов по творчеству писателя, а в работе они рассматриваются как системообразующие компоненты. Акцент на поэтичности в нероманной прозе Гончарова, а также анализ культурных и литературных контекстов, предоставляет читателю новые аналитические перспективы, которых так не хватало в науке о Гончарове. В этом скрывается и особая значимость работы. Тем самым намечается широкий спектр ее применения, поскольку эта книга может служить основой для изучения разных эпических форм не только у Гончарова, но и у других авторов, включая писателей XIX и позднейших веков. Разработанные методы анализа могут быть успешно интегрированы в учебные процессы по истории русской литературы, использоваться при обучении анализу поэтического текста, в том числе и на специализированных курсах. Создание авторского словаря терминов, представленного в виде приложения, значительно упрощает понимание специфической терминологии, используемой в работе, делая ее доступной для широкого круга читателей.

В целом, монография представляет собой серьезное научное исследование, имеющее как теоретическую, так и практическую ценность, и заслуживает внимания как у исследователей, так и у широкой аудитории, стремящейся к более глубокому пониманию поэтического наследия одного из величайших мастеров русской прозы.

Каталин Немет
независимая исследовательница
Будапешт, Венгрия
kiskati@yahoo.com

Ференц ВАРАДИ

«... ИЗУЧЕНИЕ ТРАВЕЛОГОВ ЧАСТО СТАНОВИТСЯ ПУТЕШЕСТВИЕМ...»

**А.Ю. СОРОЧАН: ЛИТЕРАТУРА ПУТЕШЕСТВИЙ КАК ЛИТЕРАТУРА.
МОНОГРАФИЯ. АЛЬФА-ПРЕСС, ТВЕРЬ, 2024, 254 С. ISBN: 978-5-98721-073-4**

“...studying travelogues often becomes a journey...”

**Sorochan, A.Y.: Travel Writing as Literature. Monography. Alpha Press, Tver,
2024, p. 254. ISBN: 978-5-98721-073-4**

Abstract

The present review analyzes the monograph of A.Y. Sorochan, published in 2024. The author is a philologist, a professor at Tver State University who specializes in the history and theory of literature. He defended his doctoral dissertation titled *Мотивировка в русском историческом романе 1830–1840-х гг.* [“Motivation in the Russian historical novel of the 1830s–1840s”], which focuses on a unique combination of historical and literary approaches. This monograph is thematically close to Sorochan’s dissertation and consists of three parts: in the first the author speaks generally about travel literature; the second section is devoted to works of Russian literature; and the third section contains reviews of books on travel literature. In this critical article, the specificity of historical and imagological approaches in Sorochan’s work on travel literature is analyzed.

Keywords: *travel literature, imagology, historical approach, documentary literature*

Путешествие – это путь к познанию не только самого себя, но и чужих краев, культур, историй, менталитетов и общественных слоев. С ускорением глобализации; развитием транспорта даже кругосветные путешествия стали вполне обычными явлениями в жизни современных людей. Однако еще несколько столетий назад очень важную роль играли те путешественники, которые в письменной форме рассказывали о своем опыте за границей. Благодаря им читатели, держа книгу в руках, могли узнавать о других народах, культурах, менталитетах. А.Ю. Сорочан, русский филолог, профессор Тверского государственного университета взял на себя задачу написать монографию о литературе путешествий, включая в свою книгу не только русские, но и английские, французские, испанские источники. В городе Тверь в последнее время были изданы и другие работы по этой теме, как например «Русский травелог XVIII–XX веков» [ПЕЧЕРСКАЯ И ДР. 2015] или «Русский

травелог XVIII – начала XX веков. Маршруты, топосы, жанры и нарративы» [ПЕЧЕРСКАЯ И ДР. 2016]. Видимо данное направление исследований является важным ориентиром для сотрудников Тверского государственного университета.

В книге Сорочана речь идет о литературе примерно двухсот лет; охват анализируемых произведений простирается приблизительно со второй половины XVII века до конца XIX века. Однако; в первой части монографии нет хронологической последовательности, в отличие от второго раздела монографии. Если говорить о литературе путешествий, то основная проблематика состоит в том, как определить жанр, какие именно жанровые особенности относятся к ней? Дневники, записки, путевые заметки или письма – они все могут служить для описания впечатлений о путешествиях в литературе. В современных исследованиях жанра путешествия (в работах Е.А. Стеценко, М.Г. Шадринной, О.М. Скибиной, В.А. Михайлова) также прослеживается тенденция к расширению границ жанра путешествия. Путешествие рассматривается как «собирательная литературная форма», включающая «на правах целого элементы разных жанровых образований, не делая разграничения между видами научными и художественными» [ШАЧКОВА 2008: 278]. Дело не только в самом акте путешествия, потому что в текстах разными средствами вырисовывается и личность самого автора, а на этот факт стоит обращать внимание. В теоретических работах о данном жанре почти в каждом случае акцентируется автобиографический характер рассматриваемых произведений. Авторы часто записывают свои впечатления о путешествиях в виде дневников или писем. Основными чертами текстов автобиографического характера занимается французский литературовед Филипп Лежён [LEJEUNE 2007]. У него особенно важную роль играет жанр дневника, который он противопоставляет автобиографии, отмечая, что в дневнике мир, который вырисовывается перед читателями, настоящий, автор пишет о том, что происходит с ним, или что произошло только что с ним. Дневник требует датирования, подробностей о событиях, рассказа в первом лице и одиночества автора. Русские путешественники XIX века особенно часто обращаются к этой; или близкой к ней форме писем, чтобы рассказывать о своих путешествиях.

Монография Сорочана начинается с маленькой части «От автора», в которой выражается любовь и забота автора к данной теме. По его мнению, несмотря на возможность разных подходов к литературе путешествий, в работах на эту тему главное место занимают политические, психологические или риторические аспекты. «А исследовать нужно именно литературу – что я и пытаюсь делать по мере сил на протяжении многих лет» – говорит Сорочан [СОРОЧАН 2024: 3].

Монография строится логично: ход мыслей начинается с терминологических проблем литературных публикаций, включая жанровые вопросы, а дальше речь идет о разных видах литературных путешествий – в какой именно форме проявляются произведения литературы путешествий у разных народов. При терминологическом определении автор противопоставляет термины *travelogue*

и *travel writing*, которые используются только на английском языке, хотя “travelogue” перешел в русский язык, как «*травелог*». В публикациях о литературе путешествий [как ПЕЧЕРСКАЯ 2015, ШАЧКОВА 2008] часто появляются английские и немецкие понятия, при анализе часто цитируются английские и американские произведения. Первая глава служит для того, чтобы создать терминологическую базу, на которую опирается автор в анализе, связать ее с русскими примерами, которые рассматриваются дальше. Сорочан коротко представляет широкий круг произведений, а некоторые специально предлагаются читателю. Автор акцентируется на роли книги «Кембриджский путеводитель по американской литературе путешествий» [*The Cambridge companion to American travel writing*, BENDIXEN – HAMERA 2009], которая, как и другие издания Кембриджского университета, часто встречается в исследованиях, связанных с литературой путешествий.

В первой главе, которая называется «Туда и обратно: исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки», Сорочаном в первую очередь анализируется литература путешествий при помощи упомянутого «Кембриджского путеводителя». Автор старается суммировать особенность каждой литературы путешествий; к примеру, об американской говорится как о литературе, которая помогает при формировании национальной идентичности. В связи с французской литературой Сорочан рассматривает произведение Анджелики Гудден «Мадам де Сталь. Опасное изгнание» [*Madame de Staël: The dangerous exile*, GOODDEN 2008], которое уникально как минимум по двум причинам: во-первых, главную роль в нем играет женщина, во-вторых, выражается в нем мучение изгнанницы. Для того, чтобы продемонстрировать разнообразие литературы путешествий, Сорочан использует не только работы авторов европейских национальностей (таких как англичан, шотландцев, французов, испанцев); представлены и книги постколониализма (как например работа Сьюзен П. Кастилло «Колониальные взаимодействия в текстах о Новом Свете. 1500–1786» [*Colonial encounters in New World writing, 1500–1786: Performing America*, CASTILLO 2006]). Особое внимание уделяется проблематике идентичности путешественника и города или страны в рамках имагологического подхода. При анализе важную роль играют темы местности, присутствия и отсутствия путешественника, расстояния человека от дома и окружающей среды, и тема пространства; как природного, так и урбанизированного. Возникает вопрос, что для путешественника, находящегося далеко от родного края, что означает «дом», с какими факторами связана уютность. Понятие «дома» воспринимается по-разному, автор приводит примеры: для раба рабство является домом, а для путешественника вообще это может быть и родной город, и то место, куда он направляется. Автор на этой точке подытоживает свои мысли тем, что «образ „Америки как таковой“, важный и для психоделического странника, и для убежденного расиста» [СОРОЧАН 2024: 12].

Второй раздел полностью посвящен произведениям русской литературы, но он выделяется не только этим. Во втором разделе в центр ставятся

история и имагология. «Литературная имагология, особенно сравнительная имагология, изучает происхождение и функции характеристик других стран и народов, особенно в том виде, в каком они текстуально выражены в литературных произведениях, драматургии, поэзии, литературе путешествий и эссе.» [BELLER 2007: 7]. Такими словами Манфред Бэллер характеризует ту дисциплину, о которой идет речь в этом разделе. В первую очередь Сорочан пишет о том, как воспринимаются путешественниками те страны, по которым они путешествуют. Имагологический подход особенно сильно можно испытывать при анализе записей Н.И. Греча под названиями «Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году» и «Действительная поездка в Германию в 1835 году», а также «Путевые письма из Германии, Франции и Италии», и при анализе «Отрывок дневника 1857 года» Л.Н. Толстого. Первое, анализируемое произведение Греча было написано в путешествии во время наполеоновских войн. В нем выражается пренебрежительное и презрительное отношение автора к французскому и немецкому народам, которое вписывается в риторику правительства того времени. Автор считает, что, если Греч описывает французский народ мятежным и беспокойным, то ему гораздо проще противопоставить описание политически стабильной Российской Империи. «Для построения убедительной картины мира необходим „образ врага“ – на эту роль выбраны французы» – так думает Сорочан про риторику Греча [СОРОЧАН 2024: 76]. Когда начинается обзор произведения Толстого, то акцент делается на том, что в произведениях других авторов о путешествиях XVIII–XIX веков (Н.М. Карамзин, Ф.М. Достоевский, В.А. Жуковский) Швейцария показывается как страна рабочего класса или как страна с природой небесной красоты. А Толстой в своем дневнике представляет ее; как страну салонов, гостиниц и пансионатов; именно эти места, центры общественной жизни и тогдашней интеллигенции играют большую роль в его описании, потому что в этих местах встречаются представители Просвещения.

В этом разделе также испытывается исторический взгляд на путевые записи. Сначала автор дает нам исторический обзор тех событий, о которых говорится в анализируемых произведениях. Рассказывается, например, о наполеоновских войнах, чтобы связать с ними произведение Греча. В данном разделе анализируются как и произведения о путешествиях, так и произведения, которые содержат в себе вымышленные элементы. Я думаю, что в этой части Сорочан занимается текстами скорее как историк, а не как литератор. Он не просто описывает предысторию исторических событий или процессов, но и комментирует их. В этом, втором разделе, как и в первом, появляются термины «колониальность – постколониальность». В связи с ними анализируются произведения, которые были написаны при военном походе против Хивинского ханства, а именно тексты В.И. Даля – «Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова» и «Письма к друзьям из похода в Хиву». По мнению Сорочана, хотя в центре внимания находится завоевательная деятельность, она все же завершается,

оставляя после себя не только воспоминания, но и письменные свидетельства. Таким образом, произведения о путешествиях превращаются в настоящее путешествие во времени.

Прежде чем перейти к конкретному анализу содержания главы «Маргиналии», важно уточнить, что означает ее название. История упомянутого понятия насчитывает несколько столетий, оно обозначает именно сноски, заметки, сделанные на страницах во время чтения. Термин предполагает, что все рецензии в этом, третьем разделе – это в основном цитаты из всей литературы путешествий, с некоторыми дополнениями от Сорочана, или, если рассматривать монографию в целом, это рекомендации, которые следует учитывать в планируемом исследовании. «Здесь важны не столько отдельные замечания, сколько общее представление о развитии научной мысли, об интересах исследователей, о решенных и нерешенных проблемах...» [СОРОЧАН 2024: 4] – такова задача, поставленная автором перед рассматриваемым разделом. В этом разделе объем рецензий в среднем 5–7 страниц, самая длинная – рецензия на книгу Э.Ф. Шафранской «Туркестанский текст в русской культуре: колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий)», а самая короткая – обзор исследования Э. Лин «Антарктида в художественной литературе: образные повествования о далеком юге» [*Antarctica in fiction: Imaginative narratives of the far south* by Elizabeth Leane]. Важно отметить, что Сорочан в данной главе дает читателю широкий обзор специальной литературы темы, которая стоит в фокусе рецензируемой статьи. На мой взгляд об этом разделе можно сказать, что он особенно полезен в том случае, если читатель, перед тем как начать свое исследование, хочет познакомиться с научным мышлением, с его развитием, даже найти основную тему для своей работы.

Вместо настоящего заключения Сорочан выбрал специфический способ подытожить важные мысли своей монографии: он суммирует основные выводы своей работы в шести пунктах. Этому разделу он дал название: «Вместо заключения». С одной стороны, его можно считать коротким суммированием, поскольку всего на двух страницах он излагает суть собранных им трудов в легко читаемой форме. С другой стороны, учитывая, что объем самой монографии – почти 300 страниц, эти две финальные страницы представляют собой очень слабое заключение для столь большого объема письменных материалов. Таким образом, «Вместо заключения» может рассматриваться скорее как упрощенный план исследования, чем реальное заключение.

Стиль большинства частей данной монографии научный, автор действительно сформировал свой текст для студентов, аспирантов, исследователей и преподавателей университетов. Те главы, в которых анализируются произведения авторов русской литературы, наверно понятны даже для читателя, незнакомого с темой. Часто встречаются выражения или именно понятия иностранного происхождения, но учитывая то, что они считаются общепринятыми по теме литературы путешествий, этот факт не удивителен. Сорочан цитирует

произведения и литературные, и научные, в самом большом количестве появляются цитаты в главе «Маргиналии», которая состоит из рецензий. Цитаты из английских произведений переведены на русский язык. Некоторые абзацы повторяются в разных главах, их повторение может свидетельствовать о невнимательности редактора, или о том, что Сорочан хотел акцентировать их смысл, который усиливается с повторением. Тут идет речь, например, об абзаце, в котором описывается вопрос идентичности; идентичности не только путешественника, но и места, куда едет путешественник (ср. с. 14 и 65). Я хотел бы отметить, что, на мой взгляд, эта монография кажется неровной работой, что может быть связано с тем, что она охватывает большое количество произведений литературы путешествий и специальной литературы или большой промежуток времени. Но я хочу акцентировать и тот факт, что второй раздел, особенно его подглавы о Толстом и Грече, по моему мнению, являются лучшей частью данной работы. Монографию Сорочана рекомендую продвинутым читателям, ученым, занимающимся литературой путешествий, потому что на мой взгляд, ее итоги и замечания актуальны и сегодня.

Литература

- BELLER, M. 2007: Perception, image, imagology // Beller, M., Leerssen, J. (eds.), *Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters*. Amsterdam – New York: Rodopi 3–16.
- BENDIXEN, A. – HAMERA, J. (eds.) 2009: *The Cambridge Companion to American Travel Writing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- CASTILLO, S. 2006: *Colonial Encounters in New World Writing, 1500–1786: Performing America*. London: Routledge.
- GOODDEN, A. 2008: *Madame de Staël: The Dangerous Exile*. Oxford: Oxford University Press.
- LEJEUNE, P. 2007: Le journal comme « antifiction » [The diary as “anti-fiction”] // *Poétique* 2007/1: 3–14.
- THOMPSON, C. 2007: *The Suffering Traveller and the Romantic Imagination*. Oxford: Clarendon Press.
- YOTHERS, B. 2007: *The Romance of the Holy Land in American Travel Writing, 1790–1876*. Aldershot: Ashgate.
- ПЕЧЕРСКАЯ, Т.И. [PEČERSKĀĀ, T.I.] и др. (ред.) 2015: *Русский травелог XVIII–XX веков*. Новосибирск: Изд-во НГПУ [Russian travelogue of the XVIII–XX centuries. Novosibirsk: Izd-vo NGPU].
- ПЕЧЕРСКАЯ, Т.И. [PEČERSKĀĀ, T.I.] и др. (ред.) 2016: *Русский травелог XVIII–XX веков. Маршруты, топосы, жанры и нарративы*. Новосибирск: Изд-во НГПУ. [Russian travelogues of the XVIII–XX centuries: routes, toposes, genres and narratives. Novosibirsk: Izd-vo NGPU].
- СОРОЧАН А.Ю. [SOROČAN A.Ů.] 2024: *Литература путешествий как литература. Монография*. Тверь: Альфа-Пресс [Travel writing as literature. Monography. Tver: Alfa-Press].
- ШАФРАНСКАЯ, Э.Ф. [ŠAFRANSKĀĀ, È.F.] 2016: *Туркестанский текст в русской культуре. Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий)*. Санкт-Петербург: Свое издательство [Turkestan

text in russian culture: Colonial prose of Nikolai Karazin (Historical-literary and cultural-ethnographic commentary). Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo].

ШАЧКОВА, В.А. [ŠAČKOVA, V.A.] 2008: «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского [Travelogue as a genre of fiction: Theoretical issues // Vestnik Nižgorodskogo universiteta im. N.I. Lobačevskogo] 3: 277–281. <http://cyberleninka.ru/article/n/puteshestvie-kak-zhanr-hudozhestvennoy-literatury-voprosy-teorii> (Дата обращения: 10.03.2025).

Ференц ВАРАДИ
Институт славистики
Дебреценский университет
Дебрецен, Венгрия
varadi.ferenc@arts.unideb.hu

Марк МУРАНИ

**ОТ ГРИГОРИЯ НИССКОГО ДО БОРИСА АКУНИНА И ЕВГЕНИЯ
ВОДОЛАЗКИНА – И ДАЛЬШЕ**

**„MILYEN NYELVET ALKOTTAM S BESZÉLTEM?” NYELVI JELENLÉT.
TANULMÁNYOK A NYOLCVANÉVES KOVÁCS ÁRPÁD TISZTELETÉRE. SZERK.
MOLNÁR ANGELIKA, NOVÁNYI MÁRTON [«ЯЗЫК, КОТОРЫЙ Я ИСПОЛЬЗОВАЛ
И ДЕЛАЛ»: ЯЗЫКОВОЕ ПРИСУТСТВИЕ. СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В ЧЕСТЬ
80-ЛЕТИЯ АРПАДА КОВАЧА.**

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. МОЛНАР, М. ХОВАНИ]. ELTE EÖTVÖS JÓZSEF
COLLEGIUM, BUDAPEST, 2024, 416 o. ISBN: 978-615-5897-67-2**

From Gregory of Nyssa to Boris Akunin and Eugene Vodolazkin – and Beyond

**“the language, which I spake and fram’d”: Linguistic Presence: Collection
of Academic Papers in Honour of Árpád Kovács’s 80th Jubilee. Edited
by A. Molnár, M. Noványi. ELTE Eötvös József Collegium, Budapest, 2024, p.
416. ISBN: 978-615-5897-67-2**

Abstract

This review presents the Festschrift published in honour of Professor Árpád Kovács’s 80th birthday. Professor Kovács is an eminent Hungarian scholar, whose research on Russian Literature (mainly on F. Dostoevsky’s oeuvre) and innovations in Literary theory are well-known, respected and followed by the Slavic Studies specialists throughout the world. The presented volume consists of 30 papers written by Professor Kovács’s friends, colleagues and admirers. The volume, considering the high standard and innovative approach of each paper, is undoubtedly worthy of Professor Kovács’s legacy and represents that unique approach to the literary texts which he devised during his career.

Keywords: *literary theory, discursive poetics, comparative literature, Slavic studies in Hungary, Dostoevsky*

Профессор Арпад Ковач – выдающийся деятель венгерской и международной русистики, член общественного органа Венгерской академии наук (1997 г.), учредитель докторской программы «Русская литература и литературоведение – компаративистика» при Филологическом факультете будапештского университета ELTE (1994 г.), руководитель десяти успешно защищенных кандидатских диссертаций, автор более чем ста пятидесяти самостоятельных научных работ, вышедших в период 1968–2024 гг., в том числе автор шести

монографий, редактор и соредатор более двадцати научных сборников и хрестоматий. Литературоведам представлять его имя не нужно: деятельность Арпада Ковача пользуется широкой известностью, его имя признано среди специалистов в области славистики, русистики и литературоведения во всем мире.

В настоящем сборнике, выпущенном издательством Коллегии им. Йозефа Этвёша в Будапеште под редакцией Ангелики Молнар (Дебреценский университет) и Мартона Ховани (ELTE), коллеги, ученики и друзья со всего мира поздравляют профессора Ковача с 80-летием. Сборник этот является не только фestsрифтом – в исследованиях учеников и последователей юбиляра обнаруживается наследование того уникального подхода к изучению поэтического текста, который вырабатывал профессор Ковач в течение всей своей преподавательской и исследовательской деятельности. Поэтому особенно меткой оказывается цитата из «Божественной комедии», включенная в название сборника: в трудах профессора Ковача центральное место занимает внимание к языку произведений, и, созвучно этому принципу, работы настоящего сборника демонстрируют рефлексии авторов на развитие и обновление языка какого-либо дискурса или создание нового языка.

Сборник, насчитывающий 416 страниц, включает в себя 30 статей, написанных на венгерском, русском и английском языках. Темы исследований отражают главные научные интересы юбиляра: многие из них посвящены проблемам русской литературы XIX века, в частности творчества Федора Достоевского, но представлены также работы по русской литературе XVIII и XX веков и современности, мировой литературе, философии, эстетике, этике и теологии. Можно предположить, что принадлежность исследований к столь разным областям представила нелегкую задачу структурирования издания редакторам, но благодаря их находчивости в оглавлении сборника вырисовывается совершенно логичное построение. На первые места были поставлены статьи Валерия Тюпы, Ивана Верча и Габора Ковача, которые – в этом порядке – занимаются эстетикой, этикой и основанной профессором Ковачем дискурсивной поэтикой. После этого блока следует большинство работ, которые стоят в порядке культурно-исторических периодов, которым они посвящены. Таким образом, работа Мартона Ховани, посвященная раннесредневековой теологии, стала первой в этом блоке, а исследование Романа Бобрыка о романе современного писателя Евгения Водолазкина – последним. Этот большой блок тоже можно разделить на меньшие единицы, согласно перечисленным выше темам. Последняя часть состоит из двух трудов, а именно вторых публикаций редакторов (так как оба редактора опубликовали в сборнике по две работы в честь юбиляра).

В начале сборника в коротком предисловии редакторы благодарят издательство Коллегии им. Йозефа Этвёша и, в частности, ее директора Ласло Хорвата за то, что он взял на себя дело юбилея профессора Ковача. Следует упомянуть, что Коллегия является важным местом в карьере юбиляра, поскольку он именно в ее стенах начал свою деятельность, в результате

которой была создана его научная школа. После предисловия следуют две лаудации, в которых Иштван Фрид и Валерий Тюпа говорят о внесенном профессором Ковачем вкладе в венгерское и российское литературоведение и выражают благодарность за его деятельность.

О работах, составивших этот юбилейный сборник, скажем в порядке их расположения.

Валерий Тюпа посвящает свое исследование рассмотрению влияния общества потребления на эстетическое восприятие литературы, сопоставляя пути порождения, функции и цели шедевров и бестселлеров. Тюпа придерживается того мнения, что настоящее искусство направлено не на вызывание удовольствия, а на удовлетворение духовных потребностей. Аргументация автора статьи ясна и убедительна и заставляет задуматься над вопросом литературного канона.

Иван Верч пишет об этической стороне литературы и ее актуальности в литературоведении XX века: он утверждает, что вопрос об этике был отодвинут на задний план из-за того, что современное литературоведение отдает предпочтение эстетическим и когнитивным ценностям произведений. С автором статьи, несомненно, можно согласиться, его подход способен открыть новые, неожиданные результаты в изучении художественных произведений.

Габор Ковач, исходя из теории текстового субъекта дискурсивной поэтики, представляет новый субъектопорождающий уровень на примере новеллы Альберто Моравии *L'amicizia* («Дружба»), который он называет «двойникорождением»: в статье представлено, как создается параллельный нарратив главного героя новеллы с используемой им оловянной трубой, т.е. каким образом эта труба становится его «двойником». Этот анализ демонстрирует актуальность и перспективность подхода профессора Арпада Ковача, поскольку в нем не только применяется, но и расширяется аппарат дискурсивной поэтики.

Мартон Ховани в своей первой статье сравнивает значение концепта *cupio/epithymia* («желание») в текстах Августина Иппонийского и Григория Нисского, предлагая новый подход. Из его занимательного и убедительного изложения выясняется, почему было бы более уместным предпочесть толкование этого концепта Григорием Нисским толкованию Августином Иппонийским в теологии наших дней: по мнению Григория, *cupio* в конечном счете превращается в любовь, и таким образом осуществляется высшая степень человеческой и божественной связи.

Игорь Пильщиков посвящает свой труд описанию пути послания (эпистолы) и родственных ему жанров (сатира, элегия, героиды, легкое дружеское послание) в западноевропейской и русской литературах. Автор статьи при своем изложении касается произведений множества авторов, подробно описывая тематические и стихотворные особенности посланий каждого из них. Ценность этой работы заключается в том, что, несмотря

на ее маленький объем, в ней четко, детально и целостно представляется «жизненный путь» выбранного жанра.

Каталин Кроо на примере шедевров классиков русской литературы XIX века предлагает новый подход к концепту бинарных оппозиций, доказывая, что дихотомические определения, высказанные героями произведений, всегда оказываются неудовлетворительными для интерпретации атрибутов или ситуаций. Исходя из этого наблюдения Кроо проводит краткий анализ «Демона» Михаила Лермонтова. Инновативный новый подход Кроо заставляет читателя ждать продолжения анализа, в то же время он способен открыть перспективы для новых прочтений классики.

Янош Шелмеци занимается циклом «Senilia» Ивана Тургенева, задаваясь вопросом, какие именно причины вызвали появление формы/жанра стихотворения в прозе в творчестве автора. Шелмеци представляет главные особенности приемов речи и мотивные образы данного жанра, и приходит к выводу, что в цикле «Senilia» Тургенев обновил язык приближения смерти. Ценность настоящей статьи, подобно работе Пильщикова о послании, заключается в том, что она дает подробный, вместе с тем компактный обзор определенного жанра.

Михаил Отрадин анализирует поэтику шестой главы второй части романа Ивана Гончарова «Обыкновенная история», которую Виссарион Белинский назвал «испорченной». Отрадин доказывает обратное, подчеркивая, что Гончаров намеренно построил эту главу на эффекте неожиданности, и что историю главного героя можно интерпретировать как особенный вариант евангельской притчи о блудном сыне. Итак, ценный анализ Отрадина проливает свет на настоящую функцию и смысл «неправильно понятой» современниками части произведения Гончарова, придавая новую интерпретацию роману как целому.

Работа Константина Баршта открывает ряд трудов, посвященных творчеству Достоевского. Баршт в связи с мыслью Ивана Карамазова о страданиях невинных детей указывает на то, что Белинский изложил в высшей степени подобную мысль в своем письме Василию Боткину, но не существует доказательства тому, что он говорил или писал об этом и Достоевскому. Захватывающий анализ Баршта является ценным документом исследования прототипов, поскольку, в конечном счете, вопрос Баршта можно переформулировать и так: является ли Белинский прототипом Ивана Карамазова.

Слободанка Владив-Гловер на основе «Записок из мертвого дома» предлагает новое прочтение произведений Достоевского в свете философии Фридриха Гегеля, утверждая, что этот роман однозначно отражает гегелевскую концепцию человечности из «Философии права». Аргументация автора статьи и приведенные цитаты убеждают читателя в том, что этой нераскрытой областью достоевсковедения действительно стоит заниматься.

Антонелла д'Амедия представляет итальянские инсценировки произведений Достоевского и их рецепцию в течение XX века, подробно излагая социокультурный контекст каждой адаптации и причины их успеха или

провала. Д'Амедия приводит множество адаптаций из первой половины века, но лишь одну из второй половины, и только из конца века. В связи с этим выразим надежду на то, что Д'Амедия одну из своих дальнейших публикаций посвятит не рассмотренным в настоящей работе адаптациям.

Чаба Хорват в своем эссе проводит опыт, в рамках которого сплавляются бахтинские концепции полифонии и карнавализации, и в этом свете анализирует героев «Преступления и наказания». Его блестящее эссе служит доказательством того, что в рамках этого жанра тоже возможно выдвинуть сложные научные вопросы, и оно заставляет читателя ждать полного изложения выдвинутой проблемы в форме объемного научного труда.

Темой статьи Эржебет Ч. Йонаш тоже является «Преступление и наказание»: она сравнивает новый венгерский перевод романа (2015 г.) с предыдущим – и самым распространенным среди читателей – вариантом (1958 г.). Ч. Йонаш приходит к выводу, что новый перевод вернее отражает и оригинал Достоевского, и сегодняшнее состояние венгерского языка. Ее анализ, несмотря на его краткость, улавливает существенные аспекты названных двух переводов, и открывает перспективу для их дальнейшего изучения.

Геза Ш. Хорват на примере романа «Идиот» демонстрирует поэтическую функцию изображения письма, рукописи, каллиграфии и акта писания в творчестве Достоевского. Исходя из этого, Ш. Хорват обнаруживает важные связи романа с Дон-Кихотом и приговоренным к смерти героем Виктора Гюго. Работа Ш. Хорвата указывает на богатый художественный мир Достоевского, а также на его диалог с мировой литературой.

Гергей Шолти тоже пишет об «Идиоте»: он предлагает новую интерпретацию мотива красоты в романе. Шолти обращает внимание на изображение «необычайной» красоты, которая, с одной стороны, подчеркивает как раз отличие образа Мышкина от Христа, а с другой стороны, связывается с проблематикой познания. Работа Шолти предупреждает о том, что в художественном мире романа все не то, чем кажется на первый взгляд, поэтому нельзя принимать самую простую интерпретацию – в этом и заключается перспективность настоящего подхода.

Произведениям Льва Толстого посвящаются две статьи сборника. Золтан Хайнади пишет об особенностях поздних произведений писателя, выделяя центральный мотив душевной метаморфозы и противоположность законченности и завершенности. В этом отношении, Хайнади дает успокоительный ответ на вопрос каноничности произведений Толстого: по его мнению, данный вопрос оказывается не нерешимой проблемой, а достойным глубокого внимания аспектом творческой поэтики писателя.

Ангелика Молнар занимается повестью «Смерть Ивана Ильича». Молнар утверждает, что центральная тема повести – проблема названия вещей (в частности: смерти), и в связи с этим обращает внимание на такой авторский прием, когда слова, обозначающие болезнь Ивана Ильича, соотносимы также с семантикой судебного дела. Наблюдения Молнар освещают тему отношения

Толстого к поэтическому слову, вместе с тем убедительно доказывают, каким путем создается в повести новое слово любви и жизни.

Каталин Х. Вег пишет о порождении подтекстов в пьесе Антона Чехова «Чайка», выделяя способы их порождения, в том числе интертекстуальность, столкновение метакоммуникации с речью, и поэтику пространства. Таким образом, Х. Вег представляет широкий диапазон особенностей чеховской поэтики в свете единого организующего принципа, и ее наблюдения выделяют существенные черты драматургии Чехова.

Леонид Геллер сопоставляет романы «Творимая легенда» Федора Сологуба и «Занони» Эдуарда Бульвера-Литтона, исходя из высказывания Сологуба, что он «обокрал Бульвера». Геллер в самобытном стиле излагает свой подробный анализ, и приходит к выводу, что «кража» Сологуба ограничивается лишь указанием на интертекст. Его работа, подобно статье Ш. Хорвата, подчеркивает активный диалог русской литературы с мировой.

Наталья Фатеева подвергает анализу роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», проливая свет на новые особенности его поэтики, которые тесно связаны с поэтичностью данного текста. В центр внимания ставится символика звуков «а–у», которые Фатеева называет «влажными звуками», потом, во второй части работы она уделяет внимание некоторым пушкинским мотивам. Статья Фатеевой свидетельствует о сложности текста «Доктора Живаго», при этом доказывает неотделимость прозаических произведений Пастернака от поэзии.

Иштван Надь анализирует «Повесть о Сонечке» с помощью концепта эпифании лица, принадлежащего философу Эммануэлю Левинасу. Надь проводит свой анализ таким образом, что параллельно читает произведение Марины Цветаевой и размышления Левинаса, раскрывая таким образом скрытые смыслы, закодированные в изображении лиц трех главных героев. Этот метод оказывается несомненно убедительным, в то же время – подобно работе Владива-Гловера – указывает на продуктивность совместного прочтения философских текстов с литературными*.

Корнелия Хорват прослеживает представления о слове как таковом в восприятии поэта-акмеиста Осипа Мандельштама, и, в связи с этим, исследует соприкосновения мыслей поэта со взглядами других мыслителей и литературоведов, в том числе Михаила Бахтина, Фердинанда де Соссюра, Вильгельма фон Гумбольдта, Платона, Александра Потебни и Мартина Хайдеггера. Хорват подчеркивает, что Мандельштам является малоизвестным автором в венгерском литературоведении, но ее исследование доказывает, что он достоин большего внимания.

* Отдаем дань уважения отставному габил. доценту ELTE, кандидату фил. наук Иштвану Надю, ушедшему из жизни незадолго до подачи настоящей рецензии, 11 марта 2025 г. Его статья, которая включена в настоящий сборник, представляет собой одну из его последних опубликованных работ.

Золтан Херманн в своем эссе рассматривает отношения между Сталиным и Михаилом Булгаковым через призму произведений автора о Мольере. Херманн указывает на трудное положение Булгакова, выделяя автобиографические аллюзии в пьесе «Кабала святош» и представляя обстоятельства создания биографии Мольера вместе с ее восприятием цензурой. Хотя эта работа является не литературоведческим анализом и по большей части опирается на общеизвестные факты, она верно отражает и глубоко осмысляет отношения между властью и искусством в данную эпоху.

Жофия Силади пишет о том, как Жигмонд Мориц вступает в диалог с русской литературой через свою военную новеллу „Unalmas nap a fronton, mely váratlanul érdekesen végződik, vagy Árgirus és Tündér Ilona” («Скучный день на фронте, который вдруг интересно заканчивается, или Аргирюш и Фея Илона»¹). Силади указывает на появление архетипических образов русской литературы в произведении Морица, и ее работа в целом свидетельствует о том, что венгерские читатели рубежа XIX–XX веков, в том числе и Мориц, уже хорошо знали и понимали архетипические образы русских классиков.

Дёрдь Эйземанн анализирует «Дуинские элегии» Райнера Марии Рильке как способ языкового сообщения. В центр внимания ставится мотив ангела, который выступает в роли посредника – таким же образом, как сам язык. Эйземанн убедительно представляет, как переплетаются в мотиве ангела свет и звук, слух и зрение, ужас и красота, выделяя инновативность и сложность художественного мира настоящего цикла Рильке.

Иштван Ладани рассматривает центральную проблему прозы Данило Киша: травму телесного отсутствия и неудачу повествования. Из его статьи выясняется, что телесное отсутствие у Киша обозначает не только смерть, но и тотальное исчезновение человека, а неудача повествования заключается в том, что потерянных, исчезнувших людей невозможно точно восстановить в памяти. Таким образом, в центре внимания Киша стоит проработка травмы, и анализ Ладани с помощью метких примеров ясно передает эту особенность.

Кристиан Бенёвски пишет о специальной обложке сборника новелл словацкого автора Даниела Майлинга *Ruzká klazika* («Русская клазика»²) и сопоставляет с ней обложки чешского, венгерского и польского переводов книги. Можно сказать, что его интересный анализ выворачивает наизнанку поговорку «не суди книгу по обложке», поскольку он как раз описывает то необычайное явление, когда внешнее оформление книги играет существенную роль в ее интерпретации.

Роман Бобрык пишет о романе Евгения Водолазкина «Авиатор», представляя путь главного героя романа Иннокентия Платонова к узнаванию его забытого прошлого. По мнению Бобрыка, дневники являются способом реконструирования потерянной памяти, но центральная травма жизни Платонова (то, что

¹ Заглавие произведения переведено рецензентом.

² Заглавие книги – намеренное лингвистическое искажение словацкого автора; русский перевод выполнен рецензентом.

он убил кого-то) раскрывается не в дневниках, а с помощью искусства, поскольку оно представляет собой язык невыразимого. Рассуждение автора полностью убедительно, и, подобно работе Ладани о творчестве Киша, наглядно передает интерес Водолазкина к проблеме проработки травмы.

Ангелика Молнар в своей второй статье рассматривает нарративные стратегии и дискурс романа Бориса Акунина «Пелагия и черный монах». Автор особенное внимание уделяет сменам точек зрения, речи героев и трансформации метафор. Из итогов статьи выясняется, что обновление Акуниным жанра детектива заключается в том, что в нем расследуется и разоблачается не только преступление, но и язык, литература и способ ее интерпретации. Анализ, представленный в работе, тщателен, и убедительно соединяет разные уровни текста в единую интерпретацию.

Мартон Ховани в своей второй статье занимается взаимовлиянием изображения лимба в «Божественной комедии» и мыслей теолога Ханса Урса фон Бальтазара о лимбе. По мнению автора статьи, фон Бальтазар именно на особенном дантовском изображении лимба базировал свой тезис о распространении спасения на всех людей в измерении надежды, и этот тезис, в свою очередь, увеличивает значительность лимба в художественном мире «Божественной комедии». Работа Ховани является ярким примером диалогичности литературы и теологии.

Сборник завершается табулой гратуляторией и библиографией научных работ Арпада Ковача.

В заключение отметим, что настоящий сборник оказался действительно достойным продолжением традиции профессора Ковача. Этой оценки он заслуживает по причине чрезвычайно высокого уровня предлагаемых работ, каждая из которых по-своему инновативно решает поставленные вопросы, выдвигает новые теоретические проблемы или аспекты творчества авторов русской и мировой литературы.

Марк МУРАНИ
Университет им. Лоранда Этвеша (ELTE)
Будапешт, Венгрия
muranyi.mark@btk.elte.hu
<https://orcid.org/0009-0000-5081-4908>

Нарцис ГАЙДОШ

НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН

**АННАМАРИЯ ВАШШ: ДОЛОЙ СОЦРЕАЛИЗМ – ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ПОСТМОДЕРНИЗМ! СМЕНА ПАРАДИГМЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
В КОНЦЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ. DEBRECENI EGYETEMI KIADÓ, DEBRECEN, 2024,
184 o. ISBN: 978-963-615-163-8**

On the Threshold of Change

**Annamária Vass: Down With Socialist Realism – Long Live Postmodernism!
Paradigm Shift in Russian Literature in the Second Half of the 1980s.
Debrecen University Press, Debrecen, 2024, p. 184. ISBN: 978-963-615-163-8**

Abstract

The review examines a new book by Hungarian researcher Annamária Vass on paradigm shift in Russian literature. The volume analyses in detail the literary and cultural changes that began in the mid-1980s, shedding light on how socialist realism was transformed into postmodernism. Annamária Vass focuses on understanding the characteristics of postmodernism and provides a fascinating historical overview of how socialist realism gradually lost its dominance. By analysing the works of Yevgeny Popov and Vasily Aksyonov demonstrate the specific characteristics of postmodern literature. The volume provides an excellent overview of this chaotic period of Russian literature.

Keywords: *socialist realism, postmodernism, paradigm shift*

Книга, вышедшая в рамках серии «Русский постмодерн» издательства Дебреценского университета, представляет собой переработанный и дополненный вариант докторской диссертации молодого слависта Аннамарии Вашш. В книге автор дает глубокий анализ литературных изменений и культурных процессов, происходивших в России с середины 1980-х до 2000-х годов. Интерес к этому периоду обусловлен не только политическими и социальными изменениями, но и тем, как они отразились в искусстве – прежде всего в литературе. Для понимания и анализа этих процессов автор обращается к русской литературной сцене 1986–1995 годов, рассматривая, с одной стороны, русскую художественную прозу, а с другой – критические статьи и монографии.

Социалистический реализм – единственный официально признанный литературный стиль, навязанный властями на протяжении десятилетий.

В этот период он наконец-то начинает терять свою доминирующую роль, и в литературе начинают ощущаться отголоски свободы. Процесс этот был стремительным и довольно хаотичным: на читателей одновременно обрушился поток ранее не опубликованных и запрещенных произведений. О хаотичности происходящего свидетельствует один пример, приводимый автором. В 1979 году инициаторы неподцензурного литературного альманаха «Метрополь» были исключены из Союза писателей, но менее чем через десять лет, в 1986 году, их произведения стали публиковать в «толстых литературных журналах», а к концу 1990-х годов они стали самыми известными русскими постмодернистскими авторами.

Анна Мария Вашш считает, что литературные изменения этого периода по праву можно назвать сменой парадигм. Если раньше в журналах можно было найти только официальные советские произведения, то уже с 1986 года можно обнаружить ранее запрещенные произведения, написанные в позднюю брежневскую эпоху. Автор не ограничивается лишь описанием структуры в этом «хаосе смены парадигм», но также пытается понять и охарактеризовать литературные процессы, в которых социалистический реализм сменяется постмодернизмом.

Цель книги – продемонстрировать деконструкцию социальных культурных форм и пролить свет на основные черты новой постмодернистской эстетики. Для углубленного изучения этой проблематики автор ставит перед собой следующие четыре задачи, которые она намерена решить в книге: 1. Анализ трех толстых литературных журналов («Вопросы литературы», «Знамя» и «Новый мир») с 1986 по 1992 год; 2. Обзор описания русского постмодернизма в трех разных периодах: в восьмидесятые, девяностые годы и в наши дни; 3. Исследование становления новой эстетики в альманахе «Метрополь»; 4. Анализ трех произведений, опубликованных составителями альманаха на родине с 1985 по 1995 год: «Накануне накануне» (1993), «Душа патриота, или Различные послания Ферфичкину» (1994) Евгения Попова, а также «Остров Крым» (1990) Василия Аксёнова.

Исследование показывает серьезную трансформацию, которая происходит в литературной жизни восьмидесятых. Автор подробно описывает, как подвергаются переоценке прежние литературные схемы с эстетической, нравственной и исторической точек зрения, и делает акцент на том, как критические дискуссии сосредоточены на формировании новых литературных парадигм. Для того чтобы проследить, как происходили эти процессы, автор подвергает анализу такие литературные журналы, как «Новый мир», «Знамя» и «Вопросы литературы». Хотя автор не вдается в подробный анализ произведений, опубликованных в этих журналах, нам представляется, что ей удастся показать, как возникают изменения литературной схемы этого периода. В период перемен встает вопрос о том, что делать со «старой» литературой – социалистическим реализмом, который стал привычным и устоявшимся за десятилетия.

Для понимания изменения этого периода автор сосредоточивает свое внимание на полемике между критиками, стараясь детально продемонстрировать крайние различия во мнениях о функции и сущности литературы. Здесь акцент делается на том, что остаются те, кто считает важным сохранить все, что считается «достойным», и на том, что не все направления должны быть отвергнуты. Между тем во второй половине 1980-х годов, как известно, понятие соцреализма полностью исчезло из прогрессивных журналов. Некоторые критики все же настаивали на сохранении социального аспекта литературы, утверждая, что ее главная цель не что иное, как служение обществу. Другие, однако, сосредоточились на эстетических функциях литературы. Это не случайно: например, по мнению М.Н. Липовецкого, после доминирования критериев, навязанных властью искусству, возникает «тоска по эстетике», которое также вносит большой вклад в становление новой парадигмы (с. 24). Кроме того, Аннамария Вашш подчеркивает мысль Виктора Ерофеева в его эссе «Поминки по советской литературе» о том, что «... из соцреализма невозможно сохранить ничего: ни идейной направленности, ни контекста, ни выражения морали, ни даже социального фона» (с. 19–20).

Автор даже затрагивает тему т.н. «разоблачительной литературы», которая начинает публиковаться в это время. В книге подробно описаны и проиллюстрированы споры и различные мнения, возникшие вокруг этого ранее запрещенного литературного направления. Хотя разоблачительная литература имеет большое значение с политической и социальной точек зрения – особенно для привлечения внимания к ужасам сталинской и брежневской эпох, – многие считают, что ее чрезмерная публикация все-таки вредна, поскольку ей недостает эстетической ценности. Например, А.Н. Латынина утверждает, что «... разоблачительная литература интересна только до тех пор, пока общество не изменится коренным образом» (с. 22). Сам автор считает, что «разоблачительная литература» и дискуссия о ней являются чрезвычайно важными элементами с точки зрения дальнейшего становления новой парадигмы.

Изменения, начавшиеся в восьмидесятые годы, закрепляются в девяностые. Появляются первые статьи, монографии и конференции, посвященные «другой литературе», то есть постмодернизму. Так, в мае 1991 года Литературный институт им. А.М. Горького организовал четырехдневную конференцию «Постмодернизм и Мы», о которой Андрей Битов отозвался, что она «стала символом того, что „андеграунд“ собирается уже не в подполье» (с. 26).

В следующей части монографии автор подробно рассматривает особенности постмодернизма, обсуждая его совпадения с западной культурой и отдельно останавливаясь на специфике русского постмодернизма. Задается вопрос: что такое постмодернизм? Каковы основные характеристики постмодернистских произведений? В чем заключается специфика этой новой эстетической системы? Чтобы это понять и охарактеризовать, автор сначала дает определение понятию «постмодернизм». Она использует термин «постмодерн» как синоним термина «постмодерность». Постмодернизм,

по мнению автора, это ответ на модернизм. В постмодернизме все меняется, нет никакого места для модернистской перспективы: «нет привычного человека, привычного общества, привычного времени, привычного пространства, привычного знания» – все трансформируется. Постмодернизм разочарован модернизмом, который выполнил свою программу (убийство Бога, построение гуманистического мира), тем самым вызвав кризис человечества (с. 33). Можно сказать, что главный принцип постмодернизма – отсутствие принципов. Автор приближается к этому концепту через намерения писателя. Для постмодерниста больше не актуальны как глубокие философские, эстетические, политические взгляды на мир, так и стремление писателя передать единственную для него истину. Эта намеренность становится смешной, текст перестает соответствовать писательским идеям. Писатель как личность исчезает, маскируется, выполняя свою невидимую работу. Важным становится разрушение традиционных, схематизированных идей, поэтому постмодернистские тексты часто стремятся к пародии, к сознательному дроблению текстов. По утверждению автора, «предметом изображения в постмодернизме является сама культура как единственная реальность, а способом познания виртуального мира – игра, ирония, пародия и цитирование» (с. 35). Монополия сознания закончилась, единой вечной и неизменной истины не существует, через полифонию постмодернистской литературы можно говорить о нескольких истинах одновременно, словом, возникает плюрализм в литературе.

Однако позже возникает дискуссия о соотношении русской литературы и реальности. Уже с конца девяностых появляется понятие «новый реализм», связанное с новым поколением писателей. Автор утверждает, что одной из главных причин рождения «нового реализма» стало разрушение постмодернизмом всех литературных традиций, что привело к попытке возвращения к реализму. В своем анализе Аннамария Вашш рассматривает полемику, возникшую по этому поводу.

Хотя русский постмодернизм смог стать «легальным» движением только с середины 1980-х годов, у него была и скрытая эпоха, которая распространялась среди узкого круга писателей в форме самиздата. Одним из ярких примеров является альманах «Метрополь», которому посвящена отдельная глава книги. Авторы альманаха попытались нарушить единственный официальный канон. Не имея возможности публиковаться из-за жесткой цензуры, они решили создать сборник отвергнутых произведений. Альманах был создан Виктором Ерофеевым, Евгением Поповым, Владимиром Аксёновым, Андреем Битовым и Фазилом Искандером. «Метрополь» показывает, что «другая литература», отличная от официальной, существовала уже в семидесятые годы. На смену социалистическому реализму, наполненному клише и фальшивым сочинениям о псевдопроблемах, пришло нечто совершенно иное. Авторы альманаха искали новые формы и стали смело писать о табуированных темах, о которых раньше писали с пренебрежением или вообще не писали. Пьянство, насилие или секс стали частыми темами. Аннамария

Вашш анализирует публикуемые здесь тексты, которые подвергались критике со стороны официальной литературной политики. Для разрушения шаблонов использовались различные способы, такие как: 1. введение нового типа героя (в героях «новой литературы» нет ничего героического, это самые простые, обычные люди, героический тип советского «маленького человека»); 2. подчеркнутый отход от изображения действительности (некоторые тексты альманаха «Метрополь» свидетельствуют о попытках писателей освободить литературу от принудительного отображения действительности. Так, Аксёнов использует абсурдные и сюрреалистические элементы в драме «Четыре темперамента»); 3. спонтанный язык (к примеру, Искандер стремится вновь легализовать индивидуально-авторский стиль: его «Маленький гигант большого секса» поражает свежестью, стилем живой речи); 4. в них часто нарушается логический порядок событий или встречаются грамматически неправильные предложения. Отношения между писателем и читателем становятся более непосредственными и привычными. Здесь стоит отметить, что было бы интересно увидеть более подробное описание и анализ произведений, представленных в альманахе.

В следующей части монографии Аннамария Вашш подробно анализирует три романа, чтобы проиллюстрировать особенности постмодернизма, который ранее обсуждался на теоретическом уровне. Первым произведением, подвергшимся анализу, стал роман «Душа патриота, или Разные послания Ферфичкину» Попова. Прежде чем приступить к его анализу, автор кратко излагает три теоретических положения, выраженные подзаголовками «Концепции авторства и история авторской маски», «Карнавальные характеристики русского постмодернизма» и «Что такое соц-арт».

Для анализа романа Попова автор предлагает исторический обзор, позволяющий понять, что такое «авторская маска». Несмотря на то, что этот прием стал особенно популярным в постмодернистской литературе и был теоретически обозначен Мальмгреном лишь в 1985 году, Аннамария Вашш подчеркивает, что явление возникло значительно раньше. Одним из ярких примеров являются «Повести Белкина» А.С. Пушкина. Кроме этого, в исследовании приводится описание изменения статуса автора в XX веке. Для понимания произведения будут более важны не биографические данные автора, а его художественный образ – именно это начинает интересовать литературоведа. Появляется понятие «образ автора», которое предоставляет новый подход к пониманию авторства. Авторская маска создает новый тип треугольника: Автор – Рассказчик – Читатель. Но в чем именно заключается эта игра автора? Личность автора теряет свою значимость. По мнению Мальмгрена, «в текстовом пространстве постмодернизма автор, потерявший свою привилегию в эпоху модерна, возвращается в виде маски. При этом его возвращение принимает характер игры: на этот раз автор появляется на сцене за маской, искажающей авторское повествование» (с. 68).

Далее Аннамария Вашш, анализируя роман Попова, показывает появление авторской игры в произведении. Хотя «Душа патриота, или Разные послания

Ферфичкину» отсылает к эпистолярному жанру (что само по себе подразумевает реалистичность событий), автор, скрываясь за маской, ведет со своим читателем загадочную игру. Невозможно определить, что является реальностью, а что вымыслом. Цель автора как раз и состоит в том, чтобы сделать невозможным определение своего субъекта. В этом романе Попов использует увлекательную игру: его вымышленный рассказчик носит имя *Евгений Анатольевич* – имя и отчество, совпадающие с именем автора. Текст производит впечатление одновременно документального и вымышленного, а рассказчик кажется автобиографичным.

Помимо авторской маски, автор монографии рассуждает и о карнавале, уже хорошо известном по классическим литературным анализам, например, произведений Ф.М. Достоевского. Постмодернизм хоть и нарушает закономерность, которой следовали классики, не дистанцируется от них полностью: Ферфичкин в названии романа – это отсылка к «Запискам из подполья» Достоевского. Таким образом, название отсылает к тайному, подпольному миру – в данном случае, к андеграунду. Этот роман представляет перевернутый, карнавальный мир через слои языка и содержания. Все герои романа – персонажи московского андеграунда. По мнению Аннамарии Вашш, именно языковая игра, пародия на официальный, бюрократический язык, становится самым важным элементом. По утверждению автора, «смешение разных стилей осуществляется благодаря маскам, которые носит рассказчик» (с. 99).

Затем автор обращается к другому известному роману Попова «Накануне накануне». Роман явно отсылает к «Накануне» И.С. Тургенева, хотя Попов меняет время и пространство действия. Герои Попова – обеспокоенные будущим России эмигранты, чей грубый и вульгарный стиль мало напоминает тургеньевских героев; тургеньевские же персонажи узнаваемы только в сюжетах и отношениях друг с другом. Пародия не теряется и здесь – помимо тургеньевских героев, можно узнать и реальных исторических персонажей. Изображение исторических лиц разных эпох в одном и том же месте в одно и то же время (например: Горбачев, Ленин, Брежнев) создает эффект пародии. Попов разрушает границы исторического времени, бросая вызов здравому смыслу.

Поскольку роман явно основан на произведении Тургенева, необходимо обсудить, что такое ремейк. Жанр ремейка очень популярен в постмодернистской литературе, однако, по мнению автора, у него нет четкого определения. Возникает вопрос: чем отличаются произведения, позиционирующиеся в постмодернизме как ремейки, от жанровых адаптаций предыдущих периодов? Автор подробно анализирует полемику вокруг ремейка, устанавливая, что различием между ремейком и парафразой является то, что они имитируют другие тексты с разными целями, и приводит читателя к выводу, что в постмодернистской литературе выражение уважения не является целью ремейка – наоборот, ремейк иронизирует над автором оригинального произведения.

Последняя глава книги посвящена анализу произведения Аксёнова «Остров Крым». Этот роман можно рассматривать с разных точек зрения. Поэтика и мифологизация пространства, хорошо известная в русской литературе, присутствует в нем в значительной степени (например, хорошо известен мифологический аспект Петербурга). Согласно автору, Крым представлен в двойной роли: как курорт, своего рода рай, и как место ужасных войн, которые уже не раз случались в истории. Одним словом, Крым предстаёт и как идиллия, и как поле брани. Элементы, характерные для постсоветской литературы, присутствуют в этом произведении в большом количестве. Крым – это идиллическое место, где царит полная свобода. Утопическая обстановка кажется одновременно реальной и вымышленной, ведь Крым – это реальное место, но, как известно, не остров, а полуостров. Таким образом, элементы реальности и фантазии смешиваются, а утопия сменяется антиутопией.

Хотя автор анализирует произведения Попова и Аксёнова с разных точек зрения, можно обнаружить определенные параллели, обусловленные спецификой постмодернистской литературы. В то время как при анализе романа «Остров Крым» основное внимание уделяется поэтике пространства, мифологии Крыма и его кровавому историческому фону, в нем также постоянно присутствуют постмодернистские явления, характерные для творчества Попова, такие как пародия и смешение реальности и фантазии.

В заключение следует отметить, что данная работа представляет собой тщательный анализ и отличную перспективу для лучшего понимания этого хаотичного периода и происходящих в нем интенсивных изменений. Аннамария Вашш прекрасно анализирует новые литературные направления, которые сформировались с середины восьмидесятых, а затем и в девяностые годы. Глубокий анализ творчества двух знаковых авторов – Евгения Попова и Василия Аксёнова – помогает лучше понять историю возникновения русского постмодернизма. Вместе с тем возникают дополнительные вопросы: какова роль других основателей альманаха «Метрополь», таких как Виктор Ерофеев или Фазиль Искандер? В какой мере их творчество способствовало «захоронению соцреализма»? И в какой степени, например, произведения Владимира Сорокина могут быть рассмотрены на границе между двумя парадигмами? В целом можно сказать, что эта книга представляет собой полезное руководство для изучения русской литературы второй половины XX века и способствует более глубокому пониманию одного из самых интересных периодов в ее истории.

Нарцис ГАЙДОШ
Католический университет им. Петра Пазмания
Будапешт, Венгрия
narciszgajdos@gmail.com

Андраш БОЗОРАДИ

С НИМИ ИЛИ БЕЗ НИХ?

JANGFELDT, B.: MI ÉS ŐK – AZ OROSZ ESZME TÖRTÉNETE. SVÉDRŐL
MAGYARRA FORDÍTOTTA BARTÓK IMRE [Б. ЯНГФЕЛЬДТ: МЫ И ОНИ.
ИСТОРИЯ «РУССКОЙ ИДЕИ». ПЕРЕВОД СО ШВЕДСКОГО НА ВЕНГЕРСКИЙ
ИМРЕ БАРТОКА]. HELIKON, BUDAPEST, 2024, 224 O.
ISBN: 978-963-620-057-2

With Them or Without Them?

Jangfeldt, B.: *Mi és ők – Az orosz eszme története* [Us and Them: History of the “Russian Idea”]. Translated From Swedish Into Hungarian by Imre Bartók. Helikon, Budapest, 2024, p. 224. ISBN: 978-963-620-057-2

Abstract

Jangfeldt’s book *Us and Them: History of the ‘Russian Idea’* was published in Hungarian translation in 2024. The author is a Swedish writer and translator from Russian, associate professor of Slavic languages at Stockholm University. The aim of the review is to show what ideological and philosophical currents Jangfeldt’s book discusses, and how all of these have influenced Russian history and culture in the past 300 years.

Keywords: *Slavophile, westerner, idea, tsar, vertical, Russia*

В своей работе по истории идей Бенгт Янгфельдт берется за довольно масштабную задачу. Он проводит читателя через три столетия и стремится представить в виде системы множество идеологий и концепций, оказавших значительное влияние на русскую культуру и историю. В ходе этого «путешествия», которое занимает чуть более двухсот страниц, читатель прослеживает последствия реформ Петра I, знакомится с различными аспектами спора между «славянофилами» и «западниками», а также узнаёт о том, как власть возводит те или иные идеи в ранг государственной идеологии. Первую версию этой работы Янгфельдт написал еще в 2017 году, а затем в 2022 году вышло ее новое, расширенное издание. На венгерском языке книга доступна с 2024 года.

Свой первый доклад в Стокгольмском университете Янгфельдт начал с фразы: «Россия не похожа ни на одну другую страну». Он обосновывает этот тезис, ссылаясь на два специфически русских явления. Первое – это отношение России к Европе, вопрос, который с эпохи Петра Великого занимает русское

общество. Отсюда вытекает резкое противостояние между теми, кто стремится следовать западному пути, и теми, кто отстаивает особый «русский путь» (название эссе также отсылает к «русской идее» Ф.М. Достоевского). Второе явление связано с вертикальной структурой власти, то есть с отношениями между правителями и подданными, что является постоянной чертой русской истории.

Изложив свои тезисы, автор заявляет, что рассматривает русскую культуру как дуалистическое явление. Для иллюстрации этой двойственности он цитирует Николая Бердяева, Владимира Путина и Иосифа Бродского.

В начале эссе Янгфельдт пытается раскрыть богословские корни «русской идеи». По его мнению, одно из фундаментальных различий между Западной и Восточной церквями заключается в том, что на Западе стремятся находить ответы на определенные вопросы, тогда как на Востоке принимают как данность, что человеку невозможно знать все. Восточное христианство проповедует аскетизм, отказ от мирского и смирение, что не обязательно способствует развитию самостоятельного мышления у личности. Русская церковь освящала крепостное право, которое, по мнению Янгфельдта, является «раковой опухолью» общества. Исходя из этого, автор делает вывод, что, в отличие от прогрессивных католиков, православные носят регрессивный характер.

Правление Петра I, безусловно, открывает новую эпоху в русской истории. Он получает власть в стране, где более двух веков господствовали монголы. Население государства составляет около 15 миллионов человек, уровень грамотности чрезвычайно низкий. Россия практически не имеет дипломатических связей с Западом. Армия отстает от западных стран на несколько веков. Открытость к Западу была вызвана, прежде всего, военной отсталостью, что привело к проникновению в страну современных технологий. Петр I приглашает подготовленных офицеров и инженеров, которые начинают переписку со своими соотечественниками, тем самым ускоряя обмен информацией. Это оказывает влияние и на культурную жизнь. Первую официальную театральную постановку по библейской истории об Эсфири организовал лютеранский пастор Иоганн Грегориус. Все больше молодых дворян обучаются в Западной Европе. Петр I реформирует систему государственного управления, создает тайную полицию, а также Святейший Синод, тем самым подчиняя церковь государству.

Петр Великий принял титул «императора» и в 1703 году официально «открыл окно в Европу», основав Санкт-Петербург. Целью было построить город, не похожий на деревянную Москву. Дворянство получило приказ возводить каменные здания на берегах Невы. Проект оказался успешным: Петербург превратился в настоящий мегаполис. Он стал символом стремления догнать Запад, но одновременно и разделил русское общество. Элитные слои приветствовали появление новой столицы, но широкие народные массы и церковь выступили против, утверждая, что Москва – «третий Рим» (ссылаясь на концепцию Филофея Псковского), а четвертого не будет. С этого момента

у страны фактически две столицы – северная и южная. Бердяев отмечает, что именно с Петра Великого в российском обществе появилась такая двойственность, которой нет у других наций.

После смерти Петра I на престоле сменяется ряд регентов, и, за исключением строительных работ в Санкт-Петербурге, в книге этот период подробно не описывается. В 1762 году на трон восходит Карл Петер Ульрих под именем Петр III. Его жена – София Августа Фредерика Ангальтербтская, немка по происхождению со шведскими корнями. Через них династия Романовых в некоторой степени европеизируется. Однако Петр III правит меньше полугода: в результате дворцового переворота его свергает собственная жена, которая становится императрицей Екатериной II.

Екатерина II с юных лет осознанно и упорно занималась самообразованием. Она изучала русскую историю и философию, сама много писала, вела переписку с Дени Дидро и Франсуа Вольтером. Когда публикация «Французской энциклопедии» столкнулась с трудностями, Екатерина II предложила издать ее в Российской империи. Под влиянием идей Шарля Луи де Монтескье в 1767 году она издала «Наказ» – документ, целью которого было создание справедливого законодательства. Однако в одном Екатерина II отошла от взглядов Монтескье: он считал конституционную монархию предпочтительной формой правления, Екатерина II не могла поступиться самодержавием (что объяснялось масштабами страны).

При ее правлении крепостные крестьяне остались в стороне от идей Просвещения. Более того, их положение ухудшилось: они утратили право жаловаться на своих помещиков, в то время как помещики могли ссылать их в Сибирь. Со временем императрица все больше входила в противоречие с собственными убеждениями (восстание Пугачева и Французская революция поколебали ее уверенность). Достичь своих целей она не смогла, так как отступала перед любыми реформами, угрожавшими ее абсолютной власти. Учрежденная ею Комиссия по составлению законов оказалась недолговечной, но, тем не менее, Екатерине II были пожалованы титулы «Великой» и «Мудрой Матери Отечества».

Разумеется, ее правление отмечено и значительными достижениями. В стране появились независимые типографии, был основан Большой театр, расцвела культурная жизнь (в это время творили Гавриил Державин, Александр Крылов, Денис Фонвизин и Николай Карамзин), Россия завоевала Крым. Однако наследие Екатерины II столь же противоречиво, как и наследие Петра Великого: несмотря на бесспорные успехи, наибольшую выгоду от них получила элита, а социальное расслоение только усилилось.

Екатерина Великая воспитывала своего внука, будущего Александра I, в духе Просвещения. Вступая на престол, Александр I заявил, что намерен продолжить путь Екатерины II. Среди его планов были более справедливое законодательство и ликвидация самодержавия, но этим планам помешала война. После Тильзитского мира царь поручил Михаилу Сперанскому разработку нового свода законов, взяв за основу английские и французские

модели. Либеральный проект пришелся Александру I по душе, однако элита (включая Карамзина) выступила категорически против, и в итоге Сперанский был отправлен в отставку.

В 1812 году Наполеон напал на Российскую империю, но потерпел поражение. В 1814 году союзники окончательно разгромили французов, а годом позже была создана Священная лига. Империя получила Финляндию и Царство Польское. Со временем Александр I все больше погружался в религиозный фанатизм, оказавшись под влиянием некоего Фотия – загадочного монаха, который на несколько лет захватил внимание царя. Усилилась цензура, был запрещен ввоз иностранных книг. Янгфельдт видит в этом монахе предшественника Григория Распутина.

После внезапной смерти Александра I на престол взошел его брат Николай. Узнав об этом, декабристы подняли восстание против самодержавия. Восставшие в основном происходили из высших слоев общества и были верны царю, но, побывав в Западной Европе во время наполеоновских войн, они познакомились с местными обществами и идеями. Вернувшись в Россию, эти молодые люди создали тайные общества, которые ставили перед собой такие цели, как отмена крепостного права, свобода слова, печати и собраний, а также независимая судебная система.

Восстание потрясло нового царя, и он ответил на него кровавыми репрессиями. Николай I держался в стороне от идей Просвещения, но считал примером для подражания Петра Великого. Он создал мощный бюрократический и полицейский аппарат, который позволял контролировать все слои общества, укрепляя вертикальную систему власти, о которой писал Янгфельдт.

Революционная волна, охватившая Европу, напугала Николая, и он принял участие в подавлении нескольких восстаний за границей. Это вызвало рост антироссийских настроений по всей Европе. В России все больше усиливалась цензура, выезд за границу стал сложнее, чем прежде. Российская империя все сильнее изолировалась от остального мира.

Министр народного просвещения Николай I Сергей Уваров выдвинул следующий принцип: молодежь необходимо воспитывать незаметно, до того момента, пока она не начнет верить в триаду «православие, самодержавие, народность». Эту триаду впоследствии можно возвести в ранг официальной государственной идеологии (исследователи называют это династическим национализмом). По мнению Янгфельдта, триада Уварова стала ответом на лозунг «Свобода, равенство, братство». Уваров рассматривал самодержавие как фундамент, на котором покоится русский колосс.

После этого Янгфельдт переходит к рассмотрению противостояния славянофилов и западников. Оба направления испытали влияние романтических движений первой половины XIX века, согласно которым человеку необходима духовная пища, которую один лишь интеллект обеспечить не в состоянии. Особенно значительное влияние оказала немецкая романтика, например, натурфилософия Фридриха Шеллинга, утверждавшая, что мир представляет собой единый органический целостный организм.

Автор называет историческую идентичность России и ее отношение к Западу одной из главных тем славянофилов. Николай Рязановский, специалист по эпохе Николая I, пишет, что среди множества идей и идеологий есть одна общая черта: «Россия всегда была „Мы“, а Запад всегда был „Они“; причем именно „Они“ виновны во всех грехах мира».

Русские, подобно другим европейским народам, обладают древней государственностью, однако существует одно существенное отличие: Россия никогда не имела связи с античностью. Петр Чаадаев считал это фатальной проблемой, тогда как славянофилы видели в этом преимущество. Римская цивилизация оставила Европе в наследство право и рационализм. С точки зрения славянофилов, право проблематично, поскольку не признает ничего, кроме самого себя. Рационализм же, подчиняя себе церковь, ведет к индивидуализму и конкуренции. Частично именно в этом славянофилы видели слабость Западной Европы (особенно активно эти идеи стали распространяться с 1860-х годов).

Россия, напротив, может стать альтернативой, источником силы и стабильности, поскольку русские уверены в своей идентичности и строят общество на основе коллективизма. С этим тесно связан концепт «соборности» – духовного единства, основанного на православном учении.

Янгфельдт старается осветить отношение «Мы» и «Они» с позиции именно славянофилов. Согласно этому взгляду, у русских два врага. Первый – это настоящий Запад, а второй – русский Запад, возникший после реформ Петра Великого. Славянофилы видели в Петре I тирана, который прервал органическое развитие страны, расколол народ и проводил свои реформы жестокими методами. Исходя из этого, Санкт-Петербург мог быть лишь городом внешней истины, тогда как Москва – городом внутренней истины и истинной веры.

Легко было бы считать славянофилов застрявшими в прошлом консерваторами, но Янгфельдт указывает, что это заблуждение. Исходя из своих религиозных и исторических взглядов, они выступали против крепостного права и требовали свободы слова. Они даже критиковали Николая I, поэтому историки избегают применять к ним термин «династический национализм», предпочитая называть их взгляды «романтическим национализмом». Парадоксальным образом именно в период самого жесткого подавления расцветает русская культура.

Западники стремились идти в ногу с Европой, видя в этом залог прогресса, и считали, что Россия является частью общего европейского пути. Промышленная революция не могла произойти в Российской империи, поскольку в стране отсутствовал полноценный средний класс, а крестьянство было прикреплено к земле. Это привело к технологическому отставанию русской армии, за что пришлось заплатить в Крымской войне.

Мирный договор подписал уже не Николай I, а Александр II. В 1861 году Александр II окончательно отменил крепостное право. Целью было создание такого закона, который удовлетворил бы всех, но результат оказался

неоднозначным. С одной стороны, институт крепостничества действительно был упразднен, но с другой – многие крестьяне не смогли выкупить свою свободу.

Александр II провел также юридические и административные реформы, в результате которых, например, появились земства. Его правление можно охарактеризовать как умеренный абсолютизм. Январское восстание 1863 года напугало царя – он опасался, что поляки создадут прецедент. В ответ Александр II жестко подавил восстание и начал политику русификации.

В этот период в стране начинает распространяться социализм, который сумел впитать в себя и идеи славянофилов. Одним из его важнейших представителей был Александр Герцен (который выступал в поддержку поляков). Хотя Герцен принадлежал к западникам, он принял историческую концепцию славянофилов и отверг западную буржуазию. Он считал, что Россия может стать той страной, которая в своем историческом развитии сумеет «перепрыгнуть» через стадию буржуазии. В отличие от западников, Герцен положительно оценивал реформы Петра I. Он видел потенциал в созданной Петром I интеллигенции, которая, по его мнению, могла бы убедить народ свергнуть царизм.

В стране начали появляться радикальные революционные организации, такие как «Народная воля», которые видели потенциал в крестьянских общинах для начала революции. По всей стране совершались террористические акты против государственных чиновников. В 1881 году одна из таких атак привела к убийству императора Александра II. Его сын, Александр III, был потрясен этим событием и обвинил либеральную политику отца за случившееся. Подобно Николаю I, Александр III усиливает автократию, увольняет реформаторов и начинает процесс русификации польских, финских и балтийских образовательных учреждений. В экономике же он старается идти в ногу с Европой, и промышленный рост России сопоставим с ростом США, чему способствовали усилия министра финансов Сергея Витте, ставшего позже первым премьер-министром России.

При Николае II экономический рост продолжался, но после поражения в Манчжурии (1905) монархия столкнулась с жесткой оппозицией либералов и социалистов. Социалисты разделились на умеренных меньшевиков, считавших буржуазию необходимым этапом развития, и радикальных большевиков, настаивавших на немедленной революции. Янгфельдт сравнивает меньшевиков с западниками, а большевиков – со славянофилами, подчеркивая их способность адаптировать романтический национализм.

Первая мировая война привела к огромным потерям. В 1917 году Николай II отрекся от престола, но Временное правительство Керенского не смогло удержать власть. Этим воспользовались большевики, положив конец эпохе Петра I. СССР продолжил традицию противостояния Западу, но теперь в формате «социализм vs. капитализм». В 1920-х годах российская интеллигенция подверглась репрессиям или эмигрировала.

В среде ищущей свою идентичность русской эмиграции зарождается идея евразийства. Николай Трубецкой считал страну уникальной цивилизацией между Европой и Азией, независимой от Запада. Евразийцы полагали, что монгольское владычество укрепило государственность, а многонациональный характер России требует особого пути развития. Однако в 1930-х НКВД внедрился в движение, после чего Трубецкой его покинул, что привело к его краху.

В 1985 году к власти пришел Горбачев, начавший перестройку и гласность. Он объявил, что Россия – европейская нация, а курс на примирение с Западом ослабил коммунистические догмы. Распад СССР в 1991 году вызвал территориальные потери и идеологический кризис. В новой России начался пересмотр истории, и страна сделала попытку следовать западной модели демократии.

Тот факт, что евразийство вновь набрало силу, во многом связан с работой Александра Дугина. В молодости Дугин ненавидел советское общество. Он был восприимчив к эзотерике, нумерологии, христианскому мистицизму, а также к фашизму. В конечном итоге он выбрал националистическое направление. Его цель – поднять евразийство до уровня государственной идеологии. Янгфельдт называет его ведущим представителем «русской идеи» и признает, что концепции Дугина оказали значительное влияние на современный политический дискурс России. Однако, по мнению Янгфельдта, идеологически современная Россия вошла не в XXI, а в XIX век. Если искать исторический аналог сегодняшней России, то он скорее всего находится в империи Николая I.

В целом можно сказать, что в своем эссе автор стремится рассмотреть тему с разных точек зрения. Он объективен и приводит множество примеров для иллюстрации исследуемых процессов. Однако, когда речь заходит о современной России, читатель уже легко замечает личные предпочтения Янгфельдта. Тем не менее, в заключении своей работы он пытается найти точки консенсуса, ссылаясь на Николая Бердяева и Андрея Синявского. Конечно, прошлые события легче воспринимать с большей дистанцией. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что речь идет о подлинно интеллектуальной истории идей, поскольку в этой работе слишком большое внимание уделяется политическим и военным процессам российской истории. На протяжении многих страниц у читателя возникает ощущение, что он читает своеобразные размышления автора о русской истории. В то же время необходимо отметить, что автор использует интересные аналогии. Например, он рассматривает противопоставление большевиков и меньшевиков через призму оси славянофилы – западники. Для университетского преподавателя русской истории это эссе, вероятно, не принесет много нового. Однако студенту, изучающему Россию, несомненно, стоит хотя бы раз ознакомиться с этой работой. Эссе Янгфельдта помогает структурировать многочисленные философские, исторические и культурные процессы, знание которых необходимо для понимания российской истории.

В целом, венгерская критика положительно оценивает работу Янгфельдта, поскольку она помогает понять сложность российской идентичности и политического мышления, а также их исторические корни – и с этой задачей книга справляется действительно безупречно. Каталин Дьюрки в рецензии, опубликованной на портале 1749.hu, подчеркивает, что Янгфельдт анализирует движение «идеологического маятника» в российской истории, который колеблется между тяготением к Западу и внутренней автократией. По мнению автора, Россия на протяжении всей своей истории так и не смогла найти равновесие между этими двумя полюсами, что в значительной степени повлияло на ее политическое и социальное развитие. Рецензия на сайте Olvasóterem.hu выделяет, что Янгфельдт тщательно показывает становление и развитие русской идеи – от реформ Петра Великого до современной путинской политической идеологии. Сильной стороной книги является ее доступность и информативность при изложении основных направлений российского политического мышления и их исторического контекста.

Литература

- GYÜRKY K. 2024: Ideológiai inga (Bengt Jangfeldt: *Mi és ők – Az orosz eszme története*) [Ideological pendulum (Bengt Jangfeldt: “Us and them – The history of the ‘Russian idea’”)]. <https://1749.hu/fuggo/ideologiai-inga-bengt-jangfeldt-mi-es-ok-az-orosz-eszme-tortenete.html> (Дата обращения: 01.05.2025).
- JANCE 2024: Bengt Jangfeldt: *Mi és ők. Az orosz eszme története* [Bengt Jangfeldt: “Us and them – The history of the ‘Russian idea’”]. <https://olvasoterem.com/blog/2024/06/24/bengt-jangfeldt-mi-es-ok-az-orosz-eszme-tortenete/> (Дата обращения: 01.05.2025).
- JANGFELDT, B. 2024: *Mi és ők – Az orosz eszme története*. Ford. Bartók Imre [Us and them: history of the “Russian idea”. Translated by Imre Bartók]. Budapest: Helikon Kiadó.

Андраш БОЗОРАДИ
Институт славистики
Дебреценский университет
Дебрецен, Венгрия
andrisbozorady@gmail.com

ANNALES INSTITUTI SLAVICI UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS		
SLAVICA LIV	2025	DEBRECEN

Klára AGYAGÁSI

BÜCHER HABEN IHRE SCHICKSALE...

GREGOR FERENC: A SZLOVÁK NYELV MAGYAR ELEMELI [DIE UNGARISCHEN ELEMENTE DER SLOWAKISCHEN SPRACHE]. KAIROSZ, BUDAPEST, 2023, 953 O. ISBN: 978-963-514157-9

У книг тоже своя судьба...

Gregor Ferenc: A szlovák nyelv magyar elemei [Венгерские элементы словацкого языка]. Кайрос, Будапешт, 2023, 953 с. ISBN: 978-963-514157-9

Аннотация

Ференц Грегор – крупнейший венгерский исследователь лексики словацкого языка, не смог при жизни увидеть публикацию своего главного труда. Автор статьи преследует две цели. С одной стороны, он стремится увековечить память о выдающемся ученом, который упорно шел своим путем ради создания научных ценностей, принимая на себя все трудности одинокой борьбы, и чьи усилия – благодаря самоотверженности ученых следующего поколения – хоть и посмертно, но были увенчаны успехом. С другой стороны, автор стремится обратить внимание на значительное языковое и культурное влияние, которое венгерские диалекты оказывали на язык словацкого населения, проживавшего в северных регионах исторического Венгерского королевства. Это влияние проявлялось несколькими волнами в разных географических регионах и в зависимости от исторических обстоятельств приобретало различный тематический характер. Ференц Грегор, используя чрезвычайно широкий материал письменных источников, выявил почти тысячу венгерских лексем в словопотреблении местных вариантов словацкого языка. Поскольку Грегор тщательно документировал все случаи, когда рассматриваемые венгерские слова проникали и в другие славянские языки Карпатского бассейна, его труд, помимо выдающегося вклада в контактную лингвистику региона, является значительным также с точки зрения ареальной лингвистики.

Ключевые слова: *венгеро-словацкие языковые контакты, словацкие диалектные варианты произношения, словацкие разговорные формы, опосредованные заимствования австро-венгерско-словацкого происхождения*

Die grandiose Arbeit, die hier vorgestellt wird, könnte zu den bedeutendsten Leistungen der ungarischen linguistischen Slawistik des 21. Jahrhunderts gezählt werden. Tatsächlich war die Entstehung des Werks Ergebnis eines Forschungs-

prozesses, der sich über ein halbes Jahrhundert hinzog und im Jahr 1998 seinen Abschluss fand. Wie wir im Folgenden sehen werden, ereilte die Monografie jedoch nach der Fertigstellung des Manuskripts ein sehr schweres Schicksal, und es dauerte noch 25 Jahre, bis sie im Druck erscheinen konnte.

Ferenc Gregor (1926–2008) ist ein hervorragender Wissenschaftler im Bereich der slowakischen Linguistik sowie der ungarisch-slowakischen sprachlichen und kulturellen Beziehungen und der erste Professor für Slowakistik in Ungarn, über dessen Forschungslaufbahn und wissenschaftliche Tätigkeit jedoch unwürdig wenig Informationen in die Foren der Öffentlichkeit gelangt sind. Sein Werk wurde kurz von István Nyomárkay und Anna Divičanová gewürdigt [NYOMÁRKAY 1988, DIVIČANOVÁ 1996], während die wahrscheinlich vollständigste Bibliografie seiner Werke, welche die Jahrzehnte von 1955 bis 1997 umfasst, 2005 von Kálmán Bolla veröffentlicht wurde [BOLLA 2005: 525–535].

Ferenc Gregor wurde 1926 in einem kleinen ungarischen Dorf in der Nähe von Pozsony, Nagypatak (slowakisch Veľká Paka), geboren. Dort begann er die Grundschule, besuchte aber auch zwei Jahre lang eine slowakische Grundschule in Bazin, wodurch er beide Sprachen bereits in der Kindheit erlernte. Er absolvierte seine gymnasiale Bildung in Pozsony und Dunaszerdahely, dann kam er 1945 nach Ungarn und immatrikulierte sich für das Fach Ungarisch–Deutsch an der Péter-Pázmány-Universität, wo er etwas später auch das Fach Slowakisch studierte. 1951 erwarb er ein Diplom in Ungarisch und Slowakisch an der Universität, die damals nunmehr nach Loránd Eötvös benannt war. Auf Einladung von István Kniezsa trat er 1952 dem von Kniezsa geleiteten Lehrstuhl für Slawische Philologie bei, wo er bis zu seiner Pensionierung arbeitete und seine Tätigkeit als Universitätsprofessor beendete.

Ferenc Gregor begann die Forschung zu seinem Hauptwerk im Jahr 1955. Die eigentliche Arbeit erbrachte er alleine in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts ohne wissenschaftliche Assistenz, finanzielle Unterstützung oder technische Hilfe, über mehrere Jahrzehnte hinweg. Die monografische Bearbeitung der ungarischen Elemente der slowakischen Sprache war sein Hauptziel im Leben, alles andere ordnete er dem unter. Das zur Veröffentlichung bereite Manuskript übergab er 1998 dem Akademischen Verlag mit der unterstützenden Empfehlung des Slawisten und Akademikers Lajos Kiss. Anstatt den professionellen Lektoratsprozess unverzüglich zu beginnen und damit die Möglichkeit zu schaffen, eventuelle Autorenkorrekturen vorzunehmen und den Band schnell in den wissenschaftlichen Kreislauf einzuführen, hat die Verlagsleitung das Werk über Jahre hinweg liegen lassen. Professor Gregor konnte die unwürdige Behandlung drei Jahre lang ertragen, zog 2001 jedoch das Manuskript beim Verlag zurück und sagte die Veröffentlichung des Buches ab. Von nun an war das Schicksal des Manuskripts dem Zufall ausgeliefert. Dass es nicht verloren ging, ist Professor István Udvari aus Nyíregyháza zu verdanken, der die fachliche und finanzielle Verwaltung der Buchveröffentlichung übernahm. Sein früher Tod im Jahr 2005 verhinderte jedoch die Umsetzung seines Plans. Schließlich leitete Professor András Zoltán, der Nachfolger von Professor Udvari in Nyíregyháza, die Wiederaufnahme der Arbeiten an dem Band ein und bat den Vorstand der Stiftung

für Ost- und Mitteleuropäische Forschung und Ausbildung um Unterstützung, um die finanziellen Mittel für die Veröffentlichung des Buches bereitzustellen. Die Monografie erschien posthum 2023 beim Kairosz Verlag, 14 Jahre nach dem Tod des Autors. András Zoltán und die an der Veröffentlichung beteiligten Redakteure haben aus tiefem Respekt vor dem Autor selbstverständlich alles getan, um das Manuskript wortgetreu zu reproduzieren, wofür die ungarische Slawistik nicht dankbar genug sein kann. All dies bedeutet jedoch, dass – abgesehen von den empfehlenden Worten des Akademikers Lajos Kiss – die erste Würdigung und fachliche Bewertung der Monografie in der ungarischsprachigen Wissenschaft frühestens im vorigen Jahr, 25 Jahre nach der Fertigstellung des Werkes, erfolgen konnte [TÖLGYESI 2024, VÍG 2024].

Das Buch besteht aus drei technischen Einheiten, nämlich: Vorwort von András Zoltán (S. 7–10), Abkürzungsverzeichnis der verwendeten Literatur (S. 11–36) und Andere Abkürzungen (S. 36–43), gefolgt von sieben substantiellen Kapiteln: Einleitung (S. 43–44), Historische Umstände (S. 45–54), Die Eingliederung ungarischer Elemente in die slowakische Sprache (S. 55), Phonologische Phänomene (S. 56–70), Morphologische, Wortbildungs- und semantische Phänomene (S. 71–83), Wörterbuchteil (S. 85–877), Wortverzeichnis (S. 879–953).

Der Autor formuliert das Ziel der Monografie eindeutig. Es handelt sich um nichts Geringeres als eine umfassende Analyse des Wortschatzes der Slowaken mit dem Ziel, die lexikalischen Ungarismen so vollständig wie möglich aufzuzeigen. In der Einleitung listet Gregor die Publikationen auf, die die Detailfragen dieses Themas bereits aus verschiedenen Perspektiven behandelt haben, und weist auch auf die erschwerenden Umstände hin, die zur Zeit der zitierten Autoren, aber auch während seiner eigenen Arbeit bestanden und die umfassende Bearbeitung des Themas behinderten. Unter diesen hebt er den schwerwiegenden Mangel an einem slowakischen historischen Wörterbuch und einem detaillierten slowakischen Dialektwörterbuch hervor¹ (S. 43), die es ermöglicht hätten, die in den sprachlichen Beziehungen beteiligten Sprachvarianten genauer zu bestimmen.

Wenn Gregor über die historischen Rahmenbedingungen der sprachlichen Beziehungen spricht, betrachtet er die Zeit der Ansiedlung nach der ungarischen Landnahme als Ausgangspunkt und nennt das Ende des 19. Jahrhunderts als Endpunkt. Innerhalb dieses tausendjährigen Zeitraums, den Gregor als das Zeitalter des tausendjährigen slowakisch-ungarischen Zusammenlebens bezeichnet, hat sich jedoch mehrmals die Natur der sprachlichen Beziehungen verändert. Anfänglich, bis zum 12.–13. Jahrhundert, war der intensive sprachliche Einfluss der von den Ungarn im Karpatenbecken vorgefundenen Slawen prägend für die ungarische Sprache. Diese Epoche endete mit der Assimilation der slawisch sprechenden Bevölkerung in die ungarische. In dieser Periode kann man kaum von einer slowakischen Sprache sprechen, die durch genaue phonologische Kriterien definiert werden könnte.

¹ Wie András Zoltán in seinem Kommentar zum Text erwähnt (S. 44), sind die von Ferenc Gregor genannten grundlegenden Werke nach dem Tod des Autors erschienen oder befinden sich im Veröffentlichungsprozess.

Nach dem 13. Jahrhundert erschienen sporadisch und lokal begrenzt slowakische Wörter in der nördlichen Region des ungarischen Sprachgebiets, jedoch verstärkte sich die bedeutendere zweite Welle der sprachlichen Beziehungen nach der Schlacht bei Mohács. Wie Gregor darlegt, verschob die ungarische Bevölkerung, die wegen der politischen Veränderungen nach der Niederlage weiter nach Norden zog, die sprachlichen und ethnischen Grenzen ferner nach Norden. Die direkten sprachlichen Verbindungen, die innerhalb der erweiterten ethnischen Grenzen entstanden, führten an vielen Orten zur Entstehung von Zweisprachigkeit, während die ständigen Bevölkerungsbewegungen wegen der erneuten türkischen Angriffe ab dem 16. Jahrhundert eine massive ethnische Vermischung zur Folge hatten. Ein bedeutender Anteil der ungarischen Bevölkerung wurde slowakisiert. Dieser Prozess hinterließ jedoch im 16.–17. Jahrhundert einen sehr bemerkbaren ungarischen Einfluss in der slowakischen Volkssprache. Es ist kein Zufall, dass in den slowakischen Dialekten die meisten ungarischen Wörter aus den Bereichen Alltagsleben, Familie, Haushalt, Bekleidung, Landwirtschaft und Viehhaltung vertreten sind, vgl. slk. *belčov* 'Wiege' (1564) ← ung. *bölcső* 'id.'; slk. *parta, pártá* 'Kopfputz, Kopfschmuck der Frauen, Art Kranz, Jungfrau(kranz)' (1564) ← ung. *párta* 'id.'; slk. *pohár* 'Trinkgefäß, Becher' (1575) ← ung. *pohár* 'id.'; slk. *gomb, gomba* 'größerer Knopf aus Metall, Metallknopf' (1588) ← ung. *gomb*; slk. *fijok, fiok* 'Fach, Schublade' (1666) ← ung. *fiók* 'kleiner Teil eines Bauwerkes'; slk. *harišňa* 'Strumpf' (1629) ← ung. *harisnya* 'id.'; slk. *fogaš* 'Haken' (1646) ← ung. *fogas* 'id.'; slk. *gazda* 'Hauswirt, Landwirt, Bauer' (1543) ← ung. *gazda* 'id.'; slk. *bíreš* '(Ochsen)knecht, Gutarbeiter' (1610) ← ung. *béres* 'id.'; *čakan* 'Pickhacke' (1473) ← ung. *csákány* 'id.'; slk. *marha* 'Habe, Habschaft, Gut' (1616) ← ung. *marha* 'Vermögen, Schatz'; *chám(a), chámy* 'Pferdegeschirr' (1588) ← ung. *hám* 'id.'; slk. *guľa* 'Viehherde, Herde' (1649) ← ung. *gulya* 'Rind, Rinderherde' u. a. In der Zeit der Türkenherrschaft nahm die Zahl der aus dem Süden kommenden, oft zwei- oder mehrsprachigen ungarischen Adligen in der slowakischen Sprachumgebung zu, was auch sprachliche Spuren dieser sozialen Schicht hinterließ, vgl. slk. *bátamuram* 'Anrede für ältere Männer' (1642) ← ung. *bátyámuram* 'id.'; slk. *čatlós* 'Vorreiter, Reitknecht, Wagenleiter' (1627) ← ung. *csatlós* 'id.'; slk. *gróf* 'Graf' (1409) ← ung. *gróf* 'id.'; slk. *kaštieľ* 'Schloß, Kastell' (1549) ← ung. *kastély* 'id.'; slk. *lovás* 'Pferdeknecht, Reitknecht' (1599) ← ung. *lovász* 'id.'; *itekfogov* 'Truchsess (Hofamt)' (1656) ← ung. *étekfogó* 'id.' u. a. Darüber hinaus erschien im slowakischen Wortschatz natürlich auch die juristische und wirtschaftliche Terminologie, die die Institutionen der Staatsorganisation des unter habsburgischer Herrschaft stehenden ungarischen Königreichs bezeichnet, vgl. slk. *ország* 'Land, Reich, Staat' (1604) ← ung. *ország* 'id.'; slk. *bán* 'Ban, Herr' (1570) ← ung. *bán* 'id.'; *eškut* 'der Geschworene; der Dorfschulze' (1689) ← ung. *esküdt* 'Geschworener, Schöffe'; slk. *birov* 'Gemeindevorsteher, Schultheiß' (1566) ← ung. *bíró* 'id.'; slk. *biršág* '(Geld)strafe, Strafgeld' (1543) ← ung. *bírság* 'id.'; slk. *išpán* 'Gespan, Oberhaupt eines Komitats' (1483) ← ung. *ispán* 'id.'; slk. *dežma* 'Zehent' (1537) ← ung. *dézma* 'id.'; slk. *šarc, šarca* 'Lösegeld' (1660) ← ung. *sarc* 'id.'; slk. *žoldoš* 'Söldner' (1592) ← ung. *zsoldos* 'id.' u. a.

Die seit dem 16. Jahrhundert zunehmende Habsburger Unterdrückung und der Freiheitskampf von Rákóczi zu Beginn des 18. Jahrhunderts verschoben die Übernahme ungarischer Wörter in Richtung des Vokabulars des militärischen Diensts, vgl. slk. *čata* 'Streifzug, Kampf' (1685) ← ung. *csata* 'id.'; *kuruc* 'Kurutze, ungarische Kämpfer gegen die Habsburger unter Thököly und Rákóczi II' (1675) ← ung. *kuruc* 'id.'; *labanc, labanec* 'zur Zeit von Thököly bzw. Rákóczi Anhänger, Soldat der Habsburger' (1684) ← ung. *labanc* 'id.'; slk. *hadnad* 'militärischer Befehlshaber niedrigerer Ränge, Leutnant' (1666) ← ung. *hadnagy* 'Leutnant'; slk. *puškás* 'bewaffneter Soldat' (1657) ← ung. *puskás* 'id.', slk. *šereg, šarag* 'Heer' (1592) ← ung. *sereg* 'id.' u. a.

Die zweite Hälfte des 18. Jahrhunderts ist ein Wendepunkt in den ungarisch-slowakischen Sprachbeziehungen. Während die Verbreitung ungarischer lexikalischer Elemente im slowakischen Sprachraum von den frühen Zeiten bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts ein spontaner Prozess war, traf der Einfluss der ungarischen Sprache seit dem Ende des 18. Jahrhunderts die Slowaken infolge einer gewaltsamen Ungarisierung. Nach Gregors Berechnungen betrug die Anzahl der ungarischen Elemente, die bis zum Ende des 18. Jahrhunderts in die slowakische Sprache eingegangen sind, etwa 950. In den letzten zwei Jahrhunderten hat sich diese Zahl dann verdoppelt. Die verstärkte Übernahme aus dem Ungarischen beinhaltete in erheblichem Maße Elemente der alltäglichen Sprachverwendung der ungarischen Bevölkerung, die im Klein- und Marktstadtleben sowie im Handwerk eine Rolle gespielt hatte, vgl. slk. *bádog* 'Blech' (1792) ← ung. *bádog* 'id.'; *cifrovať* 'putzen, schmücken' (1775) ← ung. *cifráz* 'id.'; slk. *hordár* 'Gepäckträger' (1876) ← ung. *hordár* 'id.'; slk. *kufár* 'Schacherer, Krämer, Händler' (1775) ← ung. *kufár* 'id.' (← bayr.-öst. *kueffer*); slk. *láboš* 'Stangelglas; Pfanne; Dreifuß' (1771-2) ← ung. *lábás* 'id.'; *lakatoš* 'Schlosser' (1718) ← ung. *lakatos* 'id.'; *polgármešter* 'Bürgermeister' (1832) ← ung. *polgármester* 'id.'; *rond* 'Fetzen, Lappen' (1823) ← ung. *rongy* 'id.'; slk. *serenča* 'Glück' (1834) ← ung. *szerencse* 'id.' (← südslaw.); slk. *topánka, topánky* 'Schuh, Halbschuh, Halbstiefel' (1795) ← ung. *topánka* 'id.'; slk. *végrehajtov* 'Gerichtsvollzieher, Exekutor' (1895) ← ung. *végrehajtó* 'id.' u. v. a. Was die geografische Verbreitung der ungarischen Wörter betrifft, bestätigen die Daten von Gregors Wörterbuch, dass die ungarischen Elemente in den ostslowakischen Dialekten am stärksten vertreten sind, gefolgt von den Daten der südlichen Region des mittelslowakischen Sprachraums, während am Ende der Reihe die Lehnwörter des westlichen Dialekts nach der quantitativen Kennzahl stehen.

Gregors Aussage über die Gesamtmenge der ungarischen Elemente in der slowakischen Sprache weicht erheblich von der Position der slowakischen Lexikologen ab. Der Unterschied ergibt sich daraus, dass die slowakischen Sprachwissenschaftler [vgl. KÁLAL 1923, PAULINY 1983] nur die in der slowakischen Literatursprache heimisch gewordenen Ungarismen betrachten, deren Anzahl sich zwischen 400 und 500 bewegt. (Diese Zahl ist auch irreführend, weil die Möglichkeit, in die slowakische Literatursprache aufgenommen zu werden, erst vor kurzem entstand, da die Slowaken bis zum Ende des 19. Jahrhunderts, bis zum Auftritt von Štúr, Tschechisch als Literatursprache verwendeten.) Wie Gregors Monografie mit

einer Vielzahl von Quellen belegt, war die überwiegende Mehrheit der ungarischen Lehnwörter in der slowakischen Sprache für längere oder kürzere Zeit ein organischer Bestandteil der slowakischen Sprache, jedoch nicht auf der Ebene des literarischen, sondern des dialektalen Wortschatzes. Es ist zu beachten, dass das geschätzte Vokabular von über zweitausend Wörtern sogar noch größer sein könnte, da Gregor die Daten aus den Wörterbuchartikeln ausgeschlossen hatte, die in den Quellen als einmalige Vorkommen, Gelegenheitsübernahmen oder Ergebnisse individueller Wortschöpfungen, isoliert erschienen.

Die Quellen der ins Slowakische eingegangenen ungarischen Wörter sind äußerst vielfältig. In Ermangelung eines slowakischen sprachhistorischen Wörterbuchs hat Gregor selbst das ihm zugängliche frühslovakische Sprachmaterial aus Urkunden slowakischer und ungarischer staatlicher und kirchlicher Archive sowie aus handschriftlichen Dokumenten zu historischen, ethnografischen, militärhistorischen, geografischen und wirtschaftlichen Themen oder deren Textausgaben gesammelt. Aber er nutzte auch die in den Archiven der ungarischen Aristokratie Oberungarns (z. B. der Familien Esterházy, Görgei, Balassa, Csáky, Nádasdy, Révay, Zichy) aufbewahrten slowakisch-ungarischen Wortlisten und andere handschriftliche Materialien. Die Bestände der Quellen wurden erheblich durch die in Sammelbänden veröffentlichten Textausgaben der Urbarien und Prozessakten aus dem 16.–17. Jahrhundert und der Zeit Maria Theresias erweitert. Einen wichtigen Platz unter den Quellen nehmen die slowakischen heimatkundlichen Veröffentlichungen ein, die gesammelte Materialien zu den sprachlichen und ethnografischen Merkmalen einer bestimmten geografischen Region ebenso wie die von Ort bekannten Sprichwörter, Redewendungen und Kinderreime enthalten. Eine andere Art von Quellen sind die in musealen Publikationen herausgegebenen Glossare, die den Wortschatz der nach Ungarn umgezogenen, blockweise angesiedelten Slowaken in gedruckter Form festhalten. Schließlich, aber nicht zuletzt sind einige im 20. Jahrhundert erschienene slowakische Dialektwörterbücher zu erwähnen, sowie der 1994 veröffentlichte Band I des Wörterbuchs der slowakischen Dialekte, herausgegeben von I. Ripka, und die Bände I–V des von Éva B. Lőrinczy herausgegebenen Neuen ungarischen Dialektwörterbuchs.

Das Lemma jedes Artikels zeigt die normative slowakische Schreibweise des ungarischen Wortes, das in die slowakische Sprache übernommen wurde, gleich gefolgt von dessen Bedeutung(en) und dem Datum des ersten schriftlichen Auftretens. Wenn das erste Vorkommen des Wortes aus einer ungarischen oder deutschen Quelle stammt, erscheint die Bedeutung auf Ungarisch oder Deutsch; ist die Quellsprache Slowakisch und keine Bedeutung angegeben, übersetzt Gregor die slowakische Bedeutung ins Ungarische und zitiert den vollständigen slowakischen Satz, in dem das Wort vorkommt. Nach dem ersten Auftreten folgen weitere Quelldaten, deren Funktion es ist, die räumliche und zeitliche Verbreitung des Wortes im slowakischen Sprachraum darzustellen. Die Struktureinheit mit slowakischem Teil wird durch Verweise auf wissenschaftliche Mitteilungen, die das betreffende Wort im slowakischen lexikologischen Kontext behandeln, und durch die Auflistung der aus dem Lemma im Slowakischen entstandenen Ableitungen abgeschlossen.

Der zweite strukturelle Teil des Artikels behandelt die ungarische Entsprechung des Lemmas. Er deckt die morphologische Struktur des Wortes auf (sofern das Lemma ein gebildetes oder zusammengesetztes Wort ist), dann geht er auf die Darstellung der Herkunft des Wortes ein. Die Bestimmung des Ursprungs des Stammwortes basiert systematisch auf den Feststellungen von TESz und EWUng. Im Falle von uralischen, finnougri-schen oder intern entstandenen Wörtern akzeptiert und zitiert er die Position des TESz, aber wenn das ungarische Wort eine Übernahme in der ungarischen Sprache darstellt, folgt eine detailliertere Worterklärung. Er zitiert konsequent das Datum des ersten Auftretens des Lehnworts in einer schriftlichen ungarischen Quelle und die dort vorkommende Schreibabbildung, wodurch bestätigt wird, dass, bis das Wort in den slowakischen Dialekten erschien, seine Lautform im Ungarischen bereits den ungarischen Strukturregeln angepasst war und als ungarisches Wort galt. Wenn das Wort neben dem Slowakischen auch in mehrere benachbarten Sprachen eingegangen ist, analysiert Gregor detailliert den Wanderungsweg von der Quellsprache zu den Zielsprachen und verweist auf die neuere Literatur, die ihre historischen Beziehungen behandelt. In allen Fällen, in denen die Bedeutung eines aus dem Slowakischen nachgewiesenen Wortes von der (den) ungarischen umgangssprachlichen Bedeutung(en) abweicht, nimmt der Autor Stellung dazu, ob die Bedeutungsänderung bereits im Ungarischen, in einem Dialekt, stattgefunden hat und ins Slowakische übergegangen ist, oder ob es sich um eine semantische Veränderung auf slowakischer Seite handelt. Die semantischen Analysen enthalten sehr oft auch kulturhistorische Details, die von den umfassenden Kenntnissen des Autors in diesem Bereich zeugen. Der ungarische Artikelteil endet mit Verweisen auf die Fachliteratur, die das Auftreten des ungarischen Wortes in anderen slawischen Sprachen behandelt.

Aus der Sicht der Kontaktlinguistik ist das Werk von Ferenc Gregor weit mehr als nur eine Abbildung der beidseitigen sprachlichen Beziehungen im Wortschatz, wie es der Titel andeutet. Im konkreten Fall handelt es sich nämlich um ein seit dem 15. Jahrhundert gut dokumentiertes, mehrseitiges, sich über mehrere Wellen hinweg durchsetzendes Beziehungssystem, das sowohl die Donor- als auch die Rezipientensprache betrifft, wobei die charakteristischen phonologischen Merkmale der Donorsprache nicht eindeutig bestimmt werden können. In der anfänglichen, längeren Beziehungsphase hatte keine der beiden Sprachen eine literarische Variante; die Teilnehmer waren dialektale Subsysteme. Die Situation wird dadurch kompliziert, dass die Subsysteme im ungarischen Sprachumfeld nicht konstant waren. An den Kontakten waren nämlich nicht nur – wie erwartet – die Sprachvarianten der auf der ungarischen Seite der sprachlich-ethnischen Grenze gelegenen lokalen Blöcke von Mundarträumen beteiligt – nach der heutigen Aufgliederung die Palócz- und nordost-ungarischen Dialektregionen [vgl. JUHÁSZ 2001: 282–296] –, sondern auch Vertreter anderer Dialekte, die sich vor den ständigen türkischen Angriffen aus den unteren südlichen und östlichen Regionen der ungarischen Tiefebene gruppenweise nach Norden zurückgezogen hatten. Es ist verständlich, dass Gregor in den Wortartikeln keinen Versuch unternimmt, die donorsprachliche Form festzustellen, da dies in vielen Fällen nicht zweifelsfrei möglich ist. Zum Beispiel zeigt die

phonetische Realisierung des langen \bar{e} (nach ungarischer Rechtschreibung \acute{e}) Phonems des spät-altungarischen Vokal-Phonemsystems eine mundartliche Differenz in den ungarischen Dialekten: Es kann in unveränderter Form, aber auch als \bar{i} oder als je -Diphthong erscheinen. Anhand des ersten slowakischen Vorkommens des ungarischen Wortes *fillér* – *filier* 'Heller, Pfennig' (1775) – und auch anhand späterer Formvarianten (*filjer*, *filir*) kann nicht festgestellt werden, ob der slowakische Diphthong anstelle des ungarischen \acute{e} eine einzigartige phonetische Eigenschaft eines ungarischen Subdialekts (nordostungarischer Dialekt) aufbewahrt oder eine slowakische Lautersetzung ist. Die Art des ungarischen sprachlichen Einflusses lässt sich ebenso nicht nur auf eine Weise beschreiben. Neben den lebendigen Sprachkontakten muss man auch den substratsprachlichen Einfluss berücksichtigen, der sich in der slowakischen Sprachverwendung der sprachwechselnden und slowakisierten ungarischen Gruppen zeigt, wobei er natürlich nicht direkt auf lexikalischer Ebene, sondern in der Phonologie der lokalen slowakischen regionalen Subsysteme zum Ausdruck kommt.

Erwähnenswert ist schließlich, dass in einem erheblichen Teil der Wortartikel die Analyse der im Rahmen der zweiseitigen Sprachbeziehungen dargestellten ungarisch → slowakischen Entlehnungen inhaltlich der areallinguistischen Beschreibung nahekommt. Gregor übernimmt nämlich bewusst die sprachlichen Konsequenzen der historischen Situation, dass das Königreich Ungarn nach 1526 Teil des Habsburgerreiches wurde und eine beträchtliche Anzahl österreichisch-bayrischer Entlehnungen im ungarischen Wortschatz auftauchte. In den entsprechenden Wortartikeln verfolgt er genau die Eingliederung österreichischer Wörter ins Ungarische und auch den sprachlichen Prozess, durch den die bereits ungarisch klingenden Wörter weiter in die slowakischen Dialekte integriert wurden. Gregor führt solche Fälle auf den sprachlichen Einfluss der polyglotten ungarischen Aristokratie zurück. Es gibt jedoch viele andere fremdsprachige Wörter im Vokabular, die aus dem Ungarischen in die Sprachen der verschiedenen Nationalitäten innerhalb der Grenzen des Königreichs Ungarn – einschließlich der Slowaken – übernommen wurden, sich somit genauso wie die österreichisch-bayrischen Wörter verhalten und deren Verbreitung nicht mit der ungarischen Aristokratie in Verbindung gebracht werden kann. Solche Fälle verdeutlichen, dass ein mehrsprachiger Staat wie das Königreich Ungarn, das innerhalb einheitlicher politischer Grenzen existierte, territorial als linguistisches Areal funktionierte.

Die Monografie von Ferenc Gregor stellt mit dem unglaublichen Reichtum an Daten und der fachkundigen, beispielhaft hohen Qualität der Bearbeitung ein herausragendes Werk der ungarischen Slawistik und der mittelosteuropäischen Kontaktlinguistik dar. Es ist unbedingt empfehlenswert für alle, die sich für die Historie, Kulturgeschichte und die ungarisch-slawischen Sprachbeziehungen der Region interessieren.

Literatur

- BOLLA K. (SZERK.) 2005: Magyar nyelvész pályaképek és önvallomások [Careers and confessions of Hungarian linguists (ed. by Bolla, K.)] I. Budapest: Új Mandátum Könyvkiadó.
- DIVIČANOVÁ, A. 1996: K 70. narodeninám Ferenc Gregora [On the 70th birthday of Ferenc Gregor] // *Studia Slavica Academiae Scientiarum* 41: 408–409.
- EWUNG 1993–97: Benkő Loránd (szerk.), *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen* [Benkő, L. (ed.), *Etymological Dictionary of Hungarian*] Vol. 1–3. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- JUHÁSZ D. 2001: A magyar nyelvjárások területi egységei // Kiss Jenő (szerk.), *Magyar dialektológia* [Territorial units of Hungarian dialects // Kiss, J. (ed.), *Hungarian dialectology*]. Budapest: Osiris 262–316.
- KÁLAL, M. 1923: *Slovenský slovník z literatúry aj nářečí*. Banská Bystrica: Nákladom vlastným [Slovak dictionary of literature and dialects. Banská Bystrica: Author's edition].
- NYOMÁRKAY I. 1988: Ferenc Gregor sechzigjähig [Ferenc Gregor sixty years old] // *Studia Slavica Academiae Scientiarum* 34: 389–391.
- PAULINY, E. 1983: *Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť* [History of literary Slovak from the beginnings to the present day]. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- TESZ 1967–1984: Benkő Loránd (szerk.), *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára* [Benkő, L. (ed.), *Historical-etymological dictionary of the Hungarian language*] I–IV. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- TÖLGYESI T. 2024: Gregor Ferenc, A szlovák nyelv magyar elemei. Kairosz Kiadó, Budapest, 2023. 953 lap [Ferenc Gregor, Hungarian elements of the Slovak language. Kairosz, Budapest, 2023. 953 pages] // *Magyar Nyelv* 120: 367–373.
- VÍG I. 2024: Gregor Ferenc: A szlovák nyelv magyar elemei [Ferenc Gregor: Hungarian elements of the Slovak language] // *Nyelvtudományi Közlemények* 120: 278–282.

Klára AGYAGÁSI
Institut für Slawistik
Universität Debrecen
Debrecen, Ungarn

agyagasi.klara@arts.unideb.hu
<https://orcid.org/0000-0002-6449-5618>

Формальные требования

Формат текста: любой редактируемый текст. При использовании в качестве дополнительных и других шрифтов просим отправить их со статьей.

Поля страниц: верхнее и нижнее – 5 см, левое и правое – 4 см; **Размер шрифта:** 11p

Объем публикаций: статьи до 50000 знаков, **обзоры и рецензии** до 20000 (с пробелами).

Язык статьи: русский, английский и немецкий язык.

Содержание: статья должна содержать имя и фамилию автора, его э-мэйл адрес, ключевые слова и резюме к статье. Просим указать тематический блок опубликования (языкознание, литературоведение, культурология, научная критика).

Резюме и ключевые слова: на английском языке, русском языке и немецком языках.

Цитирование: ссылки на цитируемые источники даются в квадратных скобках, где указывается фамилия автора малыми прописными, год издания и страница [ФАМИЛИЯ 2006: 66]. Если авторов двое, в скобках указываются их фамилии через тире [ФАМИЛИЯ1–ФАМИЛИЯ2 2006: 66], а если больше – указывается фамилия только первого с добавлением *и др.* [ФАМИЛИЯ и др. 2006: 66], в английском варианте *et al.* [SURNAME ET AL. 2006: 66].

В **библиографии** приводится только цитируемая в статье литература, следуя примеры:

– Монография:

AUSTIN, J. L. 1971: Austin How to Do Things with Words. London: Oxford University Press.
ТАРАНОВСКИЙ, К.Ф. [TARANOVSKIJ, K.F.] 2000: О поэзии и поэтике. Москва: Языки русской культуры [On poetry and poetics. Moscow: Āzyki russkoj kul'tury].

– Сборник:

BJØRNFLATEN, J.I. 2006: Chronologies of the Slavization of Northern Russia Mirrored by Slavic Loanwords in Finnic and Baltic // Nuorluoto, J. (ed.), The Slavization of the Russian North. Slavica Helsingiensia Vol. 27: 50–77.

ГИК, А.В. [GIK, A.V.] 2021: Животные и люди. Семантические преобразования в романе Захара Прилепина «Обитель» // Метафорическая картина мира современной художественной прозы: сборник научных статей. Под общей редакцией З.Ю. Петровой, Н.А. Фатеевой. Москва: Аквилон. [Animals and people. Semantic transformations in the novel “Abode” by Zahar Prilepin // Metaphorical world image of modern prose: a collection of scientific articles / Eds. Z.Ū. Petrova, N.A. Fateeva. Moscow: Akvilon] 26–41.

ЖУРАВЛЕВ, И.В. – ОЩЕПКОВА, Е.С. [ŽURAVLEV, I.V. – OŠEPKOVA, E.S.] 2020: Мозг и язык: проблема латерализации // Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография. Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. Москва: Институт языкознания РАН [Brain and language: the problem of lateralization // Consciousness. Language. Brain. Collective monograph. Eds. E. F. Tarasov, I. V. Žuravlev. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences] 26–45.

– Периодическое издание:

ЕПИФАНОВА, Е.А. [EPIFANOVA, E.A.] 2014: Структура житийных предисловий в древнерусской агиографической традиции (XII в. до рубежа XIV–XV вв.) // Вестник ЧелГУ [The structure of hagiographic prefaces in the ancient Russian hagiographic tradition (XII century. Until the turn of the XIV–XV centuries) // Vestnik ChelGU] 2014/16: 41–45.

БАСИНСКИЙ, П. [BASINSKI, P.] 1993: Возвращение. Полемические заметки о реализме и модернизме // Новый мир [Return. Polemic notes on realism and modernism // Novyj Mir] 11: 230–238.

– **Интернет сайты:**

КУЗНЕЦОВА, И.В. [KUZNECOVA, I.V.] 2019: Ориентализмы-антропонимы в южно-славянских устойчивых сравнениях [Orientalisms and anthroponyms in Southern Slavic phraseological comparisons] // Studia Slavica 64.

<https://doi.org/10.1556/060.2019.64107> (Дата обращения: 12. 08. 2019).

HELLER, J.M. 2011: Otče náš, Otče náš... tak kde teda jsi?! Recenze knihy M. Szczygiela Udělej si ráj. <http://www.ilitera-tura.cz/Clanek/28533/szczygie-mariusz-udelej-si-raj> (Date of Access 12. 18. 2014)

Formal requirements

Format: any editable text file. The author should attach any additional fonts used in the text.

Margins: top and bottom - 5cm, left and right - 4cm; **Font size:** 11p

Publication size: articles up to 50000 characters, reviews up to 20000 (with interspaces).

Language: Russian, English and German.

The paper has to contain the author's name, e-mail address, keywords and an abstract. The author should specify the topic of the paper (linguistics, literature studies, culture studies, review).

Abstract and keywords: in English, Russian and German.

References on the quoted sources are in square brackets, in which are shown the surname of the author in small caps, the year of publication and the number of the page [SURNAME 2006: 66]. If there are two authors there is a long dash between their surnames [SURNAME1–SURNAME2 2006: 66], and if there are more than two authors, only the first one is shown with et al. [SURNAME ET AL. 2006: 66], in Russian и др. [ФАМИЛИЯ И ДР. 2006: 66].

In the **Bibliography** are shown only the sources used in the text in the following way:

– **Monograph:**

AUSTIN, J. L. 1971: Austin How to Do Things with Words. London: Oxford University Press.

ТАРАНОВСКИЙ, К.Ф. [TARANOVSKI, K.F.] 2000: О поэзии и поэтике. Москва: Языки русской культуры [On poetry and poetics. Moscow: Āzyki russkoj kul'tury].

– **Collective Volume:**

BJØRNFLATEN, J.I. 2006: Chronologies of the Slavicization of Northern Russia Mirrored by Slavic Loanwords in Finnic and Baltic // Nuorluoto, J. (ed.), The Slavicization of the Russian North. Slavica Helsingiensia Vol. 27: 50–77.

ГИК, А.В. [GIK, A.V.] 2021: Животные и люди. Семантические преобразования в романе Захара Прилепина «Обитель» // Метафорическая картина мира современной художественной прозы: сборник научных статей. Под общей редакцией З.Ю. Петровой, Н.А. Фатеевой. Москва: Аквилон. [Animals and people. Semantic transformations in the novel “Abode” by Zahar Prilepin // Metaphorical world image of modern prose: a collection of scientific articles / Eds. Z.Ū. Petrova, N.A. Fateeva. Moscow: Akvilon] 26–41.

ЖУРАВЛЕВ, И.В. – ОЩЕПКОВА, Е.С. [ŽURAVLEV, I.V. – OŠEPKOVA, E.S.] 2020: Мозг и язык: проблема латерализации // Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография.

Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. Москва: Институт языкознания РАН [Brain and language: the problem of lateralization // Consciousness. Language. Brain. Collective monograph. Eds. E. F. Tarasov, I. V. Žuravlev. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences] 26–45.

– **Journal:**

WAUGH, L. 1993: Against Arbitrariness: Imitation and Motivation Revived, with Consequences for Textual Meaning // *Diacritics*, 23/2: 71–87.

ЕПИФАНОВА, Е.А. [EPIFANOVA, E.A.] 2014: Структура житийных предисловий в древнерусской агиографической традиции (XII в. до рубежа XIV–XV вв.) // *Вестник ЧелГУ* [The structure of hagiographic prefaces in the ancient Russian hagiographic tradition (XII century. Until the turn of the XIV–XV centuries) // *Vestnik ChelGU*] 2014/16: 41–45.

БАСИНСКИЙ, П. [BASINSKIJ, P.] 1993: Возвращение. Полемические заметки о реализме и модернизме // *Новый мир* [Return. Polemic notes on realism and modernism // *Novyj Mir*] 11: 230–238.

– **Internet site:**

КУЗНЕЦОВА, И.В. [KUZNECOVA, I.V.] 2019: Ориентализмы-антропонимы в южнославянских устойчивых сравнениях [Orientalisms and anthroponyms in Southern Slavic phraseological comparisons] // *Studia Slavica* 64.

<https://doi.org/10.1556/060.2019.64107> (Дата обращения: 12. 08. 2019).

HELLER, J.M. 2011: Otče náš, Otče náš... tak kde teda jsi?! Recenze knihy M. Szczygiela Udělej si ráj. <http://www.ilitera-tura.cz/Clanek/28533/szczygie-mariusz-udelej-si-raj> (Date of Access 12. 18. 2014)